

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

**МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**MOSCOW
JOURNAL OF LINGUISTICS**

Том 7 № 2

Москва

2003

ББК81.0
М81

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

С. И. Гиндин (главный редактор)

А. В. Дыбо

Г. Е. Крейдлин

М. А. Кронгауз

Е. В. Муравенко

В. И. Подлеская

С. А. Старостин

З. М. Шаляпина

Адрес редакции:

125267, Москва, Миусская пл., 6, корп. 2

Институт лингвистики, редакция МЛЖ

Тел.: 973-40-09

Зав. редакцией Н. Г. Семенова

© Авторы статей

© Московский лингвистический журнал, 2003

© Российский государственный гуманитарный университет, 2003

тематический выпуск

**РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ:
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА**

Составитель И. А. Шаронов

РЕДКОЛЛЕГИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО ВЫПУСКА

И. А. Шаронов (отв. редактор и составитель)

М. А. Кронгауз

М. М. Ровинская (отв. секретарь)

© Авторы статей

© Московский лингвистический журнал, 2003

© Российский государственный гуманитарный университет, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

М.А. Кронгауз Речевой этикет и мы. 7

Этикет как вид социальной деятельности

Н.И.Формановская Социально-культурная сущность
речевого этикета 9

Л.Л. Федорова Механизмы изменения дистанции в
речевом взаимодействии 21

Е.Н. Басовская Обращения, которые они выбирают
(штрихи к речевому портрету молодого поколения) 41

Г.Е. Крейдлин Невербальный этикет: невербальные
приветствия и прощания 53

Е.Б. Морозова Поклон как этикетный жест 67

Н.М. Михайлюк Диалог взрослого с ребенком: способы
позиционирования слушающего 77

К. Такахаси К поэтике сталинизма 1930-х годов: опыт
дискурсивного анализа одной речи Сталина 101

Описание этикета в языке

И. М. Кобозева Тема речевого этикета в бессмертной
поэме Н. В. Гоголя 125

И.А. Шаронов Столкновение этикетных норм: церемон-
ность и простота в общении 151

Т.В. Крылова Немотивированное выражение недо-
вольства: модели поведения, этические и этикетные
аспекты оценки. 175

Н.Ю. Лукашевич Непосредственность и искренность как
черты характера (представление с помощью шаблонов
поведения). 189

CONTENTS

<i>M.A. Kronhaus</i> We and the speech etiquette	7
--	---

Etiquette as a Form of Social Activity

<i>N.I. Formanovskaya</i> Social and cultural essence of speech etiquette	9
<i>L.L. Fedorova</i> Mechanisms of changing the distance in verbal interaction	21
<i>E.N. Basovskaya</i> Forms of appeal we use. Speech portrait characteristics of different ages	41
<i>G.E. Krejdlin</i> Nonverbal etiquette: nonverbal greetings and leave-takings	53
<i>E.B. Morozova</i> An etiquette bow as an indicator of social relations	67
<i>N.M. Mikhailioug</i> Adult-child communication: ways of listener positioning	77
<i>K. Takahashi</i> On the poetics of Stalinism in the 1930s: a discourse Analysis of a speech by Stalin	101

The Description of Etiquette phenomena in Language

<i>I.M. Kobozeva</i> The topic of speech etiquette in N. V. Gogol's immortal poem («Dead souls»)	125
<i>I.A. Sharonov</i> Collision of etiquette norms. Sincerity and ceremoniousness	151
<i>T.V. Krylova</i> Unmotivated criticizing: models of behaviour, ethic and etiquette aspects of estimation	175
<i>N.Ju. Lukashevich</i> Spontaneous and sincerity as characteristics of humans personality and it's presentation through models of behavior	189

Речевой этикет и мы

21-22 октября 2002 года в РГГУ прошла конференция «Речевой этикет: семантика и прагматика». Позднее к материалам конференции добавилось несколько близких по проблематике статей. Так возник новый тематический выпуск Московского лингвистического журнала.

Представлять настоящую книгу в целом достаточно трудно. Здесь собраны интересные, но очень разные и с точки зрения научных задач, и с точки зрения научных методов статьи. Одни относятся к синхронии, другие к диахронии, в одних исследуется устная речь, в других художественный текст, одни тяготеют к теоретическому осмыслению проблем, в других на первом месте находится языковой материал и его описание. Общим оказывается лишь содержательная связь с речевым этикетом и, может быть, шире – с речевым поведением. В этой ситуации важно сказать несколько слов о том, почему я и мои коллеги, организовав конференцию и готовя очередной номер Московского лингвистического журнала, обратились к проблематике «речевого этикета».

Нам показалось, что эта проблематика сегодня особенно актуальна и для лингвистики, и для нашего общества в целом. Очевидно, что мы живем в период серьезных перемен, которые касаются и объекта нашей науки. Кажется, что эти перемены даже в большей степени затрагивают речевое поведение, чем собственно язык (хотя, конечно, изменения в лексике также весьма значительны). Однако описать изменения в речевом поведении оказывается гораздо более сложной задачей, чем зафиксировать изменения в системе языка. Основными причинами этого являются отсутствие разработанного теоретического аппарата и отсутствие соответствующих описаний. В результате мы как носители языка и мы как лингвисты часто просто не видим происходящих вокруг нас и в нас самих изменений.

Сравнительно более изученной частью речевого поведения следует считать речевой этикет, то есть то поведение, которое в наибольшей степени обусловлено культурными нормами и ситуативным контекстом.

И здесь также приходится признать, что речевой этикет в настоящее время интенсивно меняется. По существу, мы имеем дело с очевидным разрушением некоторых старых этикетных норм и постепенным не всегда очевидным складыванием нового речевого этикета. Те языковые и речевые процессы, которые доставляют множество проблем, а порой бывают просто мучительны для носителей языка, для лингвиста оказываются исключительно важным и интересным материалом, который необходимо исследовать.

Правильность выбора темы подтвердила и сама конференция, причем не только тем, что на ней был представлен ряд чрезвычайно интересных докладов, но и живостью и содержательностью проходивших на ней дискуссий. Формирование данного тематического выпуска только укрепило нас в этом мнении. Остается надеяться, что к нашему мнению присоединится и читатель журнала.

В заключение хочется сказать об основных подходах к данной проблеме. Это, прежде всего, теоретическое осмысление понятия речевого этикета и связанного с ним теоретического и понятийного аппарата. Не менее значимым является исследование и описание слов и выражений быденного языка, так или иначе связанных с речевым этикетом, например, обозначающих этикетные действия. Еще одно направление исследований касается непосредственного функционирования этикета в нашем сегодняшнем обществе. К нему относятся и задачи описания реального положения дел и прескриптивные задачи, то есть попытки сформулировать новые этикетные нормы. Наряду с анализом нашего современного этикета необходимо говорить и о межъязыковом и межкультурном сопоставлении различных речевых этикетов. Наконец, нужно также отметить изучение других этикетных сфер, иногда вполне общих, иногда достаточно локальных, таких, например, как этикет в мире фольклора или в мире отдельного художественного произведения.

Безусловно, названные подходы и задачи не исчерпывают полностью всей проблематики. Однако это перечисление, как кажется, намечает основные современные исследовательские тенденции и приоритеты в области речевого этикета.

М. А. Кронгауз

ЭТИКЕТ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. И. Формановская

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СУЩНОСТЬ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Сущностные признаки речевого этикета (РЭ) определяются важным местом этой системы речеповеденческих единиц как в культуре общения в целом, так и в социальной организации и регуляции коммуникативных взаимодействий партнеров по общению. Речевой этикет – речевое/языковое воплощение существенной части социального этикета в семиотическом и житейском смыслах, всех принятых в обществе (национальном, социально ограниченном) разрешений и запретов в коммуникативном поведении. Таким образом, под речевым этикетом целесообразно понимать социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их социальными ролями, статусно-ролевыми и личностными отношениями в неофициальной и официальной обстановке общения [Формановская 1987, 1998].

I. Социальная заданность РЭ, неотвратимость его исполнения (нельзя не поздороваться со знакомым, не извиниться за провинность, не поблагодарить за услугу и т.д.) связаны с его ритуализованной природой, возникшей на базе обычаев и традиций страны и народа. У ритуала, по крайней мере, три функции: а) объе-

динение круга «своих», б) отторжение «чужих», в) снятие агрессивности. РЭ как нельзя лучше отражает все три функции: в каждой группе общающихся для «своих» избираются одни выражения, «чужие» же удостаиваются совсем других этикетных знаков. РЭ применяется в самых разных случаях: при мимолетной встрече знакомых и незнакомых людей; при «шапочном» знакомстве; как сокрытие за благожелательными выражениями истинного негативного отношения; как соблюдение формальной процедуры; как собственно ролевое (продавец – покупатель, врач – пациент, парикмахер – клиент и т.д.) или личностное коммуникативное поведение при выражении искреннего благопожелания. Когда адресат «чужой», «далекий», вступает в силу вежливость как демонстрация уважительного отношения. Когда же адресат «свой», «близкий» – действуют иные правила: здесь уже не надо демонстрировать формальное уважение, поскольку известна мера дружбы и любви. Поэтому семейный, дружественный этикет, как правило, использует стилистически сниженные знаки контактоподдержания и благорасположения. Особенно ярко это проявляется в системе обращений: достаточно вспомнить принятые в той или иной семье или группе друзей ласковые, подчас смешные именованья, свидетельствующие о близких отношениях.

Снятие или значительное уменьшение агрессивности с помощью употребления уместного выражения РЭ доводилось наблюдать многократно. Стоит лишь в конфликтной ситуации извиниться за собственную оплошность, поблагодарить другого даже за малое доброе дело, как коммуникативный партнер смягчается.

В языке РЭ составляет а) лексико-фразеологический фонд единиц (см. «Словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая [Балакай 2001]) и б) функционально-семантическое поле ситуативно-тематических выражений (обращения, привлечение внимания другого и наделение его ролью адресата; представление при знакомстве с помощью посредника и без него; осведомление о жизни, делах, здоровье; приветствие; прощание; извинение; благодарность; поздравление; подбадривание; поддержка; комплимент; сочувствие; соболез-

нование; среди директивных речевых действий – просьба, предложение, приглашение, в какой-то мере совет, разрешение, этикетно оформленные неодобрение, отказ и запрет и др).

В речи РЭ представлен сводом неписаных правил речевого поведения, выбором наиболее уместного в данной ситуации и для данного партнера этикетного знака и создающейся в результате этого этикетной рамкой общения, пронизывающей весь дискурс. Нарушение таких правил, шаблонов, стереотипов общения оборачивается неэтикетным поведением, граничащим с невежливостью. Один лишь пример. Профессор В.В. Преображенский в устном вступлении вспоминал, как, будучи студентом 4 курса японского отделения, он поехал на практику в Японию, уже хорошо зная язык. В автобусе, стоя за человеком у дверей, он сконструировал фразу, тщательно проверив правильность лексики и грамматики: – *Вы выходите на следующей остановке?* К нему обернулось гневное лицо, и он услышал: – *Какое вам дело? Хочу выхожу, хочу не выхожу.* Поскольку, оказывается, в японском речевом поведении нет соответствующего «транспортного» стереотипа, вопрос был воспринят как вторжение в личную сферу, как нарушение максимы такта (см. принцип вежливости Дж. Лича [Лич 1983]). Таким образом, кроме специализированных выражений РЭ в каждой из тематических групп, РЭ организует и регулирует все общение, так как этикетную функцию в дискурсе несут все средства авторизации и адресации, средства интимизации, метакоммуникативные единицы как модус отношений к партнеру, вся фатика, назначение которой – создание уз общности, взаимопонимания и эмпатии.

2. Многослойность ритуализованного коммуникативного поведения зависит от социальных признаков, статусных и ролевых показателей партнеров, их личных отношений. В языке это обеспечивается наличием выражений со стилистической дифференциацией: от *Могу ли я попросить вас...*, *Позвольте вас поблагодарить...* до *Пока*, *Салют* и др. Каждое из ситуативно-тематических объединений представляет собой коммуникативно-семан-

тическую группу нейтральных, стилистически высоких и сниженных, часто или редко употребляемых выражений: *Благодарю, Спасибо, Мерси, Приношу свою благодарность, Примите мою благодарность. Позвольте вас поблагодарить* и мн.др.

Однако кроме социостилистических различий и выбора при ориентации на адресата этикетные речевые действия характеризуются и тем, что они ориентированы на важность того дела, которое осуществляется с помощью речевого акта. Обратить внимание на эту особенность заставило знакомство с корейской категорией вежливости, которая, как и у японцев, является языковой – представленной большим рядом особых суффиксов, присоединяемых к тем или иным глагольным основам для придания речи того или иного ранга вежливости. Оказалось, что корейская категория вежливости ориентирована дважды: на адресата (что естественно) и на объект речи (что русскому непонятно). Однако обращение к русским выражениям речевого этикета позволило выявить, что, выбирая тот или иной знак из коммуникативно-семантической группы, мы выражаем степень важности, весомости того дела, которое совершаем с помощью речи. Так, например, за пробитый в транспорте талончик не придет в голову сказать: – *Позвольте мне от всей души сердечно вас поблагодарить!* или: – *Примите мою самую глубокую благодарность!*, поскольку услуга была невелика, обстановка неофициальна, и простого *Спасибо!* или *Благодарю!* здесь вполне достаточно.

3. Речевой этикет связан с вежливостью. Эти явления не покрывают друг друга и отношения здесь таковы: не все то вежливо, что этикетно, но все, что неэтикетно, невежливо. На самом деле есть много средств контактоустановления, не отличающихся признаком вежливости: подростки обращаются: – *Эй, ты!*; друзья прощаются: – *Всего!*; мужчина в знак «простоты» обращается к другому: – *Мужик!* и т.д. и т.п.

Категория вежливости относится к функционально-семантическим с прагматическими функциями выражения отношения говорящего к партнеру, к важности дела, к ситуации в целом.

Выступая как этическая категория, вежливость может или демонстрировать внешние нормы общения, пристойность поведения, или знаменовать доброжелательное личное отношение к адресату. Вежливое поведение может проявляться как искренность, а может быть маской, особенно в ролевом общении незнакомых партнеров.

Как прагмалингвистическая категория, вежливость рассматривается с точки зрения экстралингвистических постулатов общения (принцип вежливости и его максимы – см. [Лич 1983; Формановская 1998]) и как функционально-семантическое поле языковых / речевых единиц. Множество сфер и ситуаций общения, разные статусные и ролевые позиции коммуникантов придают вежливости разные лики. В дипломатической и официально-деловой сфере действует один набор форм и средств, обиходно-бытовое общение характеризуется особыми качествами. Вежливость проявляется как приветливость, обходительность, корректность, учтивость, почтительность, тактичность, деликатность, любезность, галантность, куртуазность (см. подробнее в Балакай 2002). Обратившись к биологическим исследованиям специалистов по поведению животных, обнаруживаем интересные сведения об истоках человеческой вежливости. Лауреат Нобелевской премии К. Лоренц в 1963 г. издал в Мюнхене книгу «Так называемое зло (к естественнонаучной истории агрессии)»¹. Размышляя об инстинкте агрессивности в животном мире, К. Лоренц говорит о том, что в межвидовой борьбе она полезна, так как позволяет завоевать территорию, достаточную для выкармливания потомства. Внутривидовая же агрессия опасна. Поэтому природа позаботилась о сохранении вида и создала механизм запрета на убийство себе подобного. Таким механизмом является принятие позы покорности, или умиротворения сильнейшего, победителя. Когда борются два самца за самку или два хищника за добычу, более слабый демонстрирует сильному его преимущества путем позы покорности: волк поворачивает к победителю незащищенную шею, олень встает

¹ На русском языке переиздана под названием «Агрессия (Так называемое “зло”)».

на колени и опускает рога и т.д., и этот знак – табу на убийство. При этом, пишет К. Лоренц, наиболее «вооруженные» хищники имеют самые жесткие запреты на истребление сородичей. Описывая ритуалы демонстрации покорности, К. Лоренц замечает, что в человеческой вежливости очень много от позы умиротворения победителя: поклоны, приседания, прижимания рук к груди и т.д. К. Лоренц видит задачи своей книги в том, чтобы «выявить поразительные аналогии между ритуалами, возникшими филогенетически и культурно-исторически, и показать каким образом они находят свое объяснение именно в тождестве их функций» [Лоренц, 2001, с.80]. Следовательно, можно себе представить, что вежливость развилась из позы покорности как защитный механизм – сначала от более сильного, потом как демонстрация признания вышестоящего, затем как проявление уважения к любому. Если обратиться к речевому этикету как выражению вежливости, то можно обнаружить массу этикетных знаков, демонстрирующих «позу покорности»: *Нижайше кланяюсь; Покорно благодарю; Будьте любезны / добры; Не откажите в любезности; Ваш покорный слуга; Ваш нижайший раб; Бью челом; Чем могу служить; Милости прошу* – и т.д. Многие из подобных выражений устарели, вышли из употребления, однако их хранят для нас народная память, художественные тексты, «Словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая. Но и весь современный речевой этикет – это безусловная демонстрация заинтересованного и чаще всего уважительного отношения к адресату. «Общественное поведение людей пронизано культурной ритуализацией до такой степени, что именно из-за ее вездесущности это почти не доходит до нашего сознания... В повседневной жизни мы не осознаем, что их (хороших манер – *Н.Ф.*) назначение состоит в торможении агрессии и в создании социального союза... Функция манер становится ясной сразу же, когда мы наблюдаем выпадение этой функции. Я имею в виду не грубое нарушение обычаев, а всего лишь отсутствие таких маленьких проявлений учтивости, как взгляды и жесты, которыми человек обычно реагирует на присутствие своего ближнего, входя в какое-либо помещение» [Лоренц 2001,107].

В целом же РЭ как проявление вежливости – это благопожелания, социальные поглаживания (Э. Берн), обеспечивающие неконфликтное общение.

4. РЭ представляет собой класс речевых актов со своими специфическими функциями и речевыми интенциями. Речевые акты многократно описаны и хорошо известны. Здесь же лишь подчеркнем, что перформативные высказывания, реализуемые в прагматических координатах «я-ты-здесь-сейчас» и обладающие эквивалентностью, автореферентностью, эквитемпоральностью [Богданов, 1990] могут иметь самую разную форму: от классического перформатива *Благодарю* с грамматикализованными эксплицитными показателями 1 л.ед. ч. наст. вр., изъяв. накл. действит. зал. и их грамматическими эквивалентами [Апресян, 1995], но и с имплицитно представленными упомянутыми категориями. Это и высказывания типа *Спасибо!*, где нет и не может быть лица, времени и т.д., однако, речевой акт налицо, это и высказывания типа *Я хочу (хотел/а бы) вас поблагодарить*. Подчеркнем, что в подобных высказываниях совершается реальный речевой акт благодарности, а не выражается лишь желание его совершить. Сравним в диалоге: – *Я хочу передохнуть* – *Отдыхайте, пожалуйста* – высказывание с глаголом физического действия, неспособным к перформативному употреблению, модальный компонент *хочу* сосредоточивает фокус внимания именно на желании, поэтому в ответ слышим разрешение на действие. Иное с этикетным перформативным предикатом: на высказывание *Я хочу извиниться (попросить, поблагодарить и т.п.)* нельзя получить ответную реплику: *Извинитесь, (просите, благодарите и т.п.)*, поскольку совершен реальный речевой акт. Ранее говорилось, что множественность способов выразить речевую этикетную интенцию связана как с необходимостью ориентироваться на адресата и на ситуацию в целом, так и на важность совершаемого речевого дела (см. [Формановская. 1998]). То, что с произнесением этикетного высказывания совершается социально и культурно важное действие, придает РЭ особую значимость.

Из сказанного ясно, что РЭ бытует в коммуникативном режиме. Нарративные его описания представлены в художественных текстах и дают интересные дополнительные характеристики с точки зрения социальных признаков и ролей, степени воспитанности и вежливости, характера личных взаимоотношений партнеров и т.д. Например: *«Хотел дать совет, да вовремя удержался. Была у Николаса вредная, неизлечимая привычка – соваться к людям с непрошенными советами, что в Англии считается неприличным и даже вовсе невообразимым»* (Б.Акунин. «Алтын-толобас»); *«Он очень вежливо попросил меня дать рецензию на его работу, говорил при этом «будьте добры», «не откажите в любезности», «если вас не затруднит», и я не смог ему отказать»* (запись устной речи). Особенно интересны в этом отношении структуры с прямой речью, где в авторских вводящих словах содержатся речевые и поведенческие характеристики этикетных проявлений персонажей. Например: *«Я вошел, и человек маленького роста, с бороденкой, в куртке с зелеными петлицами, немедленно преградил мне дорогу. – “Вам кого, гражданин?” подозрительно спросил он и растопырил руки, как будто хотел поймать курицу. – “Мне нужно видеть режиссера Ильчина”, – сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал надменно. Человек изменился чрезвычайно и на моих глазах. Он руки опустил по швам и улыбнулся фальшивой улыбкой. – “Ксаверия Борисыча? Сию минуточку. Пальтецо пожалуйста-с. Калошек нету?”. Человек принял мое пальто с такой бережностью, как будто это было церковное драгоценное облачение»* (М.Булгаков).

Еще раз обратим внимание на то, что в речевых актах речевого этикета воплощаются актуальные в общении речевые интенции (иллокутивные функции), вне которых и без которых общение грозит не стать успешным.

5. Как и многие социокультурные компоненты общения, коммуникативного поведения, речевой этикет стереотипен и автоматизирован: заметно как раз неисполнение этикетных ритуалов. Однако автоматизм и стереотипность не уничтожают творческого

начала в выборе уместной единицы из богатого наличия в коммуникативно-семантических группах – при ориентации на адресата, на важность дела (речевого действия), на ситуацию в целом. Один лишь пример: «– *Здравствуйте, – баба с ведрами живет через три дома от тетки Дуси, зовут ее Настей, по утрам вот так на улице встречаемся. – Здравствуйте... Это не значит, что мы знакомы. Мы просто знаем друг друга в лицо. Но если бы даже она меня ни разу не видела, все равно бы поздоровалась. Вежливое “здравствуйте” – для чужаков... Баба с ведрами, встретившаяся на пути, говорит мне “здравствуйте” не потому, что признает меня своим. Со своими бы она перекинулась не одним словом, для своего у нее бы нашелся вопрос: “Куды гулена, лыжи востришь?” или шутка “Форсист ты, парень, штанца, гляжу, больно нарядны”. Или же какая-нибудь нехитрая просьба: “Скажи Дуське, пусть пилу принесет”. В Красноглинке все соседи, все близкие, жизнь столь тесно переплетена, что при встрече всегда найдется сказать что-то такое, которое не укладывается в одно слово. Даже молчание означает намного больше дежурного “здравствуйте”, встретил да промолчал – неспроста, значит, сердит, знать не хочет, обиду показывает. А “здравствуйте” это замечаем тебя, человек, нет при виде тебя ни радости, ни горя, иди себе мимо. “Здравствуйте” здесь приветствие для чужих» (В.Тендряков). Таков выбор в деревне, иной – в городе, один в официальной обстановке, другой – в фамильярном общении. Можно лишь сказать, что и при использовании стереотипных единиц человек не лишен творчества в выборе наиболее уместного знака.*

6. Речевой этикет – неотъемлемый элемент культуры общения. Культура и бескультурие, вежливость и грубость...

Еще пример из произведения Ч. Айтматова «Плаха». Молодой человек, интеллигент, должен вступить в деловые (а для этого в коммуникативные) отношения с главарем «гонцов» за анашой. Известно, что этот персонаж работает носильщиком на вокзале. Текст таков:

«Я подождал в стороне, пока он освободится, пока отъезжающие скроются в вагоне, а провожающие рассредоточатся вдоль состава по окнам купе. И тут он вышел из тамбура, запыхавшись, суя чайевые в карман. Этаким рыжеватым детина, этаким кот с бегающими глазами. Я чуть было не допустил оплошность – едва не обратился к нему на “вы”, да еще чуть не извинился за беспокойство.

– Привет, Утюг, как дела? – сказал я ему насколько возможно бесцеремонней.

– Дела как в Польше: у кого телега, тот и пан, – бойко ответил он, точно мы с ним сто лет были знакомы».

Среди многочисленных проявлений культуры культура общения занимает важное, если не ведущее место в жизни общества, поскольку общение имеет объединяющую, организующую, регулирующую, воздействующую функцию в жизни народа, в общении реализуется взаимодействие коммуникативных партнеров и групп для достижения коммуникативных и внекоммуникативных результатов. Ясно, что общаться с адресатом следует так, чтобы не наносить ему ущерба своей речью. Вежливость и речевой этикет как раз и выполняют эту миссию. Нередко наивная оценка человека складывается на основании признания его вежливости и этикетных манер: *Какой хороший человек: всегда поздравляет меня с праздниками; Какая у вас дочка милая: всегда здоровается со мной* – и т.д.

Нарушения этикета фиксируются сознанием адресата а) при отсутствии соответствующего знака там, где он ожидается: не извинился, не поблагодарил и т.д... б) при выборе неуместного знака, не подходящего к ситуации, ролевым и личностным отношениям партнеров: *– Приветствую вас, дети мои! – развязно кричит старшим подросток; – Здравсь! – на бегу бросает ученик учителю; – Как дела? – осведомляется младший у старшего* – и т.д. В последнее время часты нарушения речевых норм в средствах массовой информации, которые предлагают нам общение по именам и на «ты» в тех случаях, когда традиционно в русском речевом этикете следует имяотчество и «вы». Примеры многочисленны. Ясно, что в каждой куль-

туре множество субкультур, что отражено в речевом этикете (см. «Словарь русского речевого этикета» А.Г.Балакая).

7. Культура общения и речевого поведения неизбежно связана с неповторимой национальной спецификой. В преподавании иностранных языков, русского языка как иностранного накоплен богатый опыт наблюдений за ошибками учащихся в усвоении правил речевого поведения при изучении языка ([Верещагин, Костомаров, 1976, 1994; Тер-Минасова, 2001] и др.). Приведем лишь несколько примеров расхождений в использовании речевого этикета. На Востоке почтенный возраст человека, в том числе и женщины – его преимущество, достойное уважения и всяческого подчеркивания в речи. В командировке в Корею автору этих строк постоянно говорилось следующее: – *Садитесь, пожалуйста. В вашем возрасте надо сидеть; У вас такой возраст, что вы должны сидеть* и т.п. В Китае на банкете декан факультета произнес тост, обращаясь к женщине: *За ваше здоровье, особенно в вашем возрасте!* Корейские студенты, изучающие русский язык, приветствовали своего русского преподавателя вопросом: *Вы завтракали?*, что вызывало недоумение и даже некоторое раздражение вторжением в личную сферу. На самом же деле произносилось утреннее приветствие. Среди китайских приветствий также есть осведомления типа: *Вы сыты?, Вы уже ели?, Вы завтракали (утром), обедали (днем), ужинали (вечером)?* Так никогда не поступает монгол, который всегда обеспечен едой (из своего стада), поэтому его благополучие – это благополучие скота. Соответственно и приветствия – это осведомления об овцах *Как ваш скот?, Как кочуете?. Как зимуете?* и т.п. Японец не произносит *нет, не хочу* и т.п. На предложение выпить еще чашку чая вместо отказа, он произнесет: *Спасибо, мне и так уже хорошо.* Ясно, что в этикетных стереотипах отразилась специфика образа жизни, быта народа, его восприятия окружающего мира, поэтому можно сделать вывод, что в стереотипах речевого этикета запечатлелись национальные языковые картины мира.

Литература

Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре. Избранные труды. М., 1995.

Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001.

Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002.

Богданов В.В. Речевое общение. Л., 1990.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1979-1994.

Лоренц К. Агрессия (Так называемое «зло»). С-Пб.: Амфора, 2001.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2001.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987.

Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.

Л. Л. Федорова

Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии

Вежливость вместо доброты?

1. Считается, что вежливость – это то, что дешевле всего стоит и дороже всего ценится. Действительно ли знаки внимания и почтения, которые мы отдаем, нам ничего не стоят? И что мы приобретаем, получая знаки внимания со стороны окружающих?

В наивной психологии это что-то вроде достоинства: мы *удостаиваем* кого-то вниманием (т.е. буквально отдаем часть достоинства) и чужое внимание поддерживает наше достоинство. По-видимому, для каждого это переменная величина, хотя и стремящаяся к постоянству. Можно обозначить эту величину как вес (или силу) позиции. Она складывается из представлений о ценности позиции.

В обществе, строящемся на иерархических отношениях, позиции его членов, естественно, неравноценны. То же касается и малых коллективов, хотя в некоторых могут преобладать отношения равноправия и солидарности. Иерархические отношения в коллективе – это отношения Вышестоящего и Нижестоящих. Позиция Вышестоящего (правителя, царя, господина, хозяина, начальника, отца) – сильная, она предполагает как прототип – могущество, власть, высшую справедливость, богатство, знание, великодушие. Вышестоящий имеет право *хотеть* и осуществляет его (осуществляет свою *волю*),

дарит блага, знает истину, разрешает споры, прощает обиды. Позиция Нижестоящего – слабая, это слуга – тот, кто оказывает *услуги, служит* Вышестоящему (*рад услужить, рад стараться*), терпит ущерб и довольствуется теми благами, что дарит Вышестоящий. Соответственно вес позиции Вышестоящего значительно превосходит вес позиции Нижестоящего.

Взаимодействия в коллективе происходят в соответствии с типами отношений между его членами: между Вышестоящим и Нижестоящими – обычны формально-иерархические отношения; среди Равных и Своих – солидарные; по отношению к не-членам коллектива, Чужим, – формально-нейтральные. Неформальные отношения обычны в неформальных объединениях – в семье, в кругу друзей, возможны они и для формальных коллективов в неформальной обстановке – в застолье, в гостях и проч.

В различных сообществах в соответствии с господствующей идеологией преобладают традиции либо иерархического, либо солидарного общения; первым следуют в традиционных обществах, вторые провозглашают в демократических. Соответственно, этикетные нормы ориентированы либо на заданное неравенство позиций, либо на исходное их равенство. Как отмечают [Байбурин и Топорков 1990], разные этикетные традиции характеризуют различные культуры, и этикетные нормы могут быть не менее строги в крестьянской общине, чем при царском дворе. Как правило, более строгие нормы соотносятся с иерархическим общением, да и в демократических обществах присутствуют его элементы (с возможной переоценкой ценностей), поэтому попробуем рассмотреть его прототипическую модель.

В данной модели ключевым является понятие социальной дистанции (СД), которое можно представить как некий теоретический конструкт, имеющий определенное физическое содержание: это то расстояние, которое разделяет учителя и ученика, начальника и подчиненного, хозяина и слугу. Оно может наглядно выражаться в длине ковровой дорожки в кабинете начальника, в возвышении правителя на троне и расположении подчиненных – в почтительном отдалении. С долей иронии такое соотношение позиций иллюстрирует Ф. Искандер:

...На Королевской Лужайке Король и Королева сидели на возвышенном месте, а над ними слегка колыхалось знамя с изображением Цветной Капусты.

Чуть пониже располагались придворные кролики, или, как их называли в кроличьем простонародье, Допущенные к Столу. А еще ниже те, которые стремились быть Допущенными к Столу, а дальше уже стояли или сидели на лужайке рядовые кролики.

(Ф. Искандер. «Кролики и удавы»)

2. Вступая в общение, собеседники определяют друг для друга соотношение позиций по признакам «выше – ниже» и «свой – чужой». Это соотношение и задает величину социальной дистанции между ними. Оно может быть представлено как векторная сумма значений этих двух признаков. Векторное представление учитывает несимметричность отношений между собеседниками. Условно оно может быть изображено на схеме:

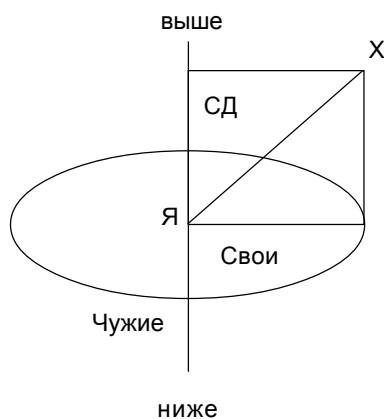

Рис. 1

Здесь Я — Х представляет социальную дистанцию от Я к Х. Понятие социальной дистанции удобно, потому что позволяет говорить о дистанцированности как Вышестоящего, так и Чужого, о приближенности как Равного, так и Своего. (Подчеркнем, что речь идет о

дистанции, задаваемой социальной нормой, поэтому она названа социальной. Это исходная величина; она не равна нулю и в солидарных коллективах, поскольку сохраняет вес позиция Чужого и различные промежуточные позиции. На нее может накладываться представление о превосходстве – собеседника или собственном – по разным психологическим параметрам: обаянию, уму, силе духа или силе чувства и проч. Эти представления о разности в определенной системе ценностей могут составлять суть взаимного интереса и формировать баланс психологических позиций в межличностных отношениях. Таким образом, в реальном воплощении дистанция имеет социально-психологическое содержание.)

3. Всякое взаимодействие динамично в том смысле, что в его ходе меняется статика отношений, т.е. заданная СД; в результате взаимодействия баланс восстанавливается или СД приобретает новое значение. Обычно это изменение ситуативно, т.е. не ведет к нарушению баланса. Так, обращаясь к незнакомому прохожему с вопросом: – *Вы не скажете, который час?* – вы номинально сокращаете дистанцию, поскольку, во-первых, вторгаетесь в его личную сферу, требуя к себе внимания (изменение значения признака «Свой-Чужой»), и, во-вторых – просите об одолжении. Получив ответ: – *Два часа*, – вы скажете: – *Спасибо*, – и тем самым восстановите баланс, (частично) возмещая труды выражением благодарности. Получив ответ: – *У меня нет часов*, – вы скажете: – *Извините*, – т.е. восстановите баланс, возмещая причиненное беспокойство этикетной просьбой о прощении.

Таким образом, при речевом взаимодействии параллельно с явным перераспределением информации происходит и неявный процесс регулирования социальной дистанции: мы что-то отдаем и что-то получаем, чтобы сохранить дистанцию. Это *что-то* – знаки вежливости, «поглаживания» по Э. Берну, внимание и почтение, которые мы оказываем друг другу. (Хотя обмениваемся мы не только поглаживаниями, но и уколами; не только отдаем и получаем, но и забираем, нарушая заданный баланс.)

Этикетные правила, правила вежливости и служат поддержанию баланса, обеспечивая в конечном счете нормальное существование всего коллектива и каждого его члена. Этикетные правила предписывают выражение внимания и почтения в социально значимых ситуациях. Подчеркнем, что баланс подразумевает не равновесие сторон, не симметричное соотношение их позиций, а заданное социальной иерархией. Так что в наивной психологии позиция Вышестоящего требует как бы больше знаков почтения, а позиция Нижестоящего меньше (отсюда, кстати, обычный раньше в иерархическом общении словоерс: *Да-с* и *Нем-с*, или английское *Yes, sir; No, sir*; кажется, что повторение знаков почтения номинально не увеличивает дистанцию, а только подчеркивает ее, но сумма «поглаживаний», очевидно, значима; напротив, по отношению к нижестоящему кажется нормальным недодать знаков внимания – его позиция это допускает).

Вообще этикет представляет собой ценностную семиотическую систему, дифференцирующую *область значимости*, в отличие от систем коммуникации, дифференцирующих *область значения* (как, например, естественный язык). Поле значения этикета, его означаемое, едино – это внимание, почтение, уважение достоинства, *уважение* как таковое, а знаки в системе могут быть ранжированы по значимости, ценности в соответствии со шкалой социальной дистанции (так же, как денежные купюры по курсу валют) и упорядочены в соответствии с ситуациями их использования. Именно ситуация использования, синтактика этикетного знака, вытесняет собственно значение; так, обычно говорят о знаках *приветствия, прощания*, и нередко по форме это одни и те же знаки.

4. Каковы те социально значимые ситуации, в которых действуют этикетные правила? Это ситуации, нарушающие заданный баланс.

Всякое обращение – вторжение в личную сферу, требование внимания, т.е. некоторое нанесение ущерба, которое требует компенсации; отсюда нормально предварительное «Простите» к незнакомому лицу, авансом компенсирующее убыток. (Возможной ком-

пенсацией является выражение *интереса* к собеседнику, который добавляет нечто к весу его позиции, хотя и может показаться нескромным.)

Извинение, просьба, обращение за советом – это ситуации, нарушающие баланс; производящий эти действия в определенном смысле ставит себя в более низкую, слабую позицию (что очевидно, если принять исходное равенство позиций; если же адресант – Вышестоящий, ситуация еще острее).

Ситуация просьбы – признание недостатка чего-то: богатства – «не имею», могущества – «не могу»; возможно, это признание недостатка власти – «не могу приказать» или нежелание использовать власть – и потому слабая позиция. Соответственно это и признание ситуативно сильной позиции адресата, имеющего возможность осуществить просьбу. И одновременно это давление на другую сторону, *призывающее* к добровольным усилиям; призыв предполагает возможность выбора, отказа. (Если адресат – Нижестоящий, для него это может, как ни странно, означать более сильное побуждение, чем обязывающее давление приказа. Если позиции равны, это ситуация, неудобная для обоих, особенно если адресат вынужден отказать.) Просьба должна предваряться дополнительными знаками внимания – формулами просьбы, маркированным выражением доброжелательного отношения (дети подлизываются в такой ситуации). (Ситуация просьбы затрагивает чувства – потому что изменяет баланс, делая говорящего ниже, а адресата выше.) Сила позиции адресата еще и в праве выбора.

Обращение за советом – признание недостатка знания или недостатка воли – необходимых условий принятия решения. Для Вышестоящего, «обладающего Знанием», это тоже слабая позиция (*Я не знаю, что мне делать; как бы ты поступил на моем месте? Как правильно?* Или: *Я не знаю, чего я хочу; помоги мне понять, что делать*). Недостаток информации – ситуативно слабая позиция и в отношениях Равных. Это и просьба об услуге – дать совет.

Извинение – это, очевидно, признание своей вины, неправоты и просьба о прощении, снисхождении. Это самая слабая из названных позиций, и принятие ее говорящим, сознательное снижение своего статуса, требует значительных усилий. Трудность не просто в осознании фактов, но и в публичной демонстрации самоуничижения. Не каждый Вышестоящий способен на подобное действие, и потому оно всегда производит сильный эффект (можно вспомнить ситуации с Ельциным; формулу прощения в аналогичной ситуации – гибели граждан на «Норд-Осте» – использовал и Путин, но с меньшим эффектом: его декларируемая позиция – «правитель – слуга народа», у Ельцина положение было труднее, поскольку его принятая роль – «отец народа»).

Производя эти речевые действия, Вышестоящий ставит себя в более низкую позицию, тем самым делая себя ближе к собеседнику, укорачивая дистанцию. Если адресант нижестоящий, его действия, в общем, не нарушают баланс, они согласованы с позицией; другое дело, что они могут быть малоэффективны, поскольку элемент вынуждения, давления, содержащийся в этих актах, из нижестоящей позиции чисто номинально, хотя и может создать дискомфорт.

В ситуации **отказа** говорящий вынужден принять более сильную позицию или напомнить о ней адресату. Для Вышестоящего в этом действии не предполагается неудобства: разрешать и отказывать – это его статусные функции. Однако на межличностном уровне может возникать психологическое напряжение, и оно тем сильнее, чем выше статус просителя – социальный (в коллективе) или психологический (в межличностных отношениях). Для Нижестоящего отказ – крайне сложное действие, фактически выходящее за рамки позиционных возможностей. В общении Равных эта ситуация также создает психологическое напряжение. Формулы вежливости здесь служат тому, чтобы смягчить отказ. В принципе не только отказ, но и многие другие речевые действия, особенно социально значимые, могут создавать психологическое напряжение, воздействуя на чувства (*поздравление, соболезнование, выражение благодарности; порицание и похвала и др.*).

Итак, существует этикетная согласованность социальной позиции и предписанных ей действий. Для позиции Вышестоящего нормальны приказ, указ, разрешение, запрет, отказ, обвинение, порицание, одобрение, похвала, разъяснение. Для позиции Нижестоящего предполагаются принятие к действию (желательно молчаливое), принятие к сведению, уяснение, доклад, извинение – как действия-реакции в ответ на акции Вышестоящего; собственно акции – просьба и жалоба – допустимы в определенных рамках – например, в форме заявлений, но только по инстанции. Протест предполагает Равенство статусов (для Нижестоящего, для которого протест не предусмотрен, оно может условно достигаться массовостью – например, в политической демонстрации; демонстрация протеста – это проявление своего достоинства, характерное для демократической идеологии, но нарушающее порядок в иерархическом обществе). Позиция Своего предполагает доверие и минимум ограничений в выборе речевых действий; позиция Чужого, напротив, – это позиция невмешательства и несоподчиненности (Свой в иерархическом обществе – подчиненные общему Вышестоящему, Свой предполагает и близость, и обладание). В ситуациях несоответствия статуса и действия и возникает психологическое напряжение.

Изменяя дистанцию, эти ситуации затрагивают чувства. Потому грустный афоризм, что вежливость люди придумали *вместо* доброты, не вполне справедлив. В основе формул вежливости заложено выражение естественных человеческих чувств – доброты, достоинства и справедливости, затронутых при нарушении баланса отношений.

Возможные стратегии изменения социальной дистанции

5. Можно рассмотреть разные возможности изменения СД.

Рис. 2

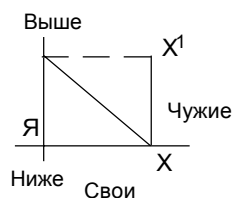

Рис. 3

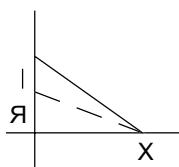
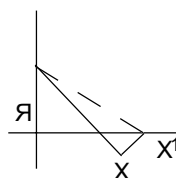

Рис. 4

На рисунках 2–4 схематически представлены три способа сокращения дистанции с позиции Вышестоящего. Сплошная стрелка обозначает социальную дистанцию от Я до X, пунктирная стрелка – результат изменения СД в процессе общения, сокращенную СД.

Первый способ – оказание чести, возвеличивание собеседника, в крайнем случае – поднятие его статуса до своего, приравнивание. Позиция собеседника X^1 – это позиция «кролика, Допущенного к Столу», по Ф. Искандеру. Увеличение статуса собеседника возможно в ситуации похвалы, признания заслуг. (Определенную неловкость – или самодовольство – испытывает при этом адресат, осознавая изменение собственного статуса). Приравнивание статуса – обычная ситуация, когда с ребенком общаются как со взрослым, например, когда к нему обращаются за советом. При этом Вышестоящий может одновременно выступать с заниженной позиции I, как на рис. 3. Важно заметить, что ситуации приравнивания изменяют баланс позиций, приводя его в противоречие с исходным; поэтому они могут быть особенно эмоционально напряженными.

Принятие заниженной позиции допускает две трактовки: это может быть самоуничижение или снисхождение. Позиция самоуничижения характерна для ситуации просьбы, извинения, в определенном смысле совета. Во время ссоры, в случае обиды адресата пойти навстречу, сделать шаг к примирению равносильно принижению собственной позиции: но только умерив свое «достоинство», свою спесь можно достичь сокращения дистанции, преодоления отчуждения, потепления отношений.

Позиция снисхождения в ответной реакции возможна как восстановление баланса: разрешение в ответ на просьбу, прощение в ответ на извинение. Это шаг навстречу, проявление участия, в принципе не выходящее за рамки позиции Вышестоящего (при установке на великодушие).

Третья возможность – приближение собеседника по шкале «Свой – Чужой». Это может быть ситуация оказания доверия, признания чувств. Обращение, делающее собеседника «своим», может им расцениваться как покровительство или как фамильярность. Фа-

миллярность Вышестоящего, укорачивающая дистанцию, может создавать у собеседника ощущение униженности, уничижительности, поскольку с его стороны величина СД не изменилась и тем самым именно его позиция X^1 оказалась заниженной. Кроме того, это бесцеремонное вторжение в личную сферу. Покровительство имеет смысл присваивания, взятия под свою защиту, что является функцией Вышестоящего по отношению к Своему Нижестоящему (в значение Свой входит понятие обладания, а не только близости).

Отметим, что в примерах 2 и 4 говорящий сокращает дистанцию, изменяя позицию собеседника, в примере 3 – изменяя собственную позицию. В общем смысле сокращение дистанции ведет к потеплению отношений. Связь метафоры расстояния в оценке взаимоотношений с метафорой тепла достаточно устойчива: приближение всегда означает потепление, а охлаждение равносильно отдалению, отчуждению.

Увеличение дистанции с позиции Вышестоящего также предполагает три возможности.

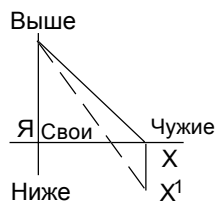

Рис. 5

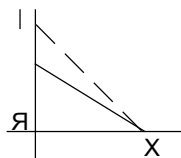

Рис. 6

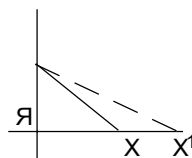

Рис. 7

Первая возможность открыто проявляется в форме насмешки, пренебрежения, оскорбления Нижестоящего как способов унижения, принижения его позиции. «Отрицательное» значение веса позиции X^1 имеет отрицательные коннотации, предполагая «отрицательное» достоинство – вину (а не недостаток правоты), глупость (а не недостаток ума) и проч. (и этим как бы оправдываются действия Вышестоящего). Интересно, что при этом для Вышестоящего адресат делается как бы «более Своим», т.е. возникает ситуация присвоения, фамильярности, хотя и не приводящая к сокращению дистанции.

Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии

В косвенном выражении первая ситуация – это порицание, укор, направленные не столько на принижение достоинства собеседника, сколько на осознание им неблагоприятности поведения, поступка. В общении Равных это допустимое действие, в то время как открытое уничижение антиэтикетно – это нанесение обиды. Ситуация обиды характерна для отношений Равных или Своих.

Вторая ситуация – возвеличивание собственной позиции до I – непосредственно реализуется при хвастовстве, а также в ситуации угрозы, которая в отличие от предупреждения нередко преувеличивает опасность, исходящую от говорящего, пропорционально преувеличению его статуса и, соответственно, полномочий. Третья ситуация – отчуждение собеседника. Оно обычно возникает в результате недовольства, как реакция на обиду, и может выражаться в уходе от общения.

6. Возможности сокращения дистанции с позиции Нижестоящего схематически представлены на следующих схемах:

Рис. 8

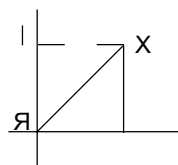

Рис. 9

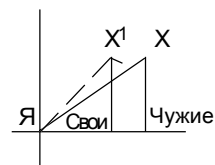

Рис. 10

Сокращение дистанции с позиции Нижестоящего может производиться принижением статуса Вышестоящего (рис. 8), вплоть до приравнивания его к себе. (Ситуация из американского мультика: «Если унизить достоинство важного толстяка, будет смешно; можно для этого швырнуть торт ему в лицо»; это ситуация осмеяния, нанесения ущерба, обиды.) Другой прием – поднятие собственной позиции до I, например в ситуации протеста, когда протестующий приобретает силу, необходимую для противостояния Вышестоящему (рис. 9). Наконец, сокращение дистанции может производиться «ос-

воением» Вышестоящего, приближением на основе личного, неформального общения (рис 10). Но активность Нижестоящего может расцениваться как недопустимая фамильярность (одновременно может реализоваться модель 9, поскольку фамильярность предполагает обладание, включение в круг «Своих». Вообще фамильярность – это присваивание того, на что нет права).

Все эти ситуации требуют инициативы со стороны Нижестоящего, что выходит за пределы обычных формально-иерархических отношений. Нижестоящий не волен изменять дистанцию по отношению к Вышестоящему: это не позволяют рамки этикетных отношений, стремящихся сохранить баланс. Реализация этих моделей означает переход от формально-иерархических отношений к неформальным.

Увеличение дистанции, напротив, обычно осуществляется в рамках этикетных отношений. Следующие три возможности представлены на схемах (рис. 11–13).

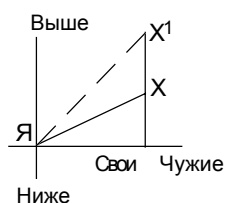

Рис. 11

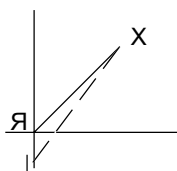

Рис. 12

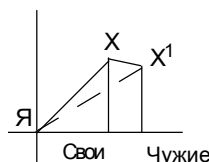

Рис. 13

Первая схема (рис. 11) отображает ситуацию возвеличивания, лести – вполне типичную в общении с Вышестоящим, вторая (рис. 12) – самоуничижения, подобострастия. Эти две ситуации часто сочетаются друг с другом, создавая симметричное искажение реальных отношений. Вторая схема может иметь и другое воплощение – ситуацию жалобы, просьбы, когда жалобщик ставит себя в униженную позицию и с отрицательным значением позиции, предполагающим беду, слабость и проч.; поскольку такое изменение позиции

не противоречит направлению вектора СД, оно вполне функционально. Третья схема (рис. 13) соответствует отчуждению Вышестоящего, который был Своим. Это, в частности, возможная реакция на фамильярность (см. рис. 4) или на унижение, нанесение ущерба (рис. 5), при этом восстанавливается исходная дистанция.

7. Признак «свой – чужой» не равносителен значению «близкий – далекий». Понятие «свой», как отмечалось выше, предполагает обладание и потому иерархичность, однако отношения между «своими» – это отношения не только соподчинения общему Вышестоящему, но и связанности на основе иного общего. Близость определяется величиной СД, «свойство» – принадлежностью к общему кругу, необязательно иерархически усложненному.

В иерархическом варианте отношения свойства не симметричны. Свой начальник, правитель известен всем подчиненным, свой кумир популярен, выставлен напоказ всем поклонникам, однако правитель не знает каждого из подчиненных, равно как «звезда» не знает своих почитателей. Отношения «известен» и «знаком», подразумевающие определенную степень «свойства», связывают обычно Вышестоящего и близкий ему круг непосредственно подчиненных. Самый «Высокостоящий» обычно недоступен Нижестоящему, с ним возможно лишь опосредованное общение «по инстанциям» (либо при его обращении к массе подданных – к народу). На схеме это выглядело бы примерно так:

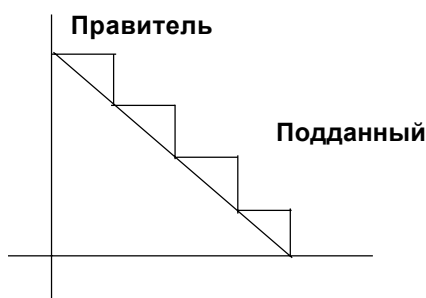

Рис. 14

На каждой ступеньке инстанции предполагается свой Вышестоящий, инстанции – это *ступени служебной лестницы*, образующие *пирамиду власти*. Хождение по инстанциям предполагает и путь «по горизонтали» – по *коридорам власти*. Потому путь снизу вверх долог и многоступенчат. Напротив, правитель может обратиться напрямую к любому из подчиненных, при этом он может использовать приемы сокращения дистанции. Метафора, заложенная в понятии снисхождения, изображает шаг по лестнице вниз – с вершины власти к стоящему внизу. Но снисхождение можно трактовать и как обращение напрямую («лицом») к Нижестоящему без занижения собственной позиции, как в схеме (3); сама непосредственность обращения, минуя инстанции, уже есть если не сокращение дистанции, то преодоление барьеров, делающих Правителя недосыгаемым, и в известном смысле поднятие статуса подданного.

Языковые механизмы изменения дистанции

8. Вся эта достаточно примитивная, но наглядная механика общения лежит в основе обмена этикетными знаками и воплощается на акциональном и речевом уровнях. На акциональном уровне знаками регулирования дистанции являются этикетные поклоны, приветствия и проч. церемониальные жесты, позы, положения, а также нарушающие баланс антиэтикетные знаки поддразнивания, пренебрежения, угрозы, отгона.

Приведем один пример сокращения дистанции и приравнивания статусов на акциональном уровне. При вручении Нобелевской премии в Нобелевском зале в его центральный круг с двух сторон сходятся шведский король и награждаемый. Нельзя ни прийти в круг раньше, ни заставить ждать короля (из выступления академика Ж. Алферова). Подчеркнутое приравнивание позиций в данном случае означает признание заслуг ученого, его положения на вершине иерархии в ином, ученом мире.

Языковые механизмы регулирования дистанции представляют собой, во-первых, принятые этикетные формы выражения от-

ношений и согласованных с позициями речевых действий (соответствующие уважительному отношению к собеседнику любого статуса), а во-вторых, стилистические средства, используемые для реализации рассмотренных коммуникативных стратегий. Представляется, что множество разнообразных стилистических эффектов может быть упорядочено в соответствии с их функциональной нагрузкой, заданной намеренным изменением параметров общения. Так, в соответствии со стратегиями изменения дистанции могут быть отмечены стилистические средства следующих типов: уничижительные, пейоративные – «делающие собеседника ниже», возвеличивающие – «делающие собеседника выше», фамильярные – «делающие собеседника своим (предметом обладания)», отчуждающие – «делающие собеседника чужим», подобострастные, самоуничижительные – «делающие говорящего ниже», снисходительные – «делающие вышестоящего говорящего ниже», покровительственные – «делающие нижестоящего собеседника своим». Суть эффекта стилизации и состоит в изменении социально заданных параметров общения, т.е. в возвеличивании, уничижении, присвоении, отчуждении.

Среди стилистических средств выражения дистанции наиболее важная роль принадлежит способам именования собеседника, обращениям. Представляется, что формы обращений могут образовывать парадигму, упорядоченную по значениям СД, т.е. по степени близости собеседника и говорящего – от формально-официального до неформального, приятельского. (Официальная ситуация увеличивает дистанцию.) Обычное, принятое обращение является нейтральным для данной пары общающихся – точкой отсчета в парадигме. Так, один и тот же человек может быть Левушкой для мамы, Львом для отца, «Умником» для брата, Левиком или Левкой для приятелей, Львом Ивановичем для сослуживцев, Ивановым для учителя или начальника и проч. Оно выражает социальную дистанцию и определенное на ее основе личное отношение: ласковое, сдержанно-строгое, иронично-пренебрежительное, доброжелательно- или грубоватосвойское, доброжелательно-отстраненное, наконец – никакое, лишен-

ное всего личного (т.е. ровно СД). Выражение личного отношения коррелирует с определенным типом дистанцированности, т.е. в определенной мере соответствует объективному, заданному системой. Нейтральные способы именования и передают в первую очередь это объективное стилистическое значение.

Всякое изменение формы обращения от нейтрального свидетельства об изменении дистанции, является индикатором сдвига в отношениях. Тем самым оно способно передавать и субъективное стилистическое значение. Наглядно демонстрирует такой переход А.П. Чехов в известном рассказе «Толстый и тонкий».

– *Порфирий!* – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? *Голубчик мой!* Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! – изумился тонкий. – *Миша! Друг детства!* Откуда ты взялся? <...>

– Ну, как живешь, *друг?* – спросил толстый, восторженно глядя на друга. – Служишь где? Дослужился?

– Служу, *милый мой!* Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! <...> Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

– Нет, *милый мой*, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он *съежился, сгорбился, сузился...* Его чемоданы, узлы и картонки **съежились, поморщились...** <...>

– Я, *ваше превосходительство...* Очень *приятно-с!* Друг, можно сказать, детства и вдруг *вышли* в такие *вельможи-с!* *Хи-хи-с.*

Переход толстого из позиции друга детства – Равного и Своего – в позицию Вышестоящего в глазах тонкого резко увеличивает дистанцию, причем по двум параметрам (см. рис. 10 и 11), и полностью меняет тональность общения из дружеской в подобострастную; неформальные радушные обращения сменяются формально-иерархическим «*ваше превосходительство*» с переходом от *ты* к *вы*, сбивчиво-небрежная речь замедляется и закругляется вводными показа-

телями неуверенности. Позиция самоуничижения, которую принимает тонкий, выражается в его угодливом -с, в хихиканье; Чехов подчеркивает изменение позиции эффектом физического сокращения тонкого и его сферы. Сказать, что речевое поведение тонкого отражает реальное изменение дистанции, было бы лишь отчасти верно; главное здесь в личном переживании этого события и демонстрации заниженной, подобострастной позиции, утрирующей объективное положение дел. Именно с такой позиции происходит отчуждение, отречение от прежней дружбы, которая теперь неуместна.

Итак, изменение обращения может свидетельствовать о субъективном изменении дистанции. Обычно увеличению дистанции соответствует переход при обращении от краткого имени к полному. Он может трактоваться либо как увеличение статуса, веса позиции, что может быть сопряжено с акцентированием ее ответственности, либо как изменение по шкале «свой» – «чужой»:

– Томас Сойер!

Том знал, что когда учитель зовет его полным именем, это не предвещает ничего хорошего. <...>

– *Меня называют так, когда хотят высечь. Когда я веду себя хорошо, меня зовут Том.*

(Марк Твен. Приключения Тома Сойера...)

Нередко полная форма имени детьми воспринимается как «ругательная». Основание этому – ее отчуждающий характер: полная форма – это способ представления Чужого; переход от краткой формы – обращения к Своему – к формальному статусному именованию для ребенка означает недовольство и раздражение, исключение из круга Своих (см. рис. 7). Со стороны взрослого смысл такого обращения скорее предполагает призыв к ответственности. Хотя возможно иное ситуативное толкование полного имени в обращении: оно призвано подчеркнуть достоинство, полно-ценность, зрелость, приближая ребенка к миру взрослых. Именно так обращается А.С.Пушкин к 7-летнему мальчику: «*Душа моя Павел, Держись моих правил...*», как бы приподнимая его до своего уровня.

Эти примеры, иллюстрирующие возможность двух интерпретаций (рис. 2 и рис. 7), показывают, что система форм обращения ориентирована не столько на изменение конкретных параметров позиции или «свойства», сколько на изменение обобщенного параметра социальной дистанции.

Иной неожиданный эффект имеет полное обращение в строках «Последней осени» Ю. Шевчука:

Ах, Александр Сергеевич, милый,
Ну что же вы нам ничего не сказали
О том, как искали, держали, любили,
О том, что в последнюю осень вы знали...

Сближая времена, сокращая дистанцию, Ю. Шевчук очень личным, но и почтительным обращением делает для нас своим, близким А.С. Пушкина. Здесь можно усмотреть реализацию модели «освоения» (рис. 10), поскольку обращение по имени-отчеству предполагает личное знакомство либо (в отсутствие оно) в письменной форме эпитет *уважаемый*.

Таким образом, отдельно взятая форма обращения не может однозначно выражать характер отношений, о нем можно судить по изменению формы в сравнении с исходной и по тональности общения, задаваемой контекстом. (Квалифицирующие обращения, использованные в контексте примеров – *душа моя, милый* – служат дополнительными маркерами личного отношения, задавая тональность задушевного, сочувственного общения.) Исходная форма выражает обобщенный смысл, исходя из ее положения на шкале социальной дистанции.

Как именные, так и квалифицирующие обращения нередко используют и регулярные словообразовательные средства для выражения отношения – уменьшительно-ласкательные, увеличительные, уничижительные суффиксы. Эти средства используются не только в обращениях, но и при упоминании лиц. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в обозначении лиц и предметов их личной сферы чаще выражают не малую величину, а приближение по параметру СД, де-

лающее кого-то или что-то «маленьким и своим» и, соответственно, ласковое, доброе или же фамильярное, покровительственное отношение. Коннотация ласки естественно возникает по отношению к малому предмету или существу (диалектное *ласый* изначально «маленький»). *Сонечка, Ирочка* нормально используются при обращении к взрослой девушке-секретарше, выражая «приближающее», фамильярное отношение. Здесь возможны и иронические коннотации (как в римейке А. Барто: «*Кто не знает Любочку? Любу знают все...*»). Напротив, суффиксы, «увеличивающие размер», могут вызывать отрицательные, устрашающие или отталкивающие коннотации (ср. *чудо* и *чудище; Тараканище; Меня Анища укусила* – пример А.В. Занадворовой [Занадворова 2003] из детской речи с жалобой на двухлетнюю сестру).

Уничижительные суффиксы тоже делают лицо или предмет мелким, маленьким, но через отдаление, принижение, через *ничто*, т.е. с отрицательным знаком. (Уничижительные суффиксы нейтральны в кличках животных – *Васька, Мурка*, где они отражают реальное низкое положение в иерархии, которое, впрочем, не исключает ласкового отношения к «своим».) *Ирка, Сонька* имеют грубо-пренебрежительный оттенок, особенно если так названы старшие, а не младшие или ровесники. Однако в подростковых речевых коллективах нередко действуют механизмы стилевого сдвига, когда подобные исходно уничижительные формы употребляются как знак солидарности – по отношению к равным и своим. При этом в них нейтрализуется пренебрежительность и утверждается «свойское», грубовато-дружеское отношение. При таком стилевом сдвиге обычно нейтральные *Ира, Соня* приобретают отстраняющий, отчуждающий смысл, а уменьшительно-ласкательные *Ирочка, Сонечка* могут и вовсе звучать издевательски (см. об этом также [Федорова 2002]).

Так связываются между собой социальная дистанция, стилизация и языковые коннотации. Это лишь некоторые примеры, иллюстрирующие действие языковых механизмов регулирования ди-

Л. Л. Федорова

станции. Они показывают, что в межличностной коммуникации кроме передачи информации мы всегда выражаем множество социальных и стилистических смыслов, соответствующих соизмеримому достоинству наших позиций. Используя знаки вежливости, мы сохраняем баланс позиций; увеличивая или сокращая дистанцию, мы изменяем этот баланс и привносим новые смыслы в наши отношения.

Литература

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1990.

Занадворова А.В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

Федорова Л.Л. Грамматика общения // Энциклопедия для детей. Т.18. Человек. Ч. 2. М.: Аванта+, 2002.

Е. Н. Басовская

**Обращения, которые они выбирают
(штрихи к речевому портрету
молодого поколения)**

Обращение – небольшая по объему часть текста, исключительно значимая с точки зрения как ближайших, так и перспективных целей общения.

Основная функция обращения – контактоустанавливающая. По утверждению И.Д. Чаплыгиной [Чаплыгина 1999, с. 293], обращение позволяет участнику речевого взаимодействия «обеспечить себе слушателя».

Однако коммуникативная нагрузка обращения не исчерпывается привлечением внимания адресата. Обращение выступает и как одно из важных средств речевого этикета. Правильно выбранное обращение не только привлекает внимание адресата, но и задает коммуникации нужную тональность, способствует налаживанию и поддержанию отношений.

Начальная позиция, которую часто занимает обращение в тексте, определяет его особую этикетную нагрузку. Получив устное или письменное сообщение, адресат сразу же узнает, как оценивается его социальный статус относительно статуса отправителя, какой стиль взаимоотношений ему предлагается. Предпочтения, отдаваемые тем или иным обращениям, определяются:

- знанием принятых в обществе этикетных норм;
- готовностью выполнять эти нормы;
- прагматическими соображениями, связанными с конкретным речевым актом.

Таким образом, выбирая обращение, автор текста проделывает большую работу, требующую высокой языковой культуры, а также умения ориентироваться в речевой ситуации.

В условиях современной России соблюдение требований речевого этикета осложнено изменчивостью и размытостью его норм. В лингвистической литературе, а также в публицистике неоднократно отмечалось, что одним из направлений «советизации» русского языка в XX веке стало разрушение традиций дореволюционной этикетной речи.

В 80-х – 90-х гг. XX века, с наступлением периода демократизации, во многих сферах общения произошел отказ от идеологически маркированного советского обращения *товарищ*. «...Создалась сложная ситуация, – указывает В.И. Гвазава, – в русском речевом обиходе явно недостает общепринятой и нейтральной в стилистическом отношении формы вежливого обращения к людям зрелого возраста» [Гвазава 1999, с 216].

В целом требования сегодняшнего речевого этикета представляются не вполне четкими, не очень строгими и необязательными к исполнению. Как отмечает М.А. Кронгауз, «старшее поколение рассматривает изменение речевого этикета как простое и случайное его нарушение, а младшее – как норму» [Кронгауз 2001, с. 263].

Все перечисленные характеристики обращения делают его важным источником информации о речевой культуре и языковом мышлении отдельной личности или группы людей. Нельзя не согласиться с М.А. Кронгаузом в том, что «изучая систему обращений, можно получить косвенные данные об общественном сознании, о культурном и социальном контексте языка» [Кронгауз 1999, с. 125].

Весной 2002 г. нами было проведено исследование с целью изучения одного из секторов языкового сознания современной учащейся молодежи. В опросе приняли участие 60 человек – учащиеся специализированных гуманитарных классов и студенты 1-3 курсов Российского

государственного гуманитарного университета (возраст – от 15 до 26 лет). Им предлагалось ответить на вопросы анкеты, в которой моделировались разнообразные ситуации общения и требовалось указать, какое обращение будет использовано в том или ином случае.

В первом пункте анкеты необходимо было обратиться с вопросом к продавцу в магазине: «... сколько стоят эти ботинки?». Рассматривались два варианта ситуации: в роли продавца выступали молодой мужчина и молодая женщина. Ответы респондентов распределились так:

адресация к продавцу – молодому мужчине:

– «стертые императивные формы» и формы просьбы-вопроса без обращения (*извините; простите; скажите, пожалуйста; подскажите, пожалуйста; будьте добры*) – 43

– *молодой человек* – 15

– *мужчина* – 1

– *молодой мужчина* – 1

адресация к продавцу – молодой женщине:

– «стертые императивные формы» и формы просьбы-вопроса без обращения – 30

– *девушка* – 28

– нет ответа – 2

Очевидно, что большинство участников опроса не испытывает затруднений при выборе формы адресации в ситуации «покупатель – продавец». При этом среди респондентов преобладает представление о том, что как таковое обращение к продавцу не обязательно, достаточно каким-либо вербальным способом привлечь его внимание. В паре обращений «*молодой человек*» – «*девушка*» второе воспринимается как более естественное. Это определяется его большей частотностью в речи людей старшего поколения, а также краткостью и завуалированностью внутренней формы.

Безусловно, расчлененное представление, отраженное в словосочетании «*молодой человек*», неизбежно подчеркивает возраст адресата. В русской разговорной речи считается допустимым назвать девушкой женщину среднего и даже старшего возраста; обращение же

«молодой человек» к мужчине-ровеснику и тем более старшему по возрасту человеку прозвучало бы странно и комично.

Как мы видим, поколение 15-20-летних переняло от родителей именно такую интерпретацию обращений «*молодой человек*» и «*девушка*» и стихийно придерживается традиционных принципов их употребления.

Во втором пункте анкеты описывалась ситуация обращения к прохожему на улице: «... *вы уронили кошелек!*». Здесь различались четыре типа адресатов: молодой мужчина, молодая женщина, пожилой мужчина и пожилая женщина. Участники анкетирования дали следующие ответы:

обращение к прохожему – молодому мужчине:

- *молодой человек* – 36
 - «стертые императивные формы» – 13
 - *мужчина* – 6
 - *парень, друг, приятель, дружище, эй* – по 1
- обращение к прохожему – молодой женщине:
- *девушка* – 40
 - «стертые императивные формы» – 14
 - *женщина* – 4
 - *красавица* – 1
 - *эй* – 1

обращение к прохожему – пожилому мужчине:

- «стертые императивные формы» – 37
- *мужчина* – 13
- *господин* – 1
- *товарищ* – 1
- *гражданин* – 1
- *уважаемый* – 1
- *папаша* – 1
- *эй* – 1
- нет ответа – 4

обращение к прохожему – пожилой женщине:

- «стертые императивные формы» – 34
- *женщина* – 18
- *мадам, бабушка* – по 2

- *дама, мамаша* – по 1
- нет ответа – 2

Очевидно, что поставленная задача – обратиться к незнакомому человеку на улице – также не представляется участникам опроса сложной. Интересно, что назвать прохожего соответствующего возраста «*молодым человеком*» или «*девушкой*» более естественно, чем обратиться так к продавцу. Думается, это можно объяснить тем, что отношения с продавцом требуют тональности, которая вообще не покрывается системой современных русских обращений.

Продавец имеет гораздо более определенный социальный статус, чем случайный собеседник на улице. В данном случае удобным было бы обращение, одновременно задающее стилистику официальности, вежливости и подчеркивающее общественную функцию адресата. В советский период такая роль была закреплена за обращениями «*товарищ продавец*», «*товарищ милиционер*» и т.п. Сейчас декларируется возвращение в коммуникативную практику обращения «*господин*», однако оно не имеет широкого распространения в устной речи и значительной частью носителей языка воспринимается как «чужое» и «искусственное».

В новейшей лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что обращение «*господин*» не было универсальным и в дореволюционной России. Внутренняя форма слова, ассоциативно связывающая его с идеей господства, задает ограничения в употреблении. «*Господином*» нельзя без оттенка иронии назвать того, кто находится ниже адресанта на социальной лестнице.

Как подчеркивает М.В. Колтунова, обращение *господин* «широко используется в сфере политики, в среде предпринимателей, деятелей искусства, реже в среде чиновников. Однако... даже сведенное до индекса вежливости при пофамильном обращении или адресации слово это не свободно от лексического значения, включающего представление о социальном статусе адресата... Совершенно невозможно представить себе ситуацию использования этого обращения к социально незащищенным группам: “господа инвалиды”, “господа беженцы”, “господа безработные”» [Колтунова 1999, с. 73].

Молодые носители русского языка чаще всего не сознают этой проблемы, но интуитивно уклоняются от выбора обращения к адресату – представителю какой-либо профессии или просто к человеку зрелого возраста.

Третий пункт анкеты требовал адресации к однокурснику по имени Александр/Александра. Ответы распределились таким образом.

М	Ж
Саш – 21	Саша – 23
Саша – 16	Саш – 18
Санёк – 5	Александра – 6
Сань – 5	Сашенька – 4
Шурик – 4	Сашка – 4
Саня – 2	Сашуля – 2
Сашка – 2	Сашечка – 2
Александр – 2	Санечка – 1
Сашенька – 1	
Сашок, Алекс – по 1	

В ответах респондентов отразилась несколько большая почтительность по отношению к девушке, нежели по отношению к юноше, что проявляется в некотором преобладании полных форм женских имен над усеченными и в большей частотности полного имени. Однако принципиальные различия в обращении к однокурснице и однокурснику отсутствуют. Современная молодежная речевая культура не предполагает подчеркивания особого статуса женщины.

Уменьшительные имена используются значительно чаще, чем полные, причем отмечается разнообразие морфологических способов деминуизации. Это соответствует такому качеству молодежного речевого этикета, как подчеркнутая фамильярность и стремление собеседников «не быть слишком вежливыми». В данном контексте отказ от этикетных формул становится средством демонстрации доброжелательности. Ровеснику, к которому хорошо относишься, важно продемонстрировать не уважение, а то, что воспринимаешь его как своего.

Та же черта молодежной вербальной культуры проявилась и в ответах на следующий вопрос анкеты – о форме устного обращения к однокурсникам. Участники опроса дали такие ответы:

Обращения, которые они выбирают

- *народ* – 20
- *ребята* – 18
- «стертые императивные формы» (*внимание, послушайте, слушайте* и т.п.) – 9
- *люди* – 6
- *друзья* – 3
- *господа* – 2
- *коллеги* – 1
- *братва* – 1

Мода на коллективное обращение «народ» может быть объяснена тяготением постсоветского русского языка к ироническому снижению речевых штампов ушедшей эпохи. Слово «народ», предельно политизированное в советском новоязе и обросшее патетическими коннотациями, попадает в молодежную речь в качестве шуточного «своего» обращения. Говорящий добивается желаемого иронического звучания обращения, играя на диссонансе языковых ассоциаций и экстралингвистического контекста.

В то же время практически с той же частотой используется универсальное детски-молодежное обращение «ребята», свидетельствующее о некоторой инфантильности сознания говорящих.

«Взрослые» же обращения «господа» и «коллеги» оказываются малопригодными для непринужденного устного общения с ровесниками.

Значительно большее разнообразие обращений, в том числе экспрессивных, представлено в ответах на следующий пункт анкеты. Респондентам было предложено выбрать обращение, с которого начинается приглашение принять участие в экспедиции, адресованное всем учащимся и вывешенное на доске объявлений. Ответы распределились так:

- *студенты (господа студенты, дорогие студенты, уважаемые студенты и пр.)* – 25
- *коллеги* – 9
- *друзья* – 6
- *внимание* – 5
- *народ* – 4
- *люди* – 3

- *все, все, все* – 1
- *многоуважаемые однокурсники* – 1
- *неугомонные путешественники* – 1
- *всем, всем, всем любящим приключения и веселый отдых!* – 1
- нет ответа – 3

Показательно, что именно при ответе на этот вопрос в анкетных листах вновь начали появляться прочерки. Обратиться к ровесникам письменно оказалось для некоторых респондентов достаточно сложно.

Многие, как выяснилось, ощущают необходимость использовать при письменном обращении дополнительные этикетные средства («*уважаемые*», «*дорогие*» и т.д.). В письменном тексте и при взаимодействии с коллективным адресатом оказывается возможным употребление официального обращения «*господа*».

Характерно и стремление участников анкетирования предложить яркие, индивидуальные формы обращения. Поскольку в этом пункте была определена ситуация предложения, обращение перестало быть для пишущих просто этикетной формулой и превратилось в воздействующее средство. Именно поэтому некоторые участники опроса стали откровенно ориентироваться на опыт рекламных текстов.

Относительно свободно пользуются этикетными языковыми средствами участники опроса при письменном, но не вполне официальном обращении к старшему по возрасту адресату. Моделируя ситуацию личной переписки с преподавателем (имя адресата – Новикова Анна Петровна), респонденты остановились на следующих обращениях:

- *уважаемая Анна Петровна* – 27
- *Анна Петровна* – 11
- *дорогая Анна Петровна* – 10
- *здравствуйте, Анна Петровна* – 5
- *уважаемая Новикова А.П.* – 4
- *уважаемая Новикова Анна Петровна* – 3

Следует обратить внимание на то, что значительная часть анкетировавшихся пренебрегает этикетными средствами, ограничиваясь обращением по имени и отчеству. Другие участники опроса неоправданно умень-

Обращения, которые они выбирают

шают социальную дистанцию, прибегая к фамильярному обращению «дорогая Анна Петровна». Это в целом закономерно: молодежная речевая культура тяготеет к раскованности, открытому выражению чувств. Описанная в анкете ситуация (во время каникул вы обращаетесь с частным письмом к преподавателю) явно предполагает существование добрых отношений между корреспондентами. Сознавая это, многие молодые люди словесно демонстрируют именно добросердечность, а не уважительность.

Весьма важно, что семь участников анкетирования выбрали конструкции с препозицией фамилии, уходящие сегодня даже из официально-делового стиля¹. Это свидетельствует о безуспешных попытках неопытных в эпистолярном жанре людей найти способ быть по-особому вежливыми со старшими.

Следующие пункты анкеты вызвали у респондентов значительные затруднения, что отразилось в росте числа отказов от ответа, а также в появлении формулировок, очевидно абсурдных с точки зрения социально зрелого грамотного носителя языка.

Ситуация была охарактеризована таким образом:

«Вы письменно обращаетесь к ректору другого вуза (ФИО ректора – Сидоров Петр Николаевич):

_____ !
Приглашаем Вас и ваших коллег принять участие в праздновании...»

Ответы участников опроса распределились так:

- уважаемый (глубокоуважаемый, многоуважаемый) Петр Николаевич! – 39
- уважаемый Сидоров Петр Николаевич! – 9
- уважаемый Сидоров П.Н.! – 6
- нет ответа – 4
- Сидоров Петр Николаевич!, уважаемый П.Н. Сидоров!, уважаемый г-н Сидоров П.Н.! – по 1

¹ Согласно ГОСТу Р 6.30-97, в текстах документов инициалы располагаются перед фамилией. См.: Унифицированная система организационно-распорядительной документации: Требования к оформлению документов. – М., 2000.

Обращение, которое предпочло большинство респондентов, представляется приемлемым, хотя и недостаточно официальным. Пособия по деловой речи рекомендуют в данном случае отказаться от использования имени-отчества и подчеркнуть высокий социальный статус адресата: «*Уважаемый господин ректор!*». Участники же опроса ориентировались прежде всего на личный опыт устного общения с вышестоящими (директором школы, учителем, вузовским преподавателем, деканом), где единственно возможной формой адресации является название старшего по имени и отчеству.

Следование правилам речевого этикета предполагает внимательное отношение к социальной позиции адресата, в частности недопустимость занижения его статуса и завышения собственного, а также «непревышение степени близости» [Крылова, 2000, с. 124]. В частности, в традиционном русском обращении по имени-отчеству, наряду с информацией об уважительности, содержится оттенок доверительности. Как отмечает П.В. Веселов, «если в обращении указываются имя и отчество, а фамилия не называется, обращение приобретает несколько личный характер» [Веселов 1993, с. 51].

Употребление таких обращений, как «*уважаемый Сидоров П.Н.*», свидетельствует о том, что часть молодых носителей русского языка не чувствует стилистической специфики инициалов и других видов сокращений и не располагает даже базовой информацией о письменном речевом этикете².

Показательно также появление в одной из анкет следующей формы обращения: *Сидорову Петру Николаевичу!* В данном случае участник опроса не различает обращение как часть текста и особый реквизит письма – «адресат».

Наибольшие затруднения вызвала у респондентов необходимость обратиться с письмом в Министерство образования. Правила деловой

² Как показало анкетирование, проведенное краснодарскими лингвистами в конце 1990-х гг., большинство опрошенных не владеет официальными формулами речевого этикета и – более того – не различает языковых средств, применимых исключительно в ситуациях официального или неофициального общения [Гвазава 1999, с. 216].

Обращения, которые они выбирают

речи предусматривают для подобной адресации обобщенную форму «*Уважаемые господа!*». Старшеклассники и студенты, участвовавшие в анкетировании, явно не имели об этом никаких сведений. Более трети респондентов (22 человека) затруднились ответить на вопрос. Остальные ответы распределились так:

- *здравствуйте (добрый день)* – 10
- *господа (уважаемые господа, уважаемые господа служащие)* – 8
- *уважаемые члены (сотрудники, работники) Министерства образования* – 6
- *работники Министерства образования* – 3
- *уважаемые коллеги* – 3
- *уважаемое Министерство образования* – 2

Трудности, которые испытывают при выборе официального обращения молодые люди, не имеющие опыта работы в сфере управления, определяются двумя основными факторами. Во-первых, современное российское школьное образование практически не предусматривает подготовки выпускника к письменному деловому общению. Во-вторых, неспециалист, сталкивающийся с необходимостью составить официальный текст, неизбежно ориентируется на знакомые образцы. Средний носитель русского языка воспринимает в качестве примеров официально-делового стиля разного рода объявления, приказы, распоряжения, повестки и другие документы, составляемые работниками жилищно-коммунальных служб, военкоматов, администрацией учебных заведений и т.д. Следует признать, что в массе своей эти тексты далеко не совершенны со стилистической точки зрения. Важно, чтобы работники управленческой сферы при подготовке документов учитывали не только ближайшие, но и перспективные цели и помнили об ответственности за речевую культуру населения.

При составлении учебных программ для старших классов школы, а также для высших учебных заведений следует помнить о проблеме социальной адаптации выпускников. Помимо общекультурных и специальных знаний молодому человеку требуются навыки поведения в современном обществе. В противном случае выпускник,

Е.Н. Басовская

начинающий самостоятельную жизнь, неизбежно испытывает психологические перегрузки.

Учащиеся должны получать развернутое представление о речевом этикете – его природе, истории, тенденциях развития и приобретать навыки цивилизованного общения в различных типовых ситуациях, выходящих за рамки каждодневного опыта. Только при выполнении этих условий каждое следующее поколение будет приходить во все сферы общения с продуктивной установкой на доброжелательный и конструктивный диалог.

Литература

Веселов П.В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. – 4-е изд., перераб. – М., 1993.

Гвазава В.И. Русский речевой этикет: социально-лингвистический аспект // Потенциал русского языка: аспекты и методы исследования: Сб. статей. – Краснодар, 1999.

Колтунова М.В. Деловое письмо: Что нужно знать составителю. М., 1999.

Кронгауз М.А. Изменения в современном речевом этикете // Жизнь языка. М., 2001.

Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. – М., 1999.

Крылова Т.В. Статусные правила в наивной этике // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей. – М., 2000.

Чаплыгина И.Д. Обращение как средство речевого контакта // Предложение и слово: Доклады и сообщения междунар. научн. конф.– Саратов, 1999.

Г. Е. Крейдлин

Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания*

§1. Общая характеристика невербальных приветствий и прощаний разных культур

Среди элементов этикетного поведения заметное место занимают невербальные приветствия и прощания. Невербальные приветствия и прощания – это не отдельные знаки и даже не ритуалы, значение которых проявляется только тогда, когда люди по какой-то причине их не исполняют. По большей части они представляют собой жестовые комплексы, которые состоят из невербальных знаков разных типов (нередко в сочетании со знаками вербальными) и которые люди используют в коммуникации с определенной целью, а именно, чтобы, вступая в контакт с другим человеком и выходя из такого контакта, почувствовать партнера и дать понять ему, кто они друг другу и в каком социуме живут, чтобы снять напряжение от неожиданной встречи или успокоить партнера.

Отклонения от существующих норм невербальных приветствий и прощаний плохо переносятся людьми и не только потому, что раз-

* Настоящая работа является измененным – местами исправленным, местами дополненным, а местами сокращенным – вариантом находящейся в печати нашей статьи «Невербальные приветствия и прощания (семиотические акты и жесты)».

рушают личные связи, – такие отклонения затрагивают систему общественных отношений в целом.

Для коммуникации приветствия более важны, чем прощания, поскольку то, как люди поздоровались, в значительной мере определяет характер и стиль их дальнейшего общения. Поэтому в настоящей работе я больше внимания уделю приветствиям как невербальным семиотическим актам, а также отдельным жестам приветствия. Слово *жест* понимается тут мной достаточно широко, – это не только знаковые движения рук, ног и головы, но также знаковые выражения лица (мимика), позы и телодвижения. Наряду с жестами я буду рассматривать и комплексные формы, состоящие из разного рода поведенческих элементов, – манеры.

Полный, то есть нередуцированный, невербальный акт этикетного приветствия содержит пять последовательных стадий: (а) взгляд и узнавание; (б) приветствие на далеком расстоянии (типа жестов **подъем бровей**, **поднятие шляпы** или жестов **высунуть язык** (приветствие, принятое в Тибете) или **махать рукой**); (в) пространственное сближение; (г) приветствие на близком расстоянии (типа **рукопожатия** или разных видов **поцелуя**); (д) отход и расставание.

Исследования показали, что, по-видимому, нет культуры, где обязательной была бы реализация всех пяти стадий. Обычно люди ограничиваются двумя-тремя из них, то есть пользуются редуцированными приветствиями, – хотя степень и качество редукации разнятся по культурам и странам весьма существенно.

При описании отдельных жестов приветствия и прощания необходимо соотнести их с разными кинетическими признаками и различными типами социальных, культурных, этнических и иных связей. Это прежде всего возраст и пол участников коммуникации, их образовательный и имущественный ценз, культурная ориентация, национальная, религиозная или кастовая принадлежность, отношения между партнерами (в частности, важно, наличествуют ли связи, сохраняющиеся сегодня в обществе лишь как реликтовые: например, в некоторых русских и украинских семьях дети, приветствуя мать, целуют ей руку). В соответствующих правилах невербального этикетного

поведения должны отражаться количественные показатели (например, двое приветствуют друг друга, двое приветствуют третьего, один здоровается с многими и под.), география жестов, их общественная оценка. В разных странах и даже разных районах одной страны люди, приветствуя друг друга, обозначают жестами свои чувства к другому человеку, при этом, согласно этикету, они близко подходят друг к другу или находятся один от другого достаточно далеко, принимают свойственные только для данной или близкородственных культур позы, смотрят в лицо или в глаза неодинаковое количество времени, а то и вообще не смотрят один на другого.

В то же время бывают ситуации, когда культурным стереотипом и этикетной нормой поведения является **отсутствие** невербальных приветствий. Например, если индивидуальные связи между людьми очень тесные, как у членов одной семьи, или если люди очень часто встречаются друг с другом, то может отпасть необходимость в жестовом (но никак не в словесном) обозначении входа в контакт. Напротив, чем слабее проявляются человеческие связи, чем дальше друг от друга отстоят люди по своему общественному положению и чем более ритуализованной и регламентированной является культура, тем большее значение в ней имеют невербальные способы вступления в речевой контакт и строгость соблюдения их исполнения.

В пределах одной культуры часто различаются формы и способы приветствия у мужчин и у женщин. Узбекское вербальное приветствие друг друга сопровождается у взрослых мужчин **рукопожатием**, а у женщин – **похлопыванием по плечу**, причем мануальное мужское приветствие сочетается с открытой, широкой улыбкой. Как отмечает венгерский лингвист и культуролог Ф. Папп, при встрече или прощании с хорошей знакомой или родственницей, которую давно не видели, венгерские женщины часто целуют друг друга, а мужчины, кроме самых близких родственников – отца и сына, при встрече никогда не целуются [Папп 1985, с. 547]. В Иране женщина не должна вообще никогда пожимать руку мужчине, и относится это не только к **рукопожатию** как к знаку приветствия, но и, скажем, к **рукопожатию** спортсменов во время ритуала награждения их мужчинами. В Египте мужчина может при встрече

поцеловать женщину на глазах других людей, только если она ему мать, жена или сестра, причем жест этот по времени достаточно короткий, а в Афганистане повсеместно принято более продолжительное и иное по форме приветствие **тройной поцелуй в щеку**: в левую, в правую и снова в левую. По моим данным часто встречающийся на севере и юге Америки приветственный жест **hug** редко можно увидеть в средней части этой страны. Не очень популярно это объятие и в центральной части России, а в Германии, опять же по моим наблюдениям, жест высоко-частотен.

Разумеется, далеко не для всех жестов приветствий, характерных для данной культуры, отмечены гендерные различия в форме или смысле. Так, в Индии в знак приветствия и в знак прощания и мужчинами и женщинами исполняется один и тот же традиционный жест **анджали** (форма «руки с прижатыми одна к другой ладонями направлены пальцами вверх; кончики пальцев находятся на уровне бровей, руки обычно разведены так, что их части от кисти до локтя располагаются горизонтально или под углом примерно 50 – 60 градусов друг к другу; голова чуть наклонена вперед»). В индуистском сознании **анджали** считается аналогом **рукопожатия**, однако те индусы, которые ориентированы на западные формы поведения, **анджали** не пользуют, а применяют **рукопожатия** (правда, исполняют рукопожатия только мужчины, причем не очень старые и не близкие родственники).

Значимым для невербальных приветствий является также параметр «тип ситуации». Свою национальную и культурную специфику имеет, например, церемония встречи гостей. Так, по данным работы Дюранти 1992, самоанцы из Западного Самоа в этом случае совершают очень сложный ритуал, состоящий из серии вербальных и невербальных актов, объединенных общим смыслом инкорпорации, или включения, в сообщество. Любой гость принимается как член группы, как человек, уже интегрированный в существующий коллектив. Неожиданный приход гостя оповещается громким криком живущего в доме человека, старшего по возрасту, после чего дети или прислуга бегут за специальными циновками, чтобы человек мог сесть. Смотреть на старших по рангу

у самоанцев не принято. Гостю положено сразу же сесть, причем сидеть внутри помещения там полагается, скрестив ноги, а бедра должны быть обернуты особым материалом, *'ie*, причем это касается в равной степени как женщин, так и мужчин. В формальных ситуациях только вождем и другим лицам того же ранга разрешается **сидеть** по-другому, **с одной ногой, покоящейся на бедре другой**. Во всех случаях важно не выставлять ноги в направлении адресата. Только после того, как вошедший сядет, он произносит словесные формулы приветствия, хотя еще до всех приветствий хозяева могут спросить гостя о том, как он или она живет, о его или ее близких, об их самочувствии, сказать несколько слов по поводу одежды гостя.

Теперь остановлюсь на специфичности самих **форм** невербальных приветствий. Здесь даже в сравнительно гомогенной группе людей возможны значительные расхождения в поведении. Например, американцы, как показывают проведенные мной в Америке наблюдения и подтвержденные ответами американских студентов на вопросы составленной мной анкеты, легко отличают невербальный стиль общения и приветствия коренных латиноамериканцев, «испанцев», как они их называют, от приветствий белых американцев, «anglo». По данным антрополога Р. Шатера уже внутри самой латиноамериканской культуры наблюдается весьма значительная вариативность форм и способов приветствий. Например, костариканцы гораздо больше любят касания, чем панамцы, а панамцы – более трогательный народ по сравнению с колумбийцами [Шатер 1976].

А вот еще примеры. Майори из Новой Зеландии встречают и провожают людей, обнимая их за шею и плеча [Фрэйзер 1919]. В статье [Холл, Уайт 1960] приведен следующий любопытный случай культурного несоответствия в актах касания у двух народов, которое имело своим последствием серьезную коммуникативную неудачу: «Однажды один американский бизнесмен, находившийся с деловым визитом на острове Ява, был приглашен на коктейль. И здесь американец, сам того не желая, разорвал невидимые культурные канаты, которые определяют границы приемлемого поведения. Он хотел завязать деловые отношения с одним из бизнесменов – жителей Явы и успешно продвигался в

намеченном направлении. Однако когда вечер уже близился к концу, американец положил руку яванцу на плечо, причем сделал это в присутствии других людей. Такое поведение было сочтено совершенно беспардонным и унижающим достоинство человека, поскольку нарушало давний традиционный этикет. И хотя американский бизнесмен почти сразу же принес своему яванскому коллеге самые искренние и изысканные извинения, завязать деловые отношения уже было невозможно».

Культурные расхождения в жестах приветствия и прощания по сути являются различиями в семантике или прагматике самих жестов, а также в функциях и степени значимости тактильного поведения в целом для данной культуры. Если трогать человека является у данного народа культурной нормой, то касание партнера в процессе коммуникации не может интерпретироваться в языке тела этого народа как вторжение в личную сферу человека (о понятии личной сферы см. в работе [Апресян 1986]).

Если вернуться к какой-то одной конкретной культуре, например, к русской, то, помимо уже отмеченных, на значение и интерпретацию жестовых приветствий и прощаний особенно влияют следующие факторы:

(1) какая часть тела и какую трогает.

Поцелуй руки очевидно имеет не ту же семантику, что **поцелуй в губы**. Это точно так же, как если мужчина и женщина **идут, взявшись за руки**, то данная поза значит одно, а когда женщина идет рядом с мужчиной и **берет его под руку**, то такая поза значит совсем другое;

(2) продолжительность жеста.

Высказывания *Он задержал ее руку в своей* и *Он быстро отдернул руку* имеют, конечно, совершенно разные осмысления. Жест **продолжительный поцелуй в губы** не синонимичен жесту **быстрый поцелуй**: если первый – это, бесспорно, жест выражения любви, то второй такого смысла не имеет.

(3) Имеется ли, помимо касания, давление (сжатие) части тела партнера и, если да, то насколько сильное.

Рукопожатие «вялой» рукой – это одна разновидность жеста (ср.: *Он всегда был очень приветлив и всегда при встрече всех целовал, даже если вчера с этим человеком виделся. А если не целовал, то неизменно протягивал вялую руку для рукопожатия, и пожимать эту руку было так же приятно, как связку подогретых сарделек* (В. Качан. «Роковая Маруся»)), а **рукопожатие «мужской» рукой** – совсем другая.

(4) происходит ли движение после того, как произошел контакт, и, если да, то какое.

После **рукопожатия** некоторые мужчины трясут сцепленными вместе руками – это, например, часто бывает при произнесении каких-то поздравительных слов. **Поглаживание** – это всегда движение вдоль поверхности тела, а **шлепок** – это отрывистый, быстрый, не очень сильный, однократный удар. **Похлопывание по плечу** – это обычно три-четыре удара, слабые по силе и обычно наносимые по одному и тому же сегменту области плеча. Важную роль в этом жесте играет звук;

(5) присутствуют ли при касании посторонние люди и, если да, то кто они.

Рукопожатия совершаются как на людях, так и вне посторонних глаз, но если та же жестовая форма имеет другой смысл и обозначает «пари», при котором сцепленные руки следует *разбить*, то присутствие, по меньшей мере, еще одного, третьего человека, «разбивающего», почти обязательно (иногда роль третьего берет на себя один из участников действия).

(6) тип социального контекста, в рамках которого происходит касание.

Прикосновение к руке или касание плеча скорбящего человека во время похорон на кладбище или в ходе траурной церемонии, где слова неуместны, – это не простое невербальное приветствие, но синкретично выражаемое этим жестом сочувствие или утешение. Это знак солидарности и единения с адресатом жеста в общем с ним горе. И совсем

другое, конечно, означает касание рукой плеча товарища во время спортивной эстафеты или игры: здесь это, разумеется, не знак приветствия или прощания, а сигнал того, что, скажем, наступила очередь бежать человеку, которого коснулись;

(7) характер стиля невербального поведения и взаимоотношений между партнерами.

В каждой культуре существуют жесткие нормы, предписывающие кто, кого, как и когда может трогать. Из наиболее типичных **социальных** жестов приветствия можно назвать **рукопожатие, поцеловать руку, положить руку на плечо, снять шляпу**, разнообразные **кивки и поклоны**. Любопытно, что языковое отображение большинства этих жестов не только обычно намного богаче невербального, но и выражает смыслы, отличные от этикетных или дополняющие этикетные. Так, в предложении *«Но вы! Кто же вы, наш ангел, наше Провиденье?» – восклицала вдова, покрывая поцелуями руки императрицы* (М. Алданов) сочетание *покрывать поцелуями руки* – это, конечно, не экспрессивное приветствие. Но это и не просто выражение почтения перед царственной особой – это знак особой благодарности за оказанное ею благодеяние. А в русском дворянском обществе дети, почтительно целуя родителям руки, благодарили их за обед.

Нейтральным стилем для жестов приветствий и прощаний является не интимный и не функционально-деловой, а дружеское общение и сопряженная с ним теплота взаимоотношений. Именно здесь человек, полностью контролируя свои действия, более свободен в выборе жестов-касаний (по сравнению с другими невербальными стилями и отношениями) и более толерантен к возможным отклонениям от нормы. На уровне дружеского общения, когда уже ранее были не просто завязаны какие-то контакты, а установлены тесные отношения между партнерами, они вполне открыты для дальнейшего разнообразного по форме невербального подтверждения своих симпатий друг к другу.

Смысловый инвариант всех **социальных жестов приветствий** не пуст, и в первом приближении его можно сформулировать так: «демонстрация признания другого человека как имеющего данный социальный статус (в частности, признание в коммуникативном партнере женщины, признание у адресата статуса “высокого лица”, например религиозного, установление отношений равенства с адресатом и т.п.) и установление связи, единения со своим коммуникативным партнером (например, соучастие с ним в каком-то деле)».

§2. Основные противопоставления в классах жестов приветствия и прощания

Используемые в данном языке тела жесты приветствий и прощаний можно разбить на классы и построить их семиотически содержательную внутриязыковую типологию, основанную на универсальных оппозициях. Так, по степени закреплённости в обществе жесты делятся на **социальные** и **индивидуальные**, по уровню формализованности исполнения – на **регламентированные** и **нерегламентированные**, по отношению к прошлому – на **традиционные** и **нетрадиционные (инновации)**, по отношению к другим культурам – **исконные** и **заимствованные**, по характеру семантики и манере исполнения жеста – на **экспрессивные** и **неэкспрессивные**, по длительности – на **долгие** и **краткие**, по форме – на **полные** и **редуцированные** и др.

Не только жесты, но и сами семиотические этикетные акты приветствий и прощаний тоже вполне поддаются содержательной классификации. Эти акты различаются объемом и плотностью, то есть количеством и частотой исполняемых в них жестов, наличием/отсутствием обязательной речевой части, то есть обязательного в них речевого сопровождения – в виде свободных речевых выражений, особых жестких формул, параязыковых клише и др. Они дифференцируются по числу и/или структурной конфигурации лиц, участвующих в данном коммуникативном акте (с такими возможными значениями для актов приветствий, как «один здоровается обязательно с

одним», «один здоровается обязательно с более чем одним, но по отдельности с каждым», «один здоровается сразу с группой людей» и др.). Приветствия и прощания классифицируются также в соответствии с (а) социальным контекстом, в котором они исполняются, например, совершается приветствие в семье, на улице, в транспорте, учреждении, (б) личностными характеристиками участников, (в) общественным статусом и др.

Ниже я рассмотрю только две оппозиции, а именно деление жестов приветствий на **симметричные** – знаки **солидарности** и **несимметричные** – знаки **уважения**, а также – на жесты **близкого** и **далекого приветствий**. Во время исполнения симметричных жестов приветствий обе стороны производят тождественные или сходные невербальные знаковые действия, а во время несимметричных приветствий один из участников выполняет действия, которые другой не выполняет. Несимметричное приветствие – в зависимости от значений таких кинетических признаков, как возраст, пол, положение тела (например, наклонное оно или прямое), тип взгляда (скажем, прямой или в сторону) и многих других, интерпретируется как выражающее доминацию или, наоборот, подчиненное положение одного из коммуникативных партнеров. При симметричных жестах использование кинетических характеристик, определяющих доминацию или подчинение, по правилам жестового поведения не допускается. Здесь избираемый способ обусловлен исключительно личными отношениями партнеров и тем, как они представляют себе место свое и своего партнера в некоторой иерархии.

Приветствия (и прощания) солидарности не являются, однако, идеально симметричными хотя бы по той простой причине, что кто-то всегда первым начинает приветствие, а другой его подхватывает (см. об этом подробно в работе [Коллет 1982]). Инициатива всегда принадлежит одному из партнеров, причем то, кому именно, зависит от обстоятельств, которые, как мне представляется, едва ли поддаются разумному исчислению. Например, релевантными оказываются даже такие вещи, как приходит человек к другому в гости один, с другом или с подругой. Или: один вынужден подойти к другому на улице или

в коридоре на службе, один узнал другого, увидев в театре, или один узнал другого, увидев в ресторане, и т.п. В подобных <квази>симметричных солидарных приветствиях инициатива имеет смысл «приглашение к взаимодействию, диалогу», а в несимметричных приветствиях уважения инициатива выражает идею «просьбы» или «прошения». Жест-приглашение к взаимному приветствию **протянуть руку для рукопожатия** часто прочитывается как знак положительного отношения к адресату (см об этом в нашем словаре языка русских жестов [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]), а та же жестовая форма в качестве приглашения к прощанию может, наоборот, интерпретироваться как проявление негативных чувств к адресату (о жестах прощания см. также в работе [Кнапп и др. 1973]).

Симметричные жесты приветствий и прощаний отличаются друг от друга и условиями употребления. Например, предварительные действия, которые иногда предшествуют **рукопожатиям** (скажем, снятие перчаток или головного убора), могут быть проделаны одним из участников диалога, когда партнера перед ним нет, а действия, предваряющие жесты прощания или расставания, неизбежно выполняются в компании другого участника (последнее наблюдение принадлежит замечательному немецкому социологу Э. Гоффману ([Гоффман 1971])).

Взаимные симметричные касания, или, если угодно, невербальные реципроки, такие как мужские рукопожатия, могут нивелировать различия в социальных статусах. Как пишет Д. Шифрин, «когда за руку здороваются мужчины, это означает не только их равное участие в данном ритуале, но и равное достоинство двух людей» [Шифрин 1974, с. 190]. **Рукопожатие** – это не только намерение продемонстрировать отсутствие оружия и мирные намерения [Холл П., Холл Д. 1983], но и (если учесть важные смысловые компоненты взаимности и симметрии) демонстрация равенства и солидарности; это знак того, что после рукопожатия партнеры становятся доступны один другому, готовы общаться или участвовать в некотором совместном предприятии; ср. *руки, созданные для рукопожатия во время опасности* (О. Мандельштам).

Теперь буквально два слова о пространственной оппозиции. Интересно здесь сопоставить жест **протянуть руку для рукопожатия** как жест **близкого приветствия** с жестом **махать рукой (в направлении «слева направо»)**, являющимся жестом **дальнего приветствия**, или **приветствия на расстоянии**. Последний содержит в своей семантике императивный компонент типа «обрати внимание», который делает данный невербальный знак непригодным при встречах с людьми более высокого статуса. К тому же жест намекает на некую близость или интимность отношений между участниками коммуникации, неприемлемую в данном стиле общения. В связи с указанными жестами близкого и дальнего приветствий представляет интерес одно замечание современного английского психолога и антрополога П. Коллета: «Когда европеец или американец машут рукой другому человеку на далеком расстоянии в знак приветствия, они исполняют этот жест с целью привлечь внимание адресата, показать, что адресата заметили или опознали, а также предупредить его о возможном предстоящем приветствии на близком расстоянии. Следовательно, приветствия на дальнем расстоянии представляют собой своеобразные невербальные ритуалы, выражающие просьбу о разрешении доступа к другому, а само отношение между партнерами проясняется только при близком приветствии. Если приветствия на дальнем расстоянии предполагают, что адресат в ответ каким-то образом покажет или обозначит, будет ли он доступен и открыт для общения, то близкие приветствия применяются для выражения разных степеней солидарности и уважения» [Коллет 1982].

Литература

Апресян 1986 – *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, 28, 1986, 5 – 33.

Ваграс 1986 – *Vargas M.F.* An introduction to nonverbal communication. The Iowa State Univ. Press /Ames, 1986.

Вильямс 1966 – *Williams, T.R.* Cultural structuring of tactile experience in a Borneo society // *American anthropologist*, 68, 1966, 27 – 39.

Гоффман 1971 – *Goffman, E.* Relations in public. New York: Basic Books, 1971.

Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. Москва – Вена: Языки русской культуры; Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 49, 2001.

Дюранти 1992 – *Duranti, A.* Language and bodies in social space: Samoan ceremonial greetings // *American anthropologist*, 94, 1992, 657 – 691.

Кнапп и др. 1973 – *Knapp M.L., Hart R.P., Friedrich G.W., & Schulman G.M.* The rhetoric of goodbye: Verbal and nonverbal correlates of human leave-taking // *Speech monographs*, 40, 1973, 182 – 198.

Коллет 1982 – *Collett, P.* Meetings and misunderstandings // *Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction* / Ed. G. Bochner. Oxford: Pergamon Press, 1982, 81 – 98.

Папп 1985 – *Папп Ф.* Паралингвистические факты. Этикет и язык // *Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика* / Сост. и общ. ред. Т.В. Булыгиной и А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1985, 546 – 553.

Фрэйзер 1919 – *Fraser J.G.* Weeping as a Salutation // *Fraser J. G.* Folk-lore in the Old Testament: Studies in comparative religion, legend and law. London, vol. 2, 1919, № 92/93.

Хеслин 1974 – *Heslin R.* Steps toward a taxonomy of touching. Paper presented at the annual meeting of the Midwestern psychological association, Chicago (May), 1974.

Холл, Уайт 1960 – *Hall E.T. & Whyte W.F.* Intercultural communication: a guide to men of action // *Human organization*, 19, 1960, 567 – 576.

Холл П., Холл Д. 1983 – *Hall P.M., Hall D.A.S.* The handshake as interaction // *Semiotica*, 45, № 3/4, 1983, 249 – 264.

Г. Е. Крейдлин

Шатер 1976 – *Shuter R.* Proxemics and Tactility in Latin American /
/ Journal of communication. 26, 1976, 46 – 52.

Шифрин 1974 – *Shiffrin D.* Handwork as ceremony: The case of the
handshake // *Semiotica*, 12, № 2, 1974, 189 – 202.

Е. Б. Морозова

Поклон как этикетный жест

Введение

Данная статья посвящена типичному этикетному жесту – **поклону**¹, его роли в коммуникации, а также его социальной и культурной функциям. Целью работы является показать, что:

(1) **поклон** представляет собой не один жест, а класс жестов, и, соответственно, имя существительное **поклон** выступает номинацией целого класса жестов в русском языке;

(2) существуют три класса **поклонов** в соответствии с типом социального и коммуникативного контекста, в котором они используются;

(3) кратко рассказать о некоторых представителях выделенных трех классов, описав их форму, смысл и типовые ситуации употребления.

В соответствии с семантической классификацией жестов, приведенной в работе [СЯРЖ 2001], **поклон** относится к этикетным жестам, поскольку выполняется в конкретных, строго фиксированных ситуациях «в качестве элемента, передающего либо информацию о структуре коллектива, в который включен говоря-

¹ В настоящей работе используются следующие условные обозначения, принятые в невербальной семиотике: жирным шрифтом пишутся имена конкретного жеста, поклона как класса жестов и как общее обозначение любого жеста из данного класса; названия жестов и любые другие языковые обозначения выделяются курсивом, а смысл языковых единиц и жестов, а также их переводной эквивалент приводятся в марровских кавычках.

щий, либо информацию о типе разворачивающейся ситуации» [СЯРЖ 2001, с. 196]. В свою очередь этикетные жесты являются элементами более широкого класса коммуникативных жестов, то есть несут информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату.

Говоря о **поклоне**, сразу следует сделать одно важнейшее замечание: в большинстве случаев **поклон** описывается как один жест. В действительности, как нам кажется, **поклон** – это не один жест, а имя класса жестов, разных по форме (то есть по способу стереотипного исполнения), смыслу, функции и роли в культуре, объединенных под этим именем. Впрочем, по установившейся традиции, мы – до тех пор, пока не возникнет необходимость в проведении различий между разными поклонами, – будем говорить о **поклоне** как об одном жесте.

Стандартным, стереотипным языковым обозначением **поклона** в русском языке является имя *поклон*. Существуют и другие номинации этого жеста, прежде всего глаголы *кланяться* и *поклониться*. Эти глаголы следует отличать от существительного *наклон* и глагола *наклониться*, называющих сходные по форме с поклоном физиологические движения тела, не являющиеся знаками. Так, человек *наклоняется* (но не **исполняет поклон*), чтобы найти на земле или на полу что-либо, поднять упавшую вещь и т.д. Ср. **Он поклонился, чтобы завязать шнурок*, **Он наклонился в знак благодарности*. Во время занятий спортом мы *выполняем наклоны*, а не *поклоны*, *наклоняемся вперед*, а не *кланяемся*. Вот, например, описание одного физического упражнения: *Поставьте правую ногу на стул, наклонитесь вперед, коснитесь пальцами ступни левой ноги*.

Таким образом, слово *наклон* является обозначением носящего утилитарный характер движения и не имеет закрепленных в системе языка символического смысла и знаковой функции. Несколько иначе, чем *наклон* и *наклониться*, устроен глагол *склониться*. В своем исходном значении он, как и *наклониться*, обозначает не жестовое движение – простое сгибание вперед туловища (ср. *склониться над постелью ребенка или больного* или *склониться над*

водой, над книгой). Однако *склониться*, равно как и *склонить голову*, может выступать номинацией жеста, по форме близкого **поклону**, но имеющего другой смысл и другую сферу употребления. В частности, жест **склонить голову**, согласно [СЯРЖ 2001] «исполняется у могилы человека, который был небезразличен жестикулирующему», то есть является средством выражения смирения и скорби [СЯРЖ 2001, с. 131].

Поскольку жесты-**поклоны** остаются до сегодняшнего дня плохо собранными и проанализированными, и еще хуже представленными в существующих словарях жестов, в качестве материала для анализа были выбраны не только сами жесты, но и их языковые обозначения, содержащиеся в различных словарях русского языка и русской культуры, в частности, в разнообразных руководствах по этикету.

Классы поклонов

Из возможных признаков, на основе которых можно классифицировать поклоны, мы сознательно остановились на одном – типовой сфере употребления, поскольку при такой классификации выделенные классы получают наиболее широко представленными и поскольку такая классификация применима не только к русской, но и к другим культурам. Итак, в соответствии с типовыми сферами использования все поклоны делятся на три класса: (1) религиозные, (2) церемониальные, или ритуальные, и (3) светские, или бытовые, поклоны. Все эти классы относятся к разряду этикетных жестов, поскольку и поведение человека в церкви или при общении с духовным лицом, и его поведение во время приема у высокопоставленного лица и, наконец, его поведение в повседневной жизни регламентируется специальными этикетными правилами, установленными в данном обществе в данную эпоху. Эти правила не придумываются самим человеком в процессе его взросления и приобретения жизненного опыта. По большей части знание этих правил и их применение прививается в раннем детстве родителями, в школьные годы – родителями, учителями и обществом. Частью этикетных пра-

вил человек овладевает в результате прочтения книг по этикету, просмотру фильмов и телепередач, в ходе собственных наблюдений за процессом коммуникации разных людей. Прежде всего сказанное характерно для религиозных и церемониальных поклонов, поскольку именно здесь требования этикета более жесткие и обязательные для исполнения. В повседневной же жизни существует большая свобода в выборе поведения, которое решающим образом зависит от отношений между участниками коммуникации.

I. Религиозные поклоны

Рассматривая религиозные поклоны, мы остановимся на поклонах, исполняемых в религиозных службах только двух мировых религий: христианства, точнее православия, и ислама и для простоты будем называть соответствующие поклоны *православные* и *мусульманские поклоны*.

В соответствии с энциклопедическим словарем Брокгауза и Эфрона, **религиозные поклоны** представляют собой «символическое действие, служащее выражением чувства почтения пред высшими и благоговения перед... Богом» [Брокгауз, Ефрон 1898, XXVII, 243]. Выразить это чувство **религиозный поклон** может только в особых регламентированных ситуациях и особых контекстах, а именно – в Храмах, во время богослужения, в доме во время молитвы или при встрече с духовным лицом. Учитывая, что **поклон** – это иконический знак, а *религия* в одном из значений представляет собой «совокупность духовных представлений человека, основанных на вере в Бога и поклонении ему», становится понятно, почему именно жест **поклон** составляет обязательную часть большинства религиозных ритуалов основных мировых конфессий.

Так, каждый правоверный мусульманин должен ежедневно совершать пять молитв, называемых *намазами*, и во время каждой должен исполнять в строго установленном порядке серию предписываемых движений, произнося при этом определенные слова. Такой комплекс из невербальных и вербальных знаковых единиц включает в себя во-

семь отдельных актов поклонения Аллаху, куда входят поклоны, именуемые *руку* и *саджда* (или, иначе, *суджуд*). Большое значение при совершении мусульманских поклонов имеет ориентация тела молящегося: оно должно быть повернуто в сторону Мекки.

Поклон **руку** исполняется следующим образом: мужчины кладут руки на колени и совершают поклон в пояс (эта форма жеста имеет стандартное название *поясной поклон*); женщины столь глубоко не кланяются. Исполнение поклонов упорядочено по времени: **руку** следует исполнять после того, как закончено чтение первой и второй, более короткой, сур Корана. Кроме того, жест исполняется вместе речью – трижды произносимой клишированной формулой, восхваляющей Аллаха, а потому находится ближе к особому виду коммуникативных жестов – к иллюстративным жестам. Семантика **руку** представляется очевидной: поклон свидетельствует о любви и почитании мусульманином Бога.

Завершив исполнение **руку**, человек выпрямляется. Затем в течение какого-то времени произносит необходимые молитвы и далее, одновременно со словами *Аллах ахбар* «аллах велик», приступает к другому поклону – **саджда**. Для исполнения **саджда**, по форме относящегося к классу так называемых **земных поклонов**, мусульманину надлежит встать на колени, упираясь о землю или пол, и далее коснуться земли лбом и носом. После этого молящийся принимает особую сидячую позу и произносит обращенные к Всевышнему слова прощения и пощады, смысл которых приблизительно таков: «Господи, прости и пощади». Заканчивается весь этот жестово-словесный комплекс еще одним исполнением поклона **саджда**, после чего человек встает в полный рост.

В православии тоже существует два основных вида поклонов, на что указывает текст «Устава о поклонах», который является частью «Устава Богослужения Православной церкви». В соответствии с Уставом, выделяются **большой** (или **земной, великий**) **поклон** и **малый (поясной) поклон**. Названия поклонов фиксируют разные моменты, связанные с исполнением жеста, а потому их нельзя считать полностью синонимичными. Так, в выражениях *большой поклон* и *земной поклон* подчеркиваются компоненты формы, соответствен-

но, амплитуда жеста и конечная точка его физической реализации (а тем самым, как следствие, и глубина поклона). Выражение *великий поклон* отражает не форму, а религиозную или культурную – в широком смысле слова – значимость жеста. Исполняется поклон следующим образом: молящийся встает на колени лицом к алтарю или иконе, опираясь ладонями о пол, и касается лбом пола. Этот жест используется во время Великого поста, после Переложения Святых Даров, в другое время службы по желанию молящегося, а также в ряде других контекстов.

В номинациях следующего вида поклона – *малый поклон* и *поясной поклон* – отражены компоненты формы жеста. Туловище человека согнуто в поясе, при этом туловище и голова наклонены так, чтобы совершающий поклон человек смог достать рукой до земли или пола. *Малый поклон* имеет меньшую значимость, чем большой, но большую сферу употребления. Он используется в ситуациях принятия благословения от священника, во время чтения Евангелия, во время молитвы после совершения крестного знамения и ряде других ситуаций. У этого жеста, помимо основной, имеются две редуцированные формы. Первая из них часто исполняется как самими священнослужителями, так и остальными верующими: голова и туловище молящегося наклоняются вниз вдоль вертикальной оси примерно на 50°. Вторая редуцированная форма, которую, как нам кажется, можно даже считать отдельным жестом – **склонение головы**. Жест применяется в следующих случаях: когда духовное лицо в Церкви благословляет молящихся и произносит слова *Мир всем* или *Главы наши Господеви приклоним*, читает Священное писание или совершает ритуал каждения молящихся.

Христианские поклоны имеют смысловой инвариант, который в первом приближении можно сформулировать так: «признание человеком совершенных им грехов и своей греховной природы, смирение перед Богом и признание своего подчиненного положения». Говоря о христианских поклонах, следует сказать, что существует и другой круг их употребления (и, видимо, другое значение, более близкое к значению бытовых (светских) поклонов). Мы имеем в виду так называемые **земные поклоны**, используемые в качестве наказания за оскорб-

ление церкви словом или действием. Такое употребление жеста показывает, что в христианском сознании земные поклоны относятся к категории жестов, трудных для исполнения.

II. Церемониальные (ритуальные) поклоны

Церемониальные или ритуальные поклоны занимают важное место в ритуалах, церемониях и обрядах в различных культурах.

Например, в Древнем Китае, согласно существующим описаниям, едущий в паланкине чиновник при встрече на улице с чиновником более высокого ранга обязан был выйти из носилок и совершить предписанные этикетом поклоны. Обращаясь к императору, поданные совершали сложную церемонию: необходимо было три раза встать на колени и девять раз совершить **земной поклон**, то есть при каждом коленопреклонении трижды коснуться лбом земли. Перед аудиенцией у императора специальный распорядитель сообщал послу, когда следует преклонить колени и как вручить грамоту. Ответив на вопрос императора о благополучии своего государя, посол должен был пасть ниц перед императором, затем встать и еще раз совершить **земной поклон**. При ответе на другие вопросы предписывалось выполнить те же самые действия, а по окончании приема отвесить еще четыре прощальных поклона.

В Китае послов заставляли отбивать земные поклоны не только перед императором, но также перед входом во дворец и перед тронном, даже если трон был пустым. Существовали специальные наказания гостей страны за несоблюдение или неправильное исполнение ритуала поклонов. За отказ следовать принятому ритуалу гостей обычно высылали из страны. История знает случай с посланником царя Алексея Михайловича, боярином Федором Байковым, отказавшимся встать на колени и кланяться перед китайским храмом, который был выслан за это из страны.

В Древней Греции приветствовали друг друга особым жестом руки, а не телодвижением; кланяться было не принято, так как этот

жест воспринимался свободлюбивыми греками как проявление низкопоклонства. В греческой культуре ритуальные поклоны появляются с началом царствования Александра Македонского и созданием империи. После покорения Азии Александр потребовал, чтобы подданные приветствовали его, как персидского царя – т.е. совершали перед ним *proskunesis* ‘проскинеза, земной поклон’ в знак рабской покорности и божественного преклонения. Исторический анекдот рассказывает о том, что однажды, когда Александр был занят разговором, к нему вошел подданный и, видя, что император его не замечает, не поклонился положенным образом. Собеседник Александра обратил внимание Александра на проступок подданного и император в ярости убил последнего. После смерти самого Александра *proskunesis* сохранялся на протяжении эпохи эллинизма как жест приветствия царствующих особ. Некоторые римские императоры, например, Диоклетиан, требовали исполнения проскинезы не только от подданных и солдат, но и от императорских дворцовых чиновников и офицеров.

В Европе в Средние века, подходя к королю или другому знатному лицу, необходимо было поклоняться 2-3 раза. Первый поклон совершался при входе в зал, второй – в середине движения по направлению к королю, третий – непосредственно перед ним. При расставании те же действия производились в обратном порядке, при этом нельзя было поворачиваться спиной, и уходящие пятились назад и останавливались только для поклонов [Крейдлиг 2003].

Поклоны использовались не только во время общения со знатным лицом. Они часто являлись обязательной частью народных обрядов и ритуалов. В 17 веке на Руси они считались обязательными во время свадьбы, после венчания в церкви. Невеста подходила к жениху и не только кланялась ему, но и падала в ноги в знак покорности и послушания, а жених накрывал ее полой кафтана, символизируя этим свою обязанность защищать и любить ее. Родственники жениха низко кланялись невесте, а родственники невесты – жениху в знак признания будущего родства и возможной любви.

III. Бытовые (светские) поклоны

Бытовые или светские поклоны отличаются от представителей предыдущих двух классов разнообразием ситуаций употребления: это повседневные ситуации приветствия и прощания, выражения благодарности, принесения извинений и ряд других. В большинстве ситуаций поклоны служат для выражения одного определенного смысла – почтения и уважения к адресату.

Форма и смысл бытового поклона в русской культуре в большой степени зависят от таких кинетических параметров, как статус жестикулирующего и адресата, отношений между ними и типа коммуникативной ситуации. Так, в прошлые века в ситуации «вход в чужой дом» гость обыкновенно молился иконам и трижды кланялся в пояс хозяевам, причем первый поклон предназначался Богу, второй – хозяевам, третий – всем находящимся в помещении людям. Иногда в одном невербальном акте совмещались три адресата – Бог, земля и люди. В ситуации «приветствие в крестьянской среде» перед духовным лицом или богатым односельчанином кланялись так называемым **большим обычаем**, т.е. до земли. Поклон в пояс назывался **малым обычаем**, им приветствовали друг друга люди, равные по статусу. Этот поклон использовали в уже упомянутой мной ситуации «входа в чужую избу» Таким поклоном жена кланялась мужу, женщины – мужчинам в разных ситуациях.

В дворянском обществе умение правильно кланяться считалось необходимым качеством воспитанного человека, и молодые дворяне с детских лет специально изучали тонкости выполнения поклонов, например, на уроках танцев. Вот как описывается искусство исполнения придворного поклона в повести Куприна «Юнкера»: *Руки свободно, без малейшего напряжения, опущены вниз и слегка, совсем чуточку округлены. Ноги в третьей позиции. Одновременно, помните: одновременно – в этом тайна поклона и его красота, — одновременно и медленно – сгибается спина и склоняется голова. Так же вместе и так же плавно, только чуть-чуть быстрее, вы выпрямляетесь и подымаете голову, а затем отступаете или делаете шаг вбок, судя по обстоятельствам... отнюдь не показывая спины.*

В заключение еще раз приведем основные идеи данной работы. Мы попытались показать, что существует не один, а много этикетных жестовых поклонов, которые можно распределить по трем классам в соответствии с кругом употребления. Выделенные классы различны по составу, но каждый представитель любого из трех классов имеет свою форму, смысл, прагматику и синтактику.

Создание внутриязыковой типологии поклонов, даже для одной культуры, такой как русская, представляется нам крайне насущной задачей, но для ее решения сначала требуется тщательно описать и представить в лексикографической форме хотя бы основные поклоны данной культуры.

Литература

Статья о поклонах // Око церковное. 2002. 10 марта.
www.liturgica.ru/bibliot/poklony.html

Байбурин, Топорков 1990 – *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л.: Наука, 1990.

Брокгауз, Ефрон 1898 – *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. С – Пт.: 1898.

СЯРЖ 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. Москва – Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001.

Крейдлин 2003 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальный этикет // Наст. выпуск.

Мусульманину об исламе 1992 – Мусульманину об исламе / Под ред. И.Бердиева. М., 1992.

Словарь античности 1994 – Словарь античности. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1994.

Этикет от А до Я 1999 – Этикет от А до Я / Сост. И.Е. Гусев. Минск: Харвест, 1999.

Н. М. Михайлюк

**Диалог взрослого с ребенком:
способы позиционирования слушающего**

Одно из важнейших условий успешности диалога состоит в том, что он должен функционировать как совместная деятельность двух участников, – говорящего и слушающего (то есть слушающий не должен «выпадать» из диалога и «включаться» в него только тогда, когда до него дойдет очередь говорить). Причем говорящий должен каким-то образом понимать, что слушающий все еще участвует в диалоге, – для этого слушающий вербально (вставляя реплики) или невербально (с помощью визуального контакта, кивка, жестов) маркирует для говорящего свое участие.

Для диалога между двумя взрослыми такое положение вещей естественно, каждый из участников диалога не только (возможно, бессознательно) следует правилу «обратной связи», но и уверен, что о нем знает собеседник. Если собеседник не маркирует свое участие в диалоге в качестве слушающего, это воспринимается как провал, связанный, например, с помехами в канале коммуникации. Иначе говоря, нарушение правила «обратной связи» воспринимается как ситуация нестандартная, «неправильная», требующая исправления.

Задача данной статьи – описать стратегию, с помощью которой это условие успешности обеспечивается в диалоге взрослого с маленьким ребенком.

В статье будут изложены результаты исследования, проведенного на материале двух языков – русского и немецкого. Такой выбор материала позволил поставить вопрос в «надъязыковой» плоскости и говорить именно о стратегии в диалоге, то есть о коммуникативном поведении его участников, которое, как предполагает автор вслед за рядом психолингвистов, не столько зависит от выбора конкретного языка, сколько обусловлено культурными или общечеловеческими факторами. Отношения между языковым и неязыковым строились в рамках исследования в соответствии с этим принципом: на этапе сбора и анализа материала было задано направление от конкретных, найденных в нем явлений к их возможным интерпретациям, на этапе описания – от неязыкового (выявленных на основе анализа материала коммуникативных стратегий) к языковому (языковым средствам их реализации).

Материалом для исследования послужили аудиозаписи диалогов взрослых с детьми в ежедневных бытовых ситуациях (совместные игры, прогулки, кормление, укладывание спать, купание, занятия и так далее). Аудиозаписи производились в нашем присутствии в семьях и в детских садах, и потом расшифровывались с описанием контекста (правильность расшифровки немецкого материала в сомнительных случаях проверяли носители языка).

Взрослые информанты были разделены на 2 группы: взрослые-родители и взрослые-воспитатели. Такой выбор взрослых информантов позволил охватить ближний и дальний круг общения ребенка, и, кроме того, включить в рассмотрение компонент культуры, связанный с избранной педагогической школой.¹

Возраст детей-информантов варьировался от полутора до пяти лет.

Всего в исследовании участвовало 39 информантов, из них 23 немецких (11 родителей и 12 воспитателей), 16 русских (8 родителей

¹ Наблюдения показали, что современная немецкая педагогическая школа декларирует общение с детьми «на равных», свободное от навязывания ребенку того или иного положения вещей, в то время, как русские воспитатели-информанты исследования склонны декларировать более жесткую позицию по отношению к ребенку. Нам кажется крайне важной возможность анализировать коммуникативное поведение взрослых, декларирующих разные позиции в общении с ребенком.

и 8 воспитателей). Время записи каждого информанта составляет от 1 до 1,5 часов.

Наблюдения и анализ материала показывают, что в общении с ребенком взрослый всегда находится в позиции «сверху», даже если он декларирует общение «на равных». Взрослый, декларирующий «общение с ребенком на равных», на самом деле просто мягко помогает ребенку прийти к правильному мнению (то есть мнению самого взрослого). Большинство зафиксированных в материале диалогов между взрослым и ребенком построены на том, что взрослый пытается так или иначе навязать ребенку некоторое положение вещей, которое считает правильным, не давая ребенку всерьез права на собственную позицию. Взрослый всегда прав, и сознательно или бессознательно он исходит из того, что ребенок – неопытный носитель языка, неопытный коммуникант, неопытный член общества. Это обуславливает ведущую позицию взрослого в диалоге. Именно взрослый определяет направление диалога и строит его так, чтобы добиться в нем своих целей.

Позиция взрослого в общении с ребенком находит отражение и в коммуникативных стратегиях, которыми он пользуется, чтобы обеспечить успешность в диалоге.

Как выяснилось в процессе анализа материала, позиционирование слушающего в диалоге взрослого с ребенком требует специальных усилий со стороны взрослого. Это связано, с одной стороны, с позицией взрослого в общении с ребенком, с другой стороны, с некоторыми аспектами диалогового поведения ребенка, который, по-видимому, не владеет еще всеми коммуникативными правилами, в том числе, правилом «обратной связи».

С помощью определенных контакто-поддерживающих реплик взрослый может позиционировать в роли слушателя как себя, так и ребенка. Причем, как будет видно ниже, использование контакто-поддерживающих элементов позволяет взрослому, позиционируя себя или ребенка в роли слушающего, контролировать внимание ребенка и дальнейший ход диалога. В рамках статьи будут сначала рассмотрены приемы позиционирования взрослым себя в роли слушающего, потом приемы позиционирования в этой роли ребенка.

В приведенных в статье примерах из зафиксированного материала мы пользовались следующими обозначениями:

{*смеется*} – контекстный комментарий

> < – границы области, к которой относится контекстный комментарий (например: {*громче*>} *Давайте-ка уберемся здесь* < *Саша, убери эти игрушки*).

(*знаешь*) – нечеткий фрагмент материала.

(этого/его) – варианты понимания нечетко распознаваемого фрагмента материала.

(xxx) – нераспознаваемый фрагмент.

... – длинная пауза

.. – короткая пауза между оговоркой и ее исправлением.

+ – маркирует место в реплике, где собеседник перебивает говорящего (часть реплики после знака + перекрывает реплику собеседника). Например: *Мать: Тебе уже + четыре года. Дочь: В Мишку поиграем.*

Das macht man nicht – жирным шрифтом в реплике выделено слово, на которое падает ярко выраженное в речи логическое ударение

Mhm – вокализация типа 'не-а'

В – взрослый-родитель

П – взрослый-воспитатель

Р – ребенок

Д – несколько детей, говорящих одновременно

I. Позиционирование взрослым себя в роли слушающего в диалоге

Как показывает анализ материала, подтверждая участие взрослого в диалоге в роли слушающего, контакто-поддерживающие реплики одновременно со своей основной функцией (поддержание контакта) могут выполнять еще и некоторые дополнительные функции, а именно лингво-дидактическую и гезитационную. По форме контакто-поддерживающие реплики бывают двух типов. В рамках статьи эти типы условно названы «квази-согласие» и «квази-переспрос». Напо-

миная по форме согласие или переспрос, контакто-поддерживающие реплики, как будет показано ниже, по смыслу согласием или переспросом не являются.

1. Квази-согласие

С помощью неинформативной реплики взрослый дает ребенку понять, что услышал и воспринял его реплику. Это понимание очень важно для ребенка. Как показывает анализ материала, ребенок, не получая от взрослого ответа на свою реплику, повторяет ее до тех пор, пока взрослый хоть как-то не отреагирует. Особенно четко это проявляется в ситуациях, когда в помещении находятся, кроме ребенка и интересующего его взрослого, еще и другие люди. Если взрослый в таких ситуациях, повторив свою реплику два раза, оставляет попытки привлечь к себе внимание до более подходящего момента, то маленький ребенок не может и не хочет ждать, он не понимает, почему на него не обращают внимания, и продолжает попытки до тех пор, пока не будет услышан. Причем ему далеко не всегда действительно нужен информативный ответ, часто ему достаточно того, что на него обратили внимание и его поняли. Контактно-поддерживающая реплика взрослого в ответ на реплику ребенка, параллельно с контакто-подтверждающей, может, таким образом, играть, в некотором смысле, еще и лингво-дидактическую функцию (ср. ниже пример (3)). Исследование, проведенное Е.Л.Ньюпорт и др. [Newport et al., 1977] показало, что матери чаще реагируют на реплику ребенка, если ее понимают (то есть если ребенок «говорит так, что это похоже на английский» («speaks in an English-like way»)), чем если реплика непонятна (речь идет о ранних этапах речевого развития – 1;8-2 года).² Наш материал, с другой стороны, показывает, что еще не очень хорошо говорящий ребенок, не получая

² Утверждение о том, что родители реже реагируют на непонятные реплики своих детей представляется спорным – почти все записанные родители обычно эксплицитно выражали свое непонимание и пытались выяснить, что имел в виду ребенок, помочь ему сформулировать мысль, кроме тех случаев, когда ребенок сам терял интерес к продолжению разговора. Единственным исключением была семья, в которой родители настолько мало занимались ребенком, что к четырем с половиной годам он едва говорил (при полном отсутствии какой-либо патологии).

ответа на свое сообщение, пытается переформулировать его так, чтобы взрослый его понял, и реакция взрослого служит для ребенка показателем того, что его сообщение построено «понятно» с точки зрения «взрослого» языка.

Возможно, отчасти с этим связано то, что по форме контакто-поддерживающая реплика часто напоминает ответ-согласие, как в русском, так и в немецком языке. Это может быть повтор реплики ребенка, речевой элемент типа *угу* или реплика, содержащая положительную оценку (*замечательно, правильно, точно, genau³, super⁴* и так далее).

1.1. Повтор реплики ребенка

Самым сильным средством подтверждения контакта, по-видимому, является повтор реплики ребенка. Именно это средство употребляется чаще всего в тех случаях, когда ребенку требуется наибольшее усилие, чтобы привлечь внимание взрослого, или когда контакто-поддерживающая реплика взрослого может быть интерпретирована как относящаяся к другому адресату или другой теме. В (1.1.1. – 1.1.3) представлены подобные ситуации.

1.1.1. Проблема многих потенциальных адресатов

В ситуациях, описанных примерами (1) и (2), ребенку трудно «пробиться» к взрослому. В помещении слишком много людей, и несколько детей общаются с одним и тем же взрослым. Повтор взрослым реплики, сказанной ребенком, дает ему понять, что именно его реплику взрослый выделил из общего шума и именно на нее реагирует.

(1) Воспитатель – ребенок

Р *Это гусь. С гусятами.*

П *Это утка. Вижу вижу вижу. Всем хочется все показать сразу. Это гусь, это гусыня.*

Р *(Это гуси)*

П *Хорошо.*

³ точно

⁴ супер!

P *Смотрите! А это крольчата!*

П *Крольчата, замечательно.*

(2) Воспитатель – ребенок⁵

{*Воспитатель разговаривает с другими детьми, ребенок пытается обратить на себя внимание*}

P *Das macht nicht.*

так не делает

П {*разговаривает с кем-то еще*}

P *Das macht man nicht. Das macht man nicht.*

Так не делают. Так не делают.

П *Nein. Das macht man nicht.*

Нет. Так не делают.

1.1.2. Опасность непонимания

В примере (3) ребенок еще очень маленький, плохо говорит, и мать часто его не понимает. К тому же, в данный момент мать занята разговором с другим взрослым. Ребенок повторяет свою реплику до тех пор, пока мать не отреагирует на нее, то есть не покажет свое внимание к диалогу и понимание того, что имеет в виду ребенок. В конце концов, мать реагирует констатирующей репликой в правильной форме.

(3) Мать – сын (1;10).

P *Mama, zь an, Tiefi, tiefi, tiefi, tiefi.*

Мама, надень {искаж.}. Сапоги, сапоги, сапоги, сапоги {искаж.}.

B *Stiefel, genau.*

Сапоги, точно.

1.1.3. Отступление от темы, заданной взрослым

Примеры (4) и (5) иллюстрируют несколько иную ситуацию. Здесь нет заметных внешних помех коммуникации, но ребенок отступает от темы, заданной взрослым, и ему требуется отвлечь от нее взрослого.

⁵ Делая подстрочный перевод примеров из немецкого материала, автор пытался передать не только содержание, но и стиль оригинала, в том числе, речевые ошибки говорящих. Автор просит извинения за стилистическую «неэстетичность» некоторых переводов.

(4) Мать – сын (3 года)

{тянется ко второму пакетику сока}

В А Наташе? ... А ты не выпил, там еще есть. ... На, пей. Ты пей,
а не жуй. Саша, а ты хочешь в деревню поехать? А?

Р Я все выпил

В Все выпил. Ты в деревню-то хочешь поехать? ... Поедем с то-
бой в деревню, Саш?

Р (хх) еще! Еще одну выпью! Еще одну выпью.

Реплика ребенка («Я все выпил») в примере (4) не относится к вопросу, заданному взрослым. Повторяя реплику ребенка, взрослый сообщает ему, что его высказывание принято к сведению (то есть маркирует свое внимание к реплике ребенка, отступающей от основной темы) и только после этого повторяет свой вопрос. Подобную ситуацию иллюстрирует пример (5).

(5) Воспитатель – ребенок

{разговор про МакДональдс}

П *Was gibt's n da?*

Что же там есть?

Р *McKnagget's.*

МакКнаггетс.

П *McKnagget's? Was ist'n das?*

МакКнаггетс? Что же это такое?

Р (хх) *Pommes.*

Картошка.

П *Was?*

Что?

Р *Pommes.*

Картошка.

П *Pommes isst du? Was ist'n McKnagget's?*

Картошку ты ешь? Что же такое МакКнаггетс?

Р *Fleisch.*

Мясо.

П *Aha. ... Und das schmeckt lecker!*

Ага. И это вкусно!

Очевидно, что *Pommes* («жареная картошка») не является ответом на вопрос взрослого о том, что такое МакКнаггетс. Прежде, чем повторить свой вопрос, взрослый дает ребенку понять, что его новое сообщение принято к сведению.

1.2. Использование речевых элементы типа *угу* и реплик, содержащих положительную оценку

Речевые элементы типа *угу*, а также реплики, содержащие положительную оценку, как правило, в ситуациях типа (1-5), то есть проблемных с точки зрения контакта в диалоге, употребляются в сочетании с повтором реплики ребенка. В тех случаях, когда нет помех контакту в диалоге и от взрослого требуется только подтверждение того, что реплика ребенка принята к сведению, они могут употребляться изолированно, как, например, в ситуациях (6-7).

(6) Мать – дочь (3;5).

{Играют в плюшевых медведей}

В *Надо.. {смеясь} Михал Ивановича(?) Настасья Петровна, нужно есть в меру.*

Р *А я (не неумеренно) еще не ела.*

В *Еще не (неумеренно)? А что ж у вас рыльце уже в чем-то измазано?*

Р *Да она уже вымыта!*

В *Хорошо.*

Р *Съела меда.*

В *Угу. Так.*

Контакто-подтверждающая реплика *Хорошо* завершает диалоговую последовательность: взрослый показывает, что ответ ребенка принят к сведению и удовлетворителен. Ребенок продолжает игру (кормит медведя медом); с помощью второй контакто-подтверждающей реплики (*Угу. Так.*) взрослый дает ребенку понять, что он участвует в игре.

(7) Мать – сын (P1, 2;4), дочь (P2, 4;3).

В *Mhm.Was hast du'nn aufgebaut, Mora?*

Угу. Что же ты построил, Мора?

P1 (xx)

P2 *Das habe ich aufgebaut schon gestern (Abend)*

Это я построила уже (вчера)

B {к P1>} *Und was ist das hier?*

А это что здесь?

P2 *Das ist (das Weg wo xxx unseren Krokodil)*

Это (дорога, где xxx нашего крокодила)

B *Mhm*

Угу.

P2 *Und das ist Meer*

А это море.

B *Mhm. Hier ist der Bootssteg oder was.*

Угу. Здесь тротуар или что.

P2 *Mhm.*

Угу.

B *Mhm.*

Угу.

В примере (7) мать пытается вести диалог с младшим сыном, но на ее вопросы все время отвечает старшая дочь. Произнося *Mhm* («угу»), мать показывает девочке, что услышала ее реплику, и пытается дальше продолжить диалог с младшим ребенком.

2. Квази-переспрос

Позиционируя взрослого в роли слушающего, контакто-поддерживающая реплика может одновременно заполнять паузу в диалоге, позволяя взрослому продумать его дальнейший ход (таким образом, контакто-поддерживающая реплика выполняет еще и функцию хезитационного элемента). Здесь возможны две ситуации: либо взрослый находит решение и дает диалогу некоторое (новое) направление (тогда за «хезитационной» репликой следует информативная), либо взрослый не находит, что сказать, и передает ребенку инициативу продолжения диалога. Наблюдения показывают, что и в том, и в другом случае взрослый с помощью «хезитационной» контакто-поддер-

живающей реплики демонстрирует ребенку свою принципиальную готовность продолжать диалог.

По форме «хезитационная» контакто-поддерживающая реплика – обычно переспрос, причем это языковое средство характерно как для русского, так и для немецкого языка.

2.1. Взрослый дает новое направление диалогу

Примеры (8) и (9) иллюстрируют это явление в речи русских и немецких родителей.

(8) Мать – сын (3 года)

{На прогулке}

В А мы сейчас сказку с тобой сыграем, это самое, поиграем.

Ты у нас кто будешь? Саш?

Р Я (хх) буду. Ты будешь (ххх)

В Я буду Лисичкой-сестричкой, можно? А ты?

Р Я буду... вертолетом.

В Вертолетом будешь?? Ну и что ж ты будешь делать?

Р Ты будешь.. машиной будешь.

В Машиной буду? А можно я не буду машиной?

Р Будешь машиной. А ты будешь.

В примере (8) ребенок говорит достаточно четко, и реплика-повтор вряд ли может выполнять здесь функцию уточнения. Продолжая диалог после хезитационной реплики, взрослый легко смиряется с тем, что ребенок не дает ответа на заданный вопрос, а дает диалогу свое направление (*Ну и что же ты будешь делать? – Ты будешь .. машиной будешь. – Машиной буду?*). Здесь взрослому, по-видимому, важнее стимулировать активное участие ребенка в диалоге вообще, чем сохранить тему диалога.

В примере (9) взрослый не дает нового направления диалогу; за хезитационной репликой-переспросом следует реакция взрослого на сообщение ребенка.

(9) Мать – дочь (3 года)

B Und soll ich da am Samstag kommen und dir zugucken wie du singst?.. Ja? Wir werden dann alle eingeladen(?)

A мне прийти туда в субботу смотреть на тебя, как ты поешь? .. Да? Мы все тогда приглашены(?)

P Dann kommen auch die.. die Opas und Omas.

Тогда придут тоже дедушки и бабушки.

B Die kommst du auch?.. Ja, aber nur unsere leider nicht, weil die müssen arbeiten, ja?

Они тоже туда придут? ... Да, но только наши, к сожалению, нет, потому что они должны работать, да?

P Mhm.

Угу.

Примеры (10 – 11) иллюстрируют рассматриваемое явление в речи русских и немецких воспитателей. В обоих случаях инициатором диалога является взрослый, реагирующий на реплику ребенка, обращенную к кому-то другому (например, к другому ребенку).

(10) Воспитатель – ребенок

{Ребенок что-то говорит про слонов}

P Warst du im Zoo?

Ты был в зоопарке?

P Ja.

Да.

P Jaa?

Даа?

P Mit meiner Oma.

С моей бабушкой.

P Mit deiner Oma warst du im Zoo? Was hast du da fuer Tiere noch gesehen?

С твоей бабушкой ты был в зоопарке? Каких ты там зверей еще видел?

P Ein Kaenguruh. Das hat gehuepft.

Кенгуру. Оно прыгало.

П *Jaа? War da ein Kaenguruh oder waren da ganz viele?*

Даа? Там был один кенгуру или там было очень много?

Р (xxx)

(11) Воспитатель – ребенок

{Логопедический детский сад, на прогулке, дети делают торт из песка}

Р (xxx) *соли мало!*

П *Соли мало? А что готовим-то?*

Р *Готовим – торт! Марине Александровне.*

П *Спасибо.*

Пример (11) интересен тем, что реплика-переспрос здесь, по-видимому, скорее устанавливает, чем поддерживает контакт. Реплика ребенка (*Соли мало*) не обращена к взрослому. Реагируя на нее, взрослый привлекает внимание ребенка к себе; дальше диалог происходит между ребенком и воспитателем.

2.2. Взрослый передает инициативу продолжения диалога ребенку

В записанном русскоязычном материале этот прием был зафиксирован только в речи воспитателей. В немецком материале он ни разу не встретился в речи воспитателей, но несколько раз – в речи родителей. Проанализированного материала, однако, явно недостаточно, чтобы говорить о принадлежности этого приема только речи родителей в немецком языке и педагогической речи в русском, тем более, что непонятно, с чем могло бы быть связано такое расхождение.

Почти во всех зафиксированных в русском материале случаях, когда взрослый сам не продолжает диалог, диалог иссякает.

(12) Воспитатель – ребенок

Р *А я если иду к маме на работу, то я не умею завязывать шнурки.*

П *А если идешь в детский сад, то, значит, умеешь завязывать, да? {<смеясь>}*

Р *Нет, а это мама завязывает.*

П *Мама завязывает?*

В примере (13) ребенок сам продолжает диалог, но при этом он понимает реплику взрослого как сомнение и указание на ошибку, то есть приписывает ей смысл, которого в ней нет.

(13) Воспитатель – ребенок

П *А это? {показывая на игрушку}*

Р *Это самый главный жук.*

П *Главный жук самый?*

Р *То есть самый главный паук!*

П *(Паук)*

Для немецкого языка это явление проиллюстрировано примерами (14-15).

(14) Мать – дочь (4;5)

{Вся семья и несколько гостей сидят за столом, всего 6 человек; Р что-то рисует}

Р *Jetzt .. Silber ist*

Теперь .. серебро

В *Ach so. {реплики взрослых} Und was kommt noch zum Silber?*

Ах вот как. А что еще к серебру?

Р *Gelb*

Желтое

В *Gelb? Mhm*

Желтое? Угу.

Р *(xxx) was ich finde.*

(xxx) что я нахожу.

В *Was du findest? {взрослым>} Soll ich noch ein Cappuccino holen? <*

Что ты находишь? Принести еще капуччино?

Р *gelb! Auf gelb. ge auf gelben Blatt Papier kann kein gelb .. er Stift malen.*

Желтый! На желтом, жел на желтом листе бумаги не может желт .. ый карандаш рисовать.

V Kann man do scho malen schon, aber sehen tut man es doll nicht.

Можно все-та рисовать можно, но видно будет не слишком хорошо.

(15) Мать – сын (4;2)

P Mama! Hier ist eine da, mit der ich ganz.. ganz langsam reden muss, so nicht ganz langsam aber ein bisschen langsam.

Мама! Здесь есть одна, с которой я очень.. очень медленно должен разговаривать, так, не очень медленно, но немножко медленно.

V Warum? Versteht sie dich sonst nicht?

Почему? Она тебя иначе не понимает?

P Nein, nicht so gut.

Нет, не очень хорошо.

V Nicht so gut?

Не очень хорошо?

Анализ материала позволяет говорить о том, что применение описанного приема связано с ситуацией, когда взрослому явно не до общения с ребенком. Диалоги (12) и (13) происходили в ситуации, когда одному воспитателю приходилось общаться с целой группой детей одновременно. В ситуации диалога (14) взрослые были заняты приемом гостей, а в (15) мать только что пришла домой после тяжелого рабочего дня.

II. Позиционирование ребенка в роли слушающего в диалоге

Позиционируя ребенка в роли слушателя с помощью контакто-поддерживающей реплики, взрослый, кроме того, контролирует внимание ребенка и его «присутствие» в диалоге.

Маленький ребенок, по-видимому, не владеет еще нужными навыками обратной связи, необходимыми в диалоге. По свидетель-

ству некоторых авторов (например, К. Менг и К. Крузе [Meng, Kruse, 1984]; Дж. Б. Глизон [Gleason, 1977]), 2-3-летний ребенок склонен скорее реагировать на реплику взрослого действиями, если таковые от него требуются, или не реагировать вообще. Понятно, что такое положение вещей несколько усложняет коммуникацию с ребенком в тех случаях, когда целью взрослого не является побуждение ребенка к определенным действиям (например, в ситуациях повествования или объяснения). Взрослый не уверен, слушает и понимает ли его ребенок, если тот просто сидит рядом и молчит. Если взрослый собеседник как-то обозначает свое присутствие в диалоге (регулярно кивает, вставляет в паузы междометия типа *уу* и *ааа* и т.д.), то маленький ребенок еще не видит в этом необходимости.

Если от ребенка требуется речевая или неречевая реакция, взрослый как правило маркирует для ребенка смену ролей в диалоге⁶. Наиболее частотная ситуация, в которой от ребенка требуется речевая реакция – это вопрос, который взрослый маркирует с помощью определенной интонации и паузы после своей реплики. Видимо, с этим связано то, что во многих языках самый распространенный показатель контроля внимания ребенка и участия его в диалоге – это так называемый *tag-question* (например, в [Snow, Ferguson, 1977] этот прием подробно описан на материале английского языка, а в [Jochens, 1979] – на материале немецкого). *Tag-question*, как правило, не требует от ребенка информативного ответа. От ребенка требуется некоторое подтверждение тому, что он еще не отвлекся, слушает и понимает, – словесное подтверждение, кивок, зрительный контакт. Иногда взрослый использует *tag-question* как некоторую гезитационную паузу, позволяющую ему оценить состояние ребенка-слушателя; от последнего при этом

⁶ В работе [Рарошъек, 1994] описывается интересный факт. Разговаривая с совсем маленьким (неговорящим) ребенком, взрослый маркирует паузой конец своей реплики, то есть то место, где должна была бы быть реплика собеседника (например, после вопросов), и говорит эту предполагаемую реплику «за ребенка». Причем это именно модель диалога, а не монолог: взрослый явно обозначает, когда он говорит «за себя», а когда – «за ребенка».

часто не требуется никакой специальной реакции. Взрослый не продолжит разговор, если, заканчивая реплику с помощью tag-question, он заметил, что ребенок его явно не слушает. Ребенку же tag-question, видимо, помогает понять, что монолог взрослого – это тоже вид общения с ним, ребенком, что он молчаливый участник коммуникации, а не просто случайно сидит рядом.

Прием tag-question широко используется и в русском, и в немецком языке, как в речи родителей, так и в речи воспитателей.

В русском языке tag-question реализуется, в основном, с помощью *да-* (с повышающейся вопросительной интонацией).

(16) Мать – сын (3 года)

{На прогулке, ребенок устал и жалуется}

В Саш. Вот не для записи, я тебя выдеру сейчас и больно-больно, понятно? Мало ли, что ты устал, меня это не интересует. Ты должен вести себя как нормально вести себя как человек, а не как животное капризное. ... Знаешь, чем животное отличается от человека? Что человек себя может заставить, да? И сказать «мне это нужно». Ему не хочется идти, а он себя может заставить. Да? словом заставить, пятая сигнальная система существует – слово. А животное для этого бить приходится. Вот если ты животное, я тебя буду бить.

В примере (16) реплика взрослого достаточно длинна, обладает сложной логической структурой, и поэтому трудна для восприятия. Тем не менее, взрослому важно, чтобы ребенок выслушал его и хорошенько запомнил сказанное. Контакт-поддерживающие элементы (*да?*) появляются после того, как взрослый задает вопрос (*Знаешь, чем животное отличается от человека?*), внутри «ответа» на этот вопрос. Такое положение контакто-поддерживающего элемента (внутри ответа на вопрос, заданный самим взрослым) встречается в нашем материале очень часто. Взрослый как будто говорит «за ребенка», и *да?* означает нечто вроде «слышишь, вот так ты должен был сказать». Ср. пример (17).

(17) Воспитатель – ребенок

{На прогулке в детском саду}

Р *{Другому ребенку>} Держи, Паш, кругом травки пихни.*

П *Положи, да? а не пихни.*

В примере (17) контакто-поддерживающая реплика следует за исправлением «стилистической» ошибки в речи ребенка (по мнению взрослого, слово *пихни* звучит слишком грубо).

(18) Воспитатель – группа (Р – один из детей)

{На уроке в детском саду Монтессори}

П *Мы с вами на экологии говорили, что... (Федь), подожди... что уже сейчас, в настоящее время, начинаются первые заморозки. Да? Подожди. ... Заморозки – это когда что? Температура плюс или минус?*

Р *Минус!*

П *Минус. Да? Минусовая температура. Это заморозки.*

Первый контакто-поддерживающий элемент *да?* дает взрослому время на то, чтобы проверить внимание группы (такую же функцию выполняет *ja?* в примере 23). Вторым контакто-поддерживающим элементом *да?* является, когда взрослый повторяет для всей группы правильный ответ одного из детей, привлекая, таким образом, внимание к ответу.

В немецком языке больше языковых средств для tag-question. Видимо, наиболее частотное из них, все-таки, *ja*↑ (с повышающейся вопросительной интонацией), то есть прямой аналог русского *да*↑ в этой роли. Однако, довольно часто в этом значении выступают *ne*↑ и *ok*↑ (с той же интонацией). Спорным случаем, с моей точки зрения, является употребление в этом значении *oder*↑ (аналог английского *isn't it?*), который иногда обозначает нечто вроде вопроса *как ты думаешь?* и требует ответа собеседника (ср. пример 21 с остальными примерами).

(19) Отец – сын (2;3)

{Ребенок всех отвлекает, отец обещает увести его играть}
B *Schau mal, komm mal her, komm mal her! Schau mal {ребенок подходит} ... Komm mal her Ich hab da noch ein Capuccino, und wir haben noch eine Semmel, ja? Die mag ich noch schnell, ja? Und dann komme ich. Ja? OK?*
Посмотри, подойди сюда, подойди сюда! Посмотри!.. Подойди сюда. У меня тут есть еще капучино, и у нас есть еще булочка, да? Я их хочу еще быстренько съесть, да? И потом я приду. Да? OK?

Важно отметить, что в данной ситуации отец ставит ребенка перед фактом, а не спрашивает его согласия. Ему не нужно, чтобы ребенок сказал *да* или *нет*, или еще что-нибудь. Он хочет, чтобы ребенок перестал действовать всем на нервы, сел и немного подождал. Если бы ребенок не отреагировал адекватно на эту реплику, отец, скорее всего, не закончил бы ее на словах *Ja? OK?*, и продолжил бы процесс убеждения.

(20) Мать – сын (3;5)

{Рассматривают картинки в книжке}
P *Was sagt der Mann von dem Geschäft?*
Что говорит мужчина из магазина?
B *Мм darf ich mal sehen? Das ist so klein. Was der Mann vom Geschäft sagt?*
Мм, можно я посмотрю? Так мелко. Что мужчина из магазина говорит?
P *Ja.*
Да.
B *Oh der hat sich auch erschrocken, siehst du, der hat auch die Hand von dem Mund. Der hat sich auch erschrocken, «O mein Gott! ... (Vielleicht ist da ihm/ihnen) was passiert, haben sie sich weh getan?» Der fragt sie, ne, ob alles in Ordnung ist. Man kann sich da auch weh tun, wenn man so hinfällt.*

*О, он тоже испугался, видишь, он тоже держит руку у рта.
Он тоже испугался. «О Боже! ... (Может быть с ним / с вами)
что-то случилось, вы ушиблись?» Он спрашивает ее, нет,
все ли в порядке. Можно ведь ушибиться, если так упасть.*

Элемент *ne* помогает удержать внимание ребенка на достаточно длинной, и поэтому сложной для восприятия реплике.

(21) Мать – сын (2;3)

{Играют, Р пытается возить машинку по рельсам}

B Des Auto fđhrt aber eigentlich nit auf die Gleise

Машина же все-таки не ездит по рельсам.

P A

A

B Des Auto fđhrt aber nit auf die Gleise, oder?

Машина же не ездит по рельсам, не так ли?

Ребенок отзывается на обращенную к нему реплику, причем взрослый, по-видимому, воспринимает это как переспрос и повторяет свою реплику, заканчивая ее речевым элементом *oder?*. Здесь не очень понятно, является ли *oder?* только контролером участия ребенка в диалоге как слушателя, или же это элемент, действительно передающий ребенку роль говорящего.

(22) Воспитатель – ребенку (5 лет)

{Ребенок вырезает из картона}

P Warte, ich helfe dir mal. Pass auf! Ich schneide das ganz grob

aus. Dann hast du nicht mehr so viel Pappe hinten. .. So. Jetzt geht's weiter. Und schoen am roten schneiden. Den muessen wir noch mal nachschneiden, ja? So.

Подожди, я тебе помогу. Смотри! Я вырежу это очень грубо.

Тогда у тебя не будет так много картона болтаться. ..

Так. Теперь можно дальше. Хорошенько по красному вырезай. Это мы еще должны дорезать, да? Так.

В примере 22 *ja?* завершает реплику, выражающую побуждение (в форме констатации совместной деятельности). С помощью элемента *ja?* взрослый, кажется, спрашивает у ребенка согласия на эту совместную деятельность (надо сказать, что один из основных принципов воспитания ребенка во многих немецких детских садах, в частности в том, где велась запись, – не заставлять ребенка ничего делать, давать ребенку возможность выражать свое мнение и заниматься тем, что ему нравится). На самом деле, как показывают наблюдения, отрицательный ответ ребенка в данной ситуации неуместен; позиция ребенка заранее определена взрослым.

(23) Воспитатель – группе (3 года)

{Все сидят в кругу, у одного из детей день рождения, воспитательница показала ему подарки}

П *Das darfst du mit nach Hause nehmen. Und weil der Janes heute Geburtstag hat .. dann wollen wir ihm doch mal .. ein schoenes Lied singen. Ja? Louisa auch, komm, dreh dich um.*

Это ты можешь взять с собой домой. И раз у Янеса сегодня день рождения, тогда мы хотим ему все-таки... спеть красивую песенку. Да? Луиза тоже, давай, повернись.

В примере 23 реплика воспитателя обращена к группе детей. Как показывают наблюдения, в ситуации общения с группой детей взрослый чаще пользуется языковыми средствами привлечения внимания и подтверждения контакта. Внимание группы труднее контролировать, чем внимание одного ребенка (с которым можно установить визуальный или физический контакт, тем самым облегчая задачу завладения его вниманием). *Ja?* здесь создает некоторую паузу в разговоре, которая дает взрослому возможность оглядеть группу и оценить степень внимания и понимания.

Заключение

Анализ материала показывает, что функционирование диалога взрослого с ребенком как деятельности, предполагающей совместность и участие слушающего, обеспечивается не так, как в диалоге

между двумя взрослыми. Общаясь с ребенком, взрослый специально позиционирует себя или ребенка в роли слушающего, используя для этого контакто-поддерживающие реплики. Причем проведенное на материале двух языков исследование показало, что как в русской, так и в немецкой речи контакто-поддерживающие реплики, позиционируя слушающего в диалоге, выполняют одни и те же дополнительные функции и реализуются с помощью одних и тех же языковых средств. Это позволяет говорить о том, что специальное позиционирование слушающего в диалоге с помощью контакто-поддерживающих элементов определенного вида – это коммуникативная стратегия, применение которой в речи взрослого обусловлено не выбором языка, а позицией взрослого в диалоге с ребенком и особенностями диалогового поведения ребенка.

Позиционируя в роли слушающего себя, взрослый маркирует с помощью контакто-поддерживающего элемента свое внимание к реплике ребенка и понимание ее (с этим связана дополнительная, лингво-дидактическая, функция контакто-поддерживающих реплик). Такие контакто-поддерживающие реплики по форме напоминают ответ-согласие и как бы подтверждают правильность построения реплики ребенка с точки зрения «взрослого» языка.

Использование контакто-поддерживающих элементов позволяет взрослому, позиционируя себя в роли слушающего, выиграть время и продумать дальнейший ход диалога (таким образом, контакто-поддерживающие реплики могут заполнять hesitantную паузу в диалоге). Такие контакто-поддерживающие реплики по форме напоминают переспрос.

Позиционируя ребенка в роли слушающего, взрослый использует контакто-поддерживающие элементы для того, чтобы, с одной стороны, привлечь (удержать) внимание ребенка, помочь ему осознать себя в роли адресата сообщения, а с другой стороны, проконтролировать внимание ребенка и его «присутствие» в диалоге.

Интуитивно кажется, что использование контакто-поддерживающих реплик в описанных функциях не уникально для коммуникации взрослого с ребенком, а характерно также для других

видов комплиментарной коммуникации (например, для диалога учителя с учеником или для диалога с иностранцем)⁷, и может, таким образом, рассматриваться как элемент комплиментарной коммуникации вообще. Это, однако, требует отдельного рассмотрения, которое не входит в задачи данной статьи.

Литература

Вацлавик и др., 2000 – *Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. / Пер. с английского А. Суворовой. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во Эксмо-пресс. 2000.

Gleason, 1977 – *Gleason, J. B.* Talking to children: some notes on feedback // Talking to children. Eds.: C.A. Ferguson and C.Snow. Cambridge, London, New York, Melbourne, 1977. Стр. 199 – 218.

Jochens, 1979 – *Jochens, B.* «Fragen» im Mutter-Kind-Dialog: Zur Strategie der Gesprächsorganisation von Müttern // Kindliche Kommunikation. Theoretische Perspektiven, empirische Analysen, methodologische Grundlagen. Hrsg.: K.Martens. Frankfurt am Main, 1979.

Meng, Kruse, 1984 – *Meng K., Kruse, K.* Verständnissicherung: Allgemeine und ontogenetische Aspekte eines Typs von Sequenzen kommunikativer Handlungen. // Linguistische Studien, 118. Berlin, 1984. Стр. 1-65.

⁷ По [Вацлавик и др., 2000] комплиментарными взаимоотношениями называются взаимоотношения, предполагающие две позиции: «ведущую» и «ведомую», «высшую» и «подчиненную». Эти понятия ни в коем случае не приравниваются к «хорошему» или «плохому». «Взаимоотношения соединены тем, что непохожие поведения вызывают друг друга. Один партнер не навязывает комплиментарного взаимоотношения другому, скорее каждый ведет себя так, как предполагает, и в то же... время подразумевает поведение другого» [Вацлавик и др., 2000, 66-67].

Н. М. Михайлюк

Newport et. al., 1977 – *Newport, E., Gleitman, H., Gleitman, L.* Mother, I'd rather do it myself: some effects and non-effects of maternal speech style // *Talking to children*. Eds.: C.A. Ferguson and C.Snow. Cambridge, London, New York, Melbourne, 1997. Стр. 109 – 150.

Рароилъек, 1994 – *Рароилъек, М.* Vom ersten Schrei zum ersten Wort: Anfänge der Sprachentwicklung in der vorsprachlichen Kommunikation. Bern, 1994.

Snow, Ferguson, 1977 – *Talking to children*. Eds.: C.A. Ferguson and C.Snow. Cambridge, London, New York, Melbourne, 1997.

К. Такахаси

**К поэтике сталинизма 1930-х годов:
опыт дискурсивного анализа одной речи Сталина***

Введение: постановка проблемы

Настоящая работа посвящена вопросу о языке сталинизма 1930-х годов. До этого существовало немало работ, изучающих различные стороны языка сталинизма и языка советской эпохи вообще, часто называемого «тоталитарным языком», «советским языком», «советским новоязом» и т. п. Согласно этим работам, «советский язык» представляет собой языковой универсум, характеризующийся как телеологический, в котором оценочная система окончательно определена и никогда не колеблется. О советском языковом универсуме можно заметить следующее.

Конечной целью является достижение коммунизма. Это абсолютное добро, которого обязательно надо достичь. Но эта цель далека, поэтому в действительности ставятся разнообразные и более конкретные очередные задачи. Это выражается в том, что в советском языковом универсуме часто появляются мотивы решения задач, а точнее, мотивы «обрядов посвящения» (инициации): преодоления трудностей для решения поставленной задачи. При этом, поскольку конеч-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Grant-in-Aid for Scientific Research of JSPS – проект № 13-05641: «Риторический анализ языка сталинизма».

ная цель является абсолютным добром, то и сам герой и его поступки также характеризуются как абсолютное добро, а все, что мешает герою, – как зло, враг. Поэтому, порожденные в советском языковом универсуме тексты часто прославляют достоинства героя и, наоборот, принижают образ врага, т. е. основываются на противопоставлении «мы / они». Следует также отметить, что в подобных текстах часто упоминается борьба героя с врагом.

В настоящей работе анализируется речь Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года. С исторической точки зрения эта речь важна тем, что в ней отчетливо сформулирована и поставлена перед народом новая задача: задача подготовки кадров, и тем, что она послужила речевым прецедентом для создания дальнейших подобных текстов. Однако целью нашей работы является не выведение вышеизложенного мотива из речи Сталина, а изучение того, каким образом в конкретном историческом пространстве подобный мотив воплощается в речи, а также какое при этом порождается дискурсивное пространство. Поэтому сначала мы опишем структуру речи, а потом попытаемся рассмотреть ее текст с учетом речевой ситуации, а также социального и идейного контекста.

В истории Советского Союза период от XVII съезда партии января-февраля 1934 года до XVIII съезда марта 1939 года называется периодом решающей победы социализма, периодом прочного установления советского строя. К этому времени уже были достигнуты некоторые успехи в проведении коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны, и Сталин стал часто говорить о необходимости подготовки кадров¹, что в анализируемой нами речи

¹ См., например, выступление Сталина перед металлургами 26 декабря 1934 года: «И поскольку мы уже научились ценить технику, пора заявить прямо, что главное теперь – в людях, овладевших техникой» [Сталин 1997, с. 49]. Однако из этого нельзя вывести заключение, что 20-м годам присуща одержимость «техникой», а 30-м – ориентация на «живое», «человека», которое дано, например, в [Паперный 1996, с. 160-161], поскольку тема о необходимости подготовки кадров начала появляться в сталинских выступлениях задолго до

было четко сформулировано в форме лозунга «Кадры решают все». Итак, рассмотрим, как эта тема разворачивается в тексте, какие функции играет в дискурсивной системе советского общества этого периода сама речь, и т. д.

1. Основной сюжет речи

1.1 Речь как соцреалистический текст

Данная речь строится по следующей схеме: начинается с «обращения», а заканчивается «тостом». Основной темой речи является переход от старой задачи, сформулированной в лозунге «техника решает все», к новой – «кадры решают все»; таким образом, речь делится на две части: старая задача и новая.

Как уже было сказано, мотивы решения задач глубоко проникли во всю советскую речевую культуру. Американский русист Катерина Кларк (Katerina Clark) в своей книге о литературных произведениях социалистического реализма «Советский роман» отмечает, что общим моментом для большинства произведений советской эпохи является следующий сюжет: герой отправляется в путь с целью «достижения сознательности», преодолевает различные испытания, и, в конце концов, часто при помощи старшего, более сознательного наставника, достигает цели. Иными словами, многие тексты строятся по мотивам «обрядов посвящения» [Clark 1985, p. 147-151], что вполне понятно, если учесть характер социалистического реализма. В «Уставе Союза советских писателей СССР», например, ему дано следующее определение:

этого. Например, еще 13 апреля 1926 года Сталин говорил так: «Никакая задача, а особенно такая большая задача, как индустриализация нашей страны, не может быть проведена без живых людей, без новых людей, без кадров новых строителей. <...> Задача состоит в том, чтобы создать такие кадры и выдвинуть на первый план, оказывая им всемерную поддержку» [Сталин 1953, с. 138-139]. Для нас важно то, что в речи 4 мая 1935 года Сталин определяет предыдущий период как период «голода в области техники», а нынешний – как период «голода в области людей», переосмысляя тем самым цели и задачи этих двух периодов.

Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма. [Луппол и др. 1990, с. 712]

Из этого определения следует, что произведения социалистического реализма должны носить образовательный и наставительный характер.

Поскольку речь Сталина обращена к молодежи и требует от нее решения новой задачи, то вполне естественно, что сюжет речи совпадает с типичным сюжетом произведений социалистического реализма. Рассмотрим вкратце один из самых распространенных сюжетов.

По К. Кларк, соцреалистические романы делятся по тематике на шесть типов, незначительно отличающихся друг от друга, каждый из которых включает в себя, по крайней мере, мотивы пути с целью достижения сознательности и решения задач. Наиболее типичным романом сталинизма является «производственный роман» (о выполнении плана или составлении проекта) [Clark 1985, p. 255-256]. Рассмотрим «основной сюжет» (master plot) производственного романа, предлагаемый Кларк в вышеуказанной работе. Он состоит из следующих шести функций:

1) Пролог или «Разделение»

Герой приходит в микрокосм (напр. завод, колхоз, МТС, и т. д.).

2) Постановка задачи

- а) Герой видит, что в данном микрокосме все плохо
- б) Герой вырабатывает план для улучшения ситуации, но окружающие от него отказываются
- в) Герой находит сторонников.

3) Развитие событий (испытания и т. д.)

- а) План героя приводится в исполнение
- б) Ряд затруднений мешает герою. (Два типа затруднений²: прозаические и драматические (героические)). У героя возникает проблема в любовной жизни и/или с контролем над своими эмоциями. Герой отправляется в путь на поиски помощи более авторитетного человека.

4) Кульминация (выполнение задачи под угрозой)

- а) Из-за возникновения драматического затруднения задача героя кажется невыполнимой
- б) В результате затруднения погибает человек
- в) Герой неуверен в своих силах.

5) Посвящение (инициация)

При помощи наставника герой продолжает выполнять задачу.

6) Финал (или празднование посвящения)

- а) Задача выполнена
- б) Празднуется выполнение задачи
- в) Решается проблема в любовной жизни и/или с контролем над эмоциями
- г) Герой преодолевает свой эгоизм
- д) Хоронят человека, погибшего в сцене «Кульминация».³

Как отмечает сама Кларк, эта схема не так детально разработана, как в «Морфологии сказки» В.Я. Проппа. Но, тем не менее, в данную схему укладывается большинство текстов на «советском языке», включая и тексты нехудожественной литературы. Анализируемая нами речь Сталина не совпадает с этой схемой только в двух пунктах: во-первых,

² *Прозаические затруднения* – затруднения, связанные с коррумпированностью чиновников, равнодушием к работе окружающих и т. п.; *драматические затруднения* – затруднения, связанные со стихийными бедствиями, нападениями врагов и т. п. [Clark 1985, p. 258].

³ Данная схема приводится в сокращении. См.: [Clark 1985, p. 256-260].

в речи отсутствуют такие вторичные темы, как любовный сюжет; и, во-вторых, в ней не обязательно ясно выражается обычно присутствующая в романах двойная цель: выполнение официально поставленной задачи и преодоление своего эгоизма, после чего герой становится полноправным членом общества [Clark 1985, p. 162]. В остальном, содержание анализируемой речи вполне укладывается в данную схему.

1.2. Сюжет о старом лозунге: «Техника решает все»

Сначала рассмотрим часть речи, посвященную старой задаче (в дальнейшем именуемой «Задача 1»), и сформулированную в лозунге «техника решает все».

1) Пролог

Нынешнее положение «героя»: *«...мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну»⁴.*

2) Постановка задачи

- а) Постановка трудной задачи: *«Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства. Задача, как видите, серьезная и трудная».*
- б) Вопрос о выполнении задачи: *«Вопрос стоял так: ЛИБО мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, ЛИБО мы ее не разрешим, и тогда наша страна – слабая технически и темная в культурном отношении – растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав».*

3) Развитие событий (испытания и т. д.)

- а) Герой начинает решать задачу: *«Надо было создать первоклассную индустрию. Надо было направить эту индустрию на то,*

⁴ Цитаты приводятся по первой странице «Правды» от 6 мая 1935 года.

чтобы она была способна реорганизовать технически не только промышленность, но и сельское хозяйство, но и наш железнодорожный транспорт».

б) Возникают трудности с выполнением задачи.

i) Трудность самой задачи: *«Понятно, что в таком большом и трудном деле нельзя было ждать сплошных и быстрых успехов. В таком деле успехи могут обозначиться лишь спустя несколько лет».*

ii) Непонимание и критика со стороны некоторых людей: *«Среди наших товарищей нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к отступлению. <...> были у нас товарищи, которые испугались трудностей и стали звать партию к отступлению».*

4) Кульминация (выполнение задачи под угрозой)

Из-за драматических затруднений задача кажется невыполнимой: *«Но эти товарищи не всегда ограничивались критикой и пассивным сопротивлением. Они угрожали нам поднятием восстания в партии против Центрального Комитета. Более того: они угрожали кое-кому из нас пулями».*

5) Посвящение (инициация)

При помощи «наставника» герой приобретает силы для выполнения задачи: *«Они забыли, что нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. <...> Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия».*

6) Финал

а) Задача разрешается: *«Да, товарищи, мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации нашей страны. И теперь этот путь можно считать уже пройденным».*

- б) Признается разрешение задачи: *«Теперь уже все признают, что мы добились на этом пути громадных успехов. Теперь все признают, что мы имеем уже мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающийся и идущий в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красную Армию».*

1.3. Сюжет о новом лозунге: «Кадры решают все»

Теперь рассмотрим часть, посвященную новой задаче (в дальнейшем именуемой «Задача 2»), и сформулированную в лозунге «кадры решают все». Сюжет этой части также можно описать с помощью той же самой схемы.

1) Пролог

Герой вступает в новый период: *«Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед».*

2) Постановка задачи

«Старый лозунг “техника решает все”, являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом о том, что “кадры решают все”. В этом теперь главное».

3) Развитие событий (испытания и т. д.)

Несознательность товарищей: *«Можно ли сказать, что наши люди поняли и осознали полностью великое значение этого нового лозунга? Я бы этого не сказал. В противном случае мы бы не имели того безобразного отношения к людям, к кадрам, к работникам, которое наблюдаем нередко в нашей практике. <...> Этим, собственно, и объясняется, что вместо того,*

чтобы изучать людей и только после изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми как пешками.

4) Кульминация (выполнение задачи под угрозой)

Непонимание товарищей: Из воспоминаний Сталина об одном случае в Сибири, где он находился в ссылке: (на упрек Сталина в отношении товарищей, которые скотину жалеют больше, чем людей) *«один из них ответил при общем одобрении остальных: “Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу”».*

Сразу же оговоримся, что это не совсем укладывается в кларковскую схему, так как здесь роль «героя» играет только Сталин, а не «мы», и к тому же этот случай относится к прошлому, а не происходит в настоящем (подробнее см. следующий параграф).

5) Посвящение (инициация)

При помощи «наставника» герой продолжает выполнять задачу.

В рассматриваемой речи эта функция может показаться пропущенной. Однако по контексту речи понятно, что роль «наставника» может играть как Ленин, так и сам Сталин, который осознавал значение новой задачи еще во время ссылки в Сибири (подробнее см. следующий параграф).

6) Финал

Пожелание успешного выполнения задачи: *«Помните, товарищи, что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот – идут навстречу трудностям для того чтобы преодолеть и ликвидировать их».*

Заметим, что в этой сцене «Задача 2» разделяется на две подзадачи: всеобщая задача подготовки кадров и задача каждого человека войти в состав хороших кадров. В дальнейшем первую подзадачу мы будем называть «Задача 2-1», а вторую – «Задача 2-2». Следует отметить, что «Задача 2-2» тоже, хотя в очень сжатом виде, включает в

себя те же элементы, что и «Задача 2-1»: «Развитие событий (испытания)» и «Инициация» и т.д. (напр., *«Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей»*).

Такова основная структура рассматриваемой речи Сталина, из которой видно, что речь вождя можно, с некоторыми оговорками, уложить в сюжетную схему соцреалистического романа. Точнее будет сказать, что не Сталин строил свою речь по образцу соцреалистического романа, а скорее советские писатели создавали произведения на основе структуры сталинских речей и других официальных текстов⁵. То есть данная речь Сталина послужила одним из речевых прецедентов для написания дальнейших подобных текстов.

Задача данной статьи, однако, заключается не (только) в том, чтобы показать сходство сталинской речи и соцреалистического романа, а в том, чтобы, исходя из анализа структуры текста, выявить скрытую в данной речи идеологическую систему. Для этого теперь перейдем к рассмотрению форм повествования в речи Сталина.

2. Формы повествования в речи

В предыдущем параграфе мы описывали макроструктуру текста, отвлекаясь от форм повествования в нем (напр., лицо, время, модальность и т. д.). Теперь же рассмотрим конкретную речевую ситуацию, в которой он был порожден, в частности, ее участников, т. е. коснемся вопроса о том, кто кому и что говорит.

2.1. Борьба за «мы», или поэтика чистки партии

Как было сказано выше, жанр текста определяется как торжественная речь. В жанре торжественной речи подразумевается наличие

⁵ Об этом Кларк пишет так: «После (по крайней мере) 1932 года сталинист-писатель больше не был творцом оригинальных текстов; он стал рассказчиком рассказов, уже заранее оформившихся в системе партийных знаний. Следовательно, его функция скорее напоминает функцию летописца средневековья» [Clark 1985, p. 159].

оратора и большого количества слушателей. При этом речь оратора может быть произнесена от первого лица («я»), с использованием безличных конструкций или инклюзивного «мы». В данном случае оратор произносит текст в основном от лица инклюзивного «мы», которое может раздваиваться на «вы» и «я» (напр., *«Но не об этом я хотел бы говорить сегодня», «Вы знаете, что мы получили ...»*). Отношения между «я» и «вы», как и вполне ожидается при данной речевой ситуации, напоминают отношения между учителем и его молодыми учениками. Способность к раздвоению «мы» говорит о некоторой кажущейся нестабильности связей внутри него, что, однако, не мешает «вы» и «я» объединяться в одно целое при упоминании в речи В. И. Ленина, что, например, видно в высказывании *«так учил нас Ленин, и мы шли в этом деле по стопам Ленина»*.

Теперь поясним, кто такие «мы». Лишь в одном месте текста этому дано четкое определение: *«мы, большевики, – люди особого покроя»*, которое, начиная с 1924 года, неоднократно встречается, иногда в несколько измененном варианте, в речах Сталина⁶. В рассматриваемой же нами речи к нему добавляется фраза: *«нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец...»*. То есть Ленин и «мы» составляют группу, которая понимается по модели «учитель – ученики», «отец – дети», и из которой может выделяться Сталин, провозглашающий и объясняющий задачи остальным.

Таким образом, мы видим, что инклюзивное «мы» представляет собой крайне стабильную и практически неделимую субстанцию (в приведенных выше примерах раздвоение «мы» на «вы» и «я» связано с необходимостью отделения оратора от слушателей и поэтому является естественным противопоставлением, не противоречащим неделимости инклюзивного «мы»).

Однако в рассматриваемом тексте имеется два места, в которых «мы» становится нестабильным. Прежде всего, это сцена «Развитие

⁶ Например, в речи на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года Сталин говорит так: *«Мы, коммунисты, – люди особого склада. Мы скроены из особого материала»* [Сталин 1954, с. 46].

событий» в части о «Задаче 1», в которой говорится о борьбе с внутривластным врагом.

Вы знаете, что мы вели это дело таким именно образом. Но не у всех наших товарищей хватило нервов, терпения и выдержки. Среди наших товарищей нашлись люди, которые после первых же затруднений стали звать к отступлению. <...> Так вот, были у нас товарищи, которые испугались трудностей и стали звать партию к отступлению. Они говорили: «Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили?<...> Создание индустрии при нашей отсталости, да еще первоклассной индустрии – опасная мечта» (выделено нами – К.Т.).

«Вы» и «мы» в первом предложении употребляются как обычно. Но, начиная со второго предложения, «мы» начинает раздваиваться: из «мы» уходят «некоторые товарищи», которым присваивается местоимение «они». Дальше цитируются «их» слова: «Что нам ваша индустриализация...?» Поскольку местоимения «вы» и «мы» являются дейктическими (эгоцентрическими), которые содержат в значении отсылку к участникам данного акта речи или к речевой ситуации, вполне естественно, что в высказывании противника «мы» и «вы» меняются местами. Но кто такие «мы» и «вы» в «их» речи?

Понятно, что «вы» – это люди, выступающие за «индустриализацию и коллективизацию» и т. д.

Что касается «мы», то это определить несколько труднее. Рассмотрим последнюю фразу «Создание индустрии при нашей отсталости». Словоупотребление «наша отсталость» подразумевает под собой, что здесь «мы» – это большинство народа, а не только люди, которые выступают против индустриализации. То есть «враг» пытается включить большинство народа в сферу «мы», и с точки зрения «мы» хочет противопоставить себе малочисленную группу «вы».

Далее, как бы в ответ, Сталин продолжает: «Конечно, мы могли бы 3 миллиарда рублей валюты, добытых путем жесточайшей экономики и истраченных на создание нашей индустрии...», возвращая себе местоимение «мы». Кроме того, про «врага» он говорит также

следующим образом: *«Мы выбрали план наступления и пошли вперед по ленинскому пути, оттерев назад этих товарищей как людей, которые видели кое-как только у себя под носом, но закрывали глаза на ближайшее будущее нашей страны, на будущее социализма в нашей стране»*. Здесь важно, что во фразе *«наша страна»* сфера «мы» совпадает со сферой «страны», и тем самым слово «мы» полностью «возвращается» к сталинской группе.

Таким образом, мы видим, что нарушение стабильности связей внутри инклюзивного «мы» в этой части текста связано с тем, что здесь происходит языковая борьба за местоимение «мы», к которому обе стороны пытаются отнести как можно большее количество народа.

Второй случай нестабильности «мы» в тексте относится к моменту, когда Сталин признается в чистке «врага» от имени «мы»:

Понятно, что мы и не думали сворачивать с ленинского пути. Более того, укрепившись на этом пути, мы еще стремительнее пошли вперед, сметая с дороги все и всякие препятствия. Правда, нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей. Но с этим уж ничего не поделаешь. Должен признаться, что я тоже приложил руку к этому делу.

В данном отрывке Сталин оправдывает «путь», который «мы» до этого прошли, причем в центре группы «мы» находится Ленин. Наиболее интересным в этом отрывке является высказывание Сталина *«я тоже приложил руку к этому делу»*, которое на первый взгляд кажется излишним, потому что «я» – это составляющая «мы», и, следовательно, тот факт, что Сталин *«приложил руку к этому делу»*, должен логически вытекать из предыдущего предложения *«нам пришлось при этом по пути помять бока кое-кому из этих товарищей»*. Однако именно при помощи этого отделения «я» от «мы», «мы» выступает на первый план в отношении дела чистки товарищей, и тем самым подчеркивается, что чистка произошла от имени «мы», а не от имени Сталина.

Таким образом, в данном отрывке неделимость «мы» намеренно нарушается с тем, чтобы несколько дистанцировать Сталина от тех, кто *«мял бока кое-кому из <...> товарищей»*.

2.2 Позиция Сталина в «мы», или поэтика культа личности

Мы уже говорили, что отношения «вы» и «я» настолько стабильные, что легко сливаются в «мы». Однако в Кульминации «Задачи 2» из «мы» на первый план выходит фигура оратора – «я»:

*Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». **На мой вопрос:** «Как же так, остался?» – они с тем же равнодушием ответили: «Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «надо бы пойти кобылу напоить». **На мой упрек,** что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу» (выделено нами – К. Т.).*

В начале появляется «я», и от лица «я» Сталин начинает рассказывать случай в Сибири. Затем «я» превращается в притяжательное местоименное прилагательное «мой»: «*на мой вопрос*», «*на мой упрек*», – и как бы становится над другими в роли учителя, наставника, упрекающего товарищей и встречающего их сопротивление. То есть здесь фигура оратора выделяется из «мы» и становится особым человеком, который еще до революции осознавал «Задачу 2».

Здесь вернемся к сюжету «Задачи 2», рассмотренному нами в п. 1.3., где в сцене Посвящение «Задачи 2» пропущена роль «наставника». В качестве «наставника» вполне можно рассматривать Ленина, так как уже в части о «Задаче 1» было сказано, что «*нас ковал великий Ленин*», и будет логично считать, что это высказывание действительно и в части о «Задаче 2». Но, как сказано выше, в роли «наставника» может выступать не только Ленин, но и Сталин. По Кларк, «наставник» – это обычно старший, более опытный, авторитетный товарищ [Clark 1985, p. 168-170]. Как мы только что видели, в сцене о случае в Сибири Сталин выделяется из «мы» и выступает в роли единственного челове-

ка, который осознал и объяснил важность «Задачи 2». Таким образом, Ленин все еще продолжает выполнять роль отца, учителя, наставника и т. д., но в то же время роль «наставника» в рассматриваемом тексте перенесена на Сталина. Итак, если заполнить пропущенную функцию в схеме «Задачи 2», то получится, что воплощается один из важнейших лозунгов этого времени: «Сталин – это Ленин сегодня».

3. Речь в политическом дискурсе

В предыдущих параграфах мы выявили структуру текста, рассмотрели формы повествования в тексте, принимая во внимание речевую ситуацию. Теперь перейдем к рассмотрению текста в общественном, политическом и идейном контексте.

3.1 Социализм в одной стране и оборона социализма

Как было сказано выше, рассматриваемая речь Сталина не является обычной торжественной речью, обращенной к выпускникам: в большей степени она рассчитана на оправдание партийных «чисток». То есть в этом тексте отражен прежний политический дискурс по внутрипартийной борьбе середины 20-х – начала 30-х годов. Рассмотрим, как именно это отражается в речи.

В п. 2.1. мы видели борьбу с внутрипартийными противниками, выражающуюся в языковой борьбе за «мы». Однако описание противостояния с внутрипартийным врагом недостаточно сводить лишь к подобным языковым приемам, необходимо также учитывать различные позиции по поводу направления развития советского общества Сталина и его противников.

В сцене постановки «Задачи 1» Сталин говорит следующим образом:

Вопрос стоял так: ЛИБО мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, ЛИБО мы ее не разрешим, и тогда наша страна – слабая технически и темная в культурном отношении – растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав.

Обратим особое внимание на содержание «вопроса» с использованием излюбленной альтернативной конструкции Сталина («либо..., либо...»). Вполне закономерно, что «задача» либо будет разрешена, либо не будет разрешена вообще, так как иного варианта в принципе не существует. Однако не вполне естественным кажется знак равенства между «разрешением задачи» и «укреплением в нашей стране социализма», а также между «не разрешением задачи» и «потерей независимости и превращением в объект игры империалистических держав». Другими словами, если разрешение и не разрешение задачи – альтернатива вполне логичная, то во втором случае между «укреплением социализма» и «потерей независимости» присутствуют заметные логические неувязки. Именно в этом и состоит главная идея советской идеологии этого периода сталинской эпохи. Рассмотрим это более подробно.

Далее по тексту Сталин объясняет, почему «неуспех индустриализации» равняется «потере независимости»:

Конечно, мы могли бы 3 миллиарда рублей валюты, добытых путем жесточайшей экономии и истраченных на создание нашей индустрии, – мы могли бы их обратить на импорт сырья и усиление производства предметов широкого потребления. Это тоже своего рода «план». Но при таком «плане» мы не имели бы ни металлургии, ни машиностроения, ни тракторов и автомобилей, ни авиации и танков. Мы оказались бы безоружными перед внешними врагами. Мы подорвали бы основы социализма в нашей стране. Мы оказались бы в плену у буржуазии внутренней и внешней.

Мы видим, что два варианта разрешения задачи (разрешение и не разрешение) принадлежат соответственно группе «мы» и «врагам», которые покинули «мы». В этом отрывке текста четыре предложения подряд стоят в сослагательном наклонении. Их можно воспринять как последовательное высказывание, имеющее следующую логическую цепочку: «не иметь ни металлургии, ни машиностроения...» → «оказаться безоружными перед внешними врагами» → «подорвать основы социализма в нашей стране» → «оказаться в плену у буржуазии внутренней и внешней». Эта логическая цепочка подразумевает под со-

бой, что вокруг СССР существуют внешние враги и, следовательно, опасность интервенции, которую необходимо предотвратить. Если обратиться к политической ситуации того времени, то становится понятно, что это не что иное, как основы положения о победе социализма в одной стране, которого с 20-х годов Сталин придерживался в борьбе с внутрипартийными противниками. Фраза «*в нашей стране*», повторяющаяся в этом тексте, – например, в высказывании «укрепим в нашей стране социализм» – может показаться излишней, но на самом деле она прямо соответствует положению Сталина о победе социализма в одной («нашей») стране.

В сталинском положении о социализме в одной стране также подчеркивается необходимость обороны страны, что в рассматриваемом тексте выражается наличием военной лексики: например, «*Необходимо было поэтому вооружиться крепкими нервами*»; «*план отступления, который вел и не мог не вести к поражению социализма*» и «*план наступления, который вел и, как знаете, уже привел к победе социализма в нашей стране*» и т. д. Эти выражения следует воспринимать не в метафорическом, а в буквальном смысле.

Подобная альтернативная логика присутствует и в части о «Задаче 2»:

Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров – будем хромать на обе ноги (выделено нами – К. Т.).

Здесь, также как и в проанализированной выше «Задаче 1», вариантов исхода может быть только два: разрешение задачи (то, что будут хорошие и многочисленные кадры) и не разрешение задачи (то, что не будет таких кадров). Как и в первом случае, не очевидно, что эти два варианта исхода сводятся соответственно к «непобедимости» страны и к тому, чтобы «хромать на обе ноги». Объяснить замеченные здесь логические скачки, как в части о «Задаче 1», можно, только принимая во внимание сталинское положение о социализме в одной стране, выдвинутое им в спорах с оппонентами.

Таким образом, мы видим, что в этом тексте явно отражен контекст прежней политической борьбы. Как известно, со второй половины 1920-х годов Сталин, настаивая на тезисе о победе социализма в одной стране, вел борьбу с троцкистами, которые придерживались теории перманентной революции. К моменту речи 4 мая 1935 года Сталин уже уничтожил противников и установил диктатуру, но, тем не менее, ему все еще было необходимо постоянно напоминать о справедливости тезиса о победе социализма в одной стране, чтобы убедить советский народ в этой победе, показать ему блестящие перспективы социалистического общества и разбудить в нем стремление к производственной деятельности.

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемом тексте на знакомый сюжет о разрешении задачи накладывается альтернативная логика (два варианта решения), влекущая за собой многократное повторение тезиса о победе социализма в одной стране, чем порождается естественное течение логики в речи Сталина.

3.2. Речь как прецедентный текст

Теперь рассмотрим, как речь Сталина функционировала в дискурсивной системе того периода.

Спустя два дня после произнесения Сталиным речи в Кремлевском дворце, 6 мая 1935 года, она была напечатана на первых страницах газет страны, что говорит о ее направленности не только к выпускникам-академикам Красной Армии, но и ко всему советскому народу.

Обратимся к первой странице «Правды» от 6 мая 1935 года. Рядом с заглавием газеты крупным шрифтом напечатана наиболее значимая цитата из речи Сталина: «... *старый лозунг – “техника решает все”, являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, – должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что “кадры решают все”. В этом теперь главное*». То есть, переход от лозунга «техника решает все» к лозунгу «кадры решают все» формулируется как главная тема речи. Как было сказано выше, эта тема стала особенно важной еще с

декабря 1934 года, но только в речи 4 мая 1935 года она была сформулирована в форме лозунга.

Лозунги служат одним из лучших языковых средств для постановки задачи, так как «лозунги – как кратчайшие и обращенные к максимально широкой аудитории тексты – выражают предельно редуцированный и эзотерический вариант текущей идеологии» [Левин 1998, с. 552], следовательно, легко запоминаются и повторяются массами людей [Левин 1998; Такахаси 2002]. На той же странице «Правды» рядом с текстом речи Сталина напечатан комментарий к ней с заглавием «Кадры решают все». Таким образом, этот лозунг повторяется и укореняется.

Следует отметить, что в речи Сталина отсутствует упомянутая в начале данной работы одна из неотъемлемых черт советского языкового универсума – прославление достоинств героя на основе противопоставления «мы / они». Правда, в тексте речи присутствует самовосхваление, основанное на противопоставлении «мы» с врагом, препятствующим выполнению «задачи»: *«мы, большевики, – люди особого локроя»*, но не восхваляется герой, противопоставляемый капиталистическому окружению.

Вышеупомянутая статья-комментарий «Кадры решают все» не только объясняет речь Сталина, но и развертывает ее в явном противопоставлении «СССР / капиталистические страны». С помощью сопоставительных конструкций, таких как *«Развитие капитализма шло против людей, развитие социализма идет для людей. Капитализм жесток, социализм гуманитарен в настоящем смысле этого слова»*, подчеркивается, что данную задачу («Задачу 2») выполняет только СССР. Это значит, что статья-комментарий дополняет речь Сталина одной из главных тем советского языкового универсума, а именно, схемой «мы (СССР) / они (капиталистические страны)». Итак, получается полная картина риторики сталинизма по поводу текущей задачи: в рамках мотива «решения задачи» развертывается повествование о «мы / они», о борьбе героя с врагом.

Теперь рассмотрим, как на речь Сталина, дополненную комментариями, сознательно и бессознательно ссылаются, по-разному ее переосмысливая, в других текстах этого периода.

Как известно, в советском обществе дискурсы были расположены иерархически. Речь вождя имела ценность только потому, что она принадлежала вождю, независимо от ее содержания. Поэтому анализируемая нами речь Сталина тоже неизбежно приобрела ценность в советской речевой деятельности. Возьмем для примера два текста.

Первый текст – одна из многочисленных газетных статей о «летных подвигах» советских летчиков в 30-е годы. Летом 1936 года Чкалов, Байдуков и Беляков на «АНТ-25» совершили беспосадочный перелет от Москвы до Амура через Северный Ледовитый океан и Камчатку и прилетели обратно в Москву 10 августа того же года. Вокруг этого «подвига» была поднята газетная «шумиха», появилось много статей, которые, как увидим ниже, можно рассматривать как «отклики» на сталинскую речь. Проанализируем последнюю часть одной из статей под заглавием *«Победа наших героев есть победа советской страны»*, напечатанной на первой странице «Правды» от 11 августа 1936 года:

В капиталистических государствах правящие классы, дрожа за свою власть, не доверяют массам искусство полета. Мастерство – удел немногих. Оплачиваемые деньгами рекорды возбуждают спортивные страсти, – они бессильны родить подъем в массах. Не ощущая прочной почвы под ногами, трудящиеся не проявляют интереса и к воздуху.

В стране победившего социализма прочна почва любимой родины под всеми трудящимися и легок над ними воздух. Чкалова горячо приветствует вся Советская страна, чтобы повторить его в тысячах, в десятках тысяч новых Чкаловых. В массовости – сила Советского Союза. То, что сделали Чкалов и его товарищи, доступно многим.

Преодолев под непосредственным руководством товарища Сталина беспримерные затруднения в полете, Чкалов, Байдуков и Беляков проложили новый путь, открыли новые возможности, обогатили аэронавигационный опыт страны. Они выиграли сражение в борьбе с силами природы и показали всему миру нового советского человека – бесстрашного героя и хладнокровного мастера. За ними пойдут другие, такие же. Мощь Советской страны вы-

росла. В этом – ее победа.

Основная тема статьи состоит в том, чтобы воспеть превосходство СССР над капиталистическими государствами, основываясь на противопоставлении «мы / они». В статье также отмечаются важные для этого периода темы, такие как «борьба со стихией», «любовь к родине», но мы здесь ограничимся рассмотрением вопросов, непосредственно связанных с речью Сталина.

Итак, для доказательства превосходства СССР в этом тексте основными аргументами служит следующее: во-первых, оценивается положение простого рабочего человека в СССР, т.е. решается «Задача 2-1» – подчеркивается, что в СССР каждого героя высоко оценивает и тепло встречает все общество, а в капиталистических государствах в основе человеческих отношений лежат деньги, и правящие классы и граждане проявляют друг к другу недоверие; во-вторых, в советском обществе есть «массовость» – говорится, что в СССР каждый может стать героем, а в капиталистическом мире – нет. Это повторяется и в речи Чкалова, напечатанной на той же странице «Правды»: *«Мне здесь хочется сказать, товарищ Сталин, что нас не три человека, а нас тысячи человек, которые также могут выполнить любой ваш маршрут, товарищ Сталин. (Крики «ура!»)*» – то есть решается «Задача 2-2».

Таким образом, получается, что такие тексты выполняют функции «ответов» на требование Сталиным выполнения «Задачи 2». Кроме того, следует обратить внимание на то, что между разрешением задачи (т. е. тем, что *«за героями пойдут другие, такие же»*) и «победой» СССР поставлен знак равенства. Это возможно, исходя из той же самой логики, что и в сталинской речи, где, как мы видели в п. 2.2, разрешение задачи приравнивается к непобедимости страны.

Второй текст – одна из самых популярных песен этого периода, «Песня о Родине» (слова В.И.Лебедева-Кумача, музыка И.О.Дунаевского), написанная в 1936 году, главной темой которой является подъем национализма и оборона страны. Рассмотрим следующие строки песни:

*Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет.*

<...>

*Наше слово гордое – товарищ –
Нам дороже всех красивых слов.*

*С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.*

В первой строке подчеркивается, что каждый может стать героем, т. е. разрешается «Задача 2-2», а в последующих, – что человека уважают, ценят, т. е. разрешается «Задача 2-1». К тому же, здесь подразумевается схема противопоставления «мы / они», что выражается предложениями «у нас», «для нас», имея в виду, что «у них», «для них» другая ситуация⁷.

Особенно хочется подчеркнуть, что не столь важно, когда, после или до сталинской речи начали появляться подобные тексты, сознательно ли в качестве откликов на сталинскую речь или нет авторы их писали. Важно то, что после провозглашения 4 мая 1935 года в Кремлевском дворце Сталиным новой задачи она через средства массовой информации была доведена до сведения всего народа, – и тем самым изменила дискурсивное пространство советского общества, в котором вышеприведенные в данном пункте тексты не могли не выполнять функции откликов на сталинскую речь. Можно даже сказать, что широко известные слова из песни «Марш веселых ребят», написанной до сталинской речи, в 1934 году⁸: «*Когда страна быть прикажет героем, У нас героем становится любой!*», после сталинской речи начали звучать как отклики на нее, т. е. начали пониматься как разрешение «Задачи 2».

Кроме вышеприведенных текстов, после сталинской речи, особенно с лета 1935 года с началом стахановского движения, появи-

⁷ В припеве об этом говорится прямо: «*Я другой такой страны не знаю, Где так вольно дышит человек*».

⁸ Эта песня, созданная для первого советского музыкального комедийного фильма «Веселые ребята», явилась также одной из самых популярных песен этого времени. Была написана теми же поэтом и композитором, что и «Песня о Родине».

лось много текстов о «героях» в различных сферах жизни. Большинство таких текстов имело практически одинаковую структуру, по которой Сталин и весь советский народ положительно оценивали поступки героев, и за героями были готовы последовать многие другие.

Итак, речь Сталина не только является речевым прецедентом в том смысле, что он «закрепляется в качестве “хорошего” языкового явления и в дальнейшем репродуцируется» [Кронгауз 1994, с. 239]. Она также способствует введению в речевое пространство в качестве откликов на себя других текстов, рамки которого она поставила, – таким образом, завершается сюжет о решении очередной «задачи» в масштабе государственного дискурсивного пространства.

Заключение

В заключение резюмируем изложенное в предыдущих параграфах. Прежде всего, мы показали, что рассматриваемую речь Сталина вполне можно уложить в сюжетную схему, характерную для соцреалистических романов об «обряде посвящения». На основе этого описания структуры текста мы обратили внимание на употребление местоимений «мы» и «я» и обнаружили языковые приемы для оправдания партийной «чистки» и «культы личности». Затем, рассматривая текст в общественном, политическом и идейном контексте, мы показали, во-первых, что в высказываниях Сталина, имеющих альтернативную логику, скрыт контекст прежней политической борьбы, а именно внутрипартийной борьбы середины 20-х – начала 30-х годов, и, во-вторых, что дальнейшие тексты послужили «откликами» на данную речь и завершили сюжет о решении очередной «задачи» в масштабе государственного дискурсивного пространства.

Таким образом, в настоящей работе мы с помощью разных методов и понятий дискурсивного анализа рассмотрели текст Сталина с разных точек зрения: структурной, нарратологической (формы повествования) и интертекстуальной. Мы отдаем себе отчет в том, что данная работа является лишь началом понимания «поэтики сталинизма», но надеемся, что нам удалось хотя бы продемонстрировать применение дискурсивного анализа исторического материала.

Литература

Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина / Под ред. В.И.Беликова, Е.В.Муравенко, Н.В.Перцова. М., 1994.

Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.

Луппол И.К., Розенталь М.М., Третьяков С.М. (ред.) Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет / Ред. И.К. Луппол, М.М. Розенталь, С.М. Третьяков. М., 1990.

Паперный В. Культура Два. М., 1996.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов. М., 1998.

Сталин И.В. Сочинение. Том 14. М., 1997.

Сталин И.В. Сочинения. Том 8. М., 1953.

Сталин И.В. Сочинения. Том 6. М., 1954.

Такахаси К. Собиэто суроган но сигаку (Поэтика советских лозунгов) // European Studies. 2002. № 1.

Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago & London, 1985 [1981]).

ОПИСАНИЕ ЭТИКЕТА В ЯЗЫКЕ

И. М. Кобозева

Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н. В. Гоголя

Текст «Мертвых душ» уже неоднократно использовался лингвистами, работающими в области лингвистической прагматики, теории речевого воздействия и шире – теории коммуникации как источник наблюдений и выводов об обусловленности содержания и формы коммуникативных актов теми или иными компонентами коммуникативной ситуации. Так, например, в [Кобозева 1990] на материале диалогов Чичикова с помещиками демонстрировалась возможность реконструкции по диалогическому тексту постоянных и переменных параметров внутреннего мира коммуникантов; в [Баранов 2000] на том же материале обсуждалась специфика аргументации в ходе торга; С. Е. Тихонов [Тихонов 1998] на материале первой главы поэмы выдвинул тезис, что Н. В. Гоголь на 100 лет раньше Дейла Карнеги преподнес широкой публике свод правил бесконфликтного общения.

Мы постараемся показать, что диалоги поэмы и сопровождающие их авторские комментарии отражают лежащую в их основе концепцию речевого этикета, включающую в себя все те правила, которые в лингвистике были эксплицитно сформулированы только в 70-90 гг. XX в. Го-

голь как будто задался целью проиллюстрировать будущие прагматические теории вежливости¹.

Прежде всего, отметим, что в целом понятийная область этикетного поведения представлена в содержании поэмы весьма внушительно. В тексте «Мертвых душ» неоднократно упоминаются и описываются этикетные действия: визиты, приветствия, поклоны, прощания, представления, соболезнования, уступание дороги, комплименты и др. Гоголь на протяжении всей поэмы регулярно отмечает особенности этикетного поведения персонажей. Ср. характеристики Ноздрева, Манилова и Собакевича при первом же их упоминании:

(1) *Там ... он познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трех-четырёх слов начал говорить «ты»...*

(2) *Тут же познакомился он с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши «Прошу прощения».*

Отмечается также и отношение персонажей к вопросам этикета, ср.:

(3) *Чичиков оскорбился таким замечанием. Уже всякое выражение, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему неприятно. Он даже не любил допускать с собой ни в каком случае фамильярного обращения, разве только если особа была слишком высокого звания.*

Персонажи и их действия часто оцениваются в терминах соответствия нормам этикетного поведения, причем используется богатый арсенал соответствующих атрибутов – *вежливый, любезный, обходительный, учтивый, фамильярный* и т. п.

¹ Разумеется, целью писателя было не утверждение определенных этикетных норм, а, скорее, демонстрация того, какой эффект может иметь следование этим нормам для лица, добивающегося предосудительных целей, и для тех, кто вольно или невольно ему в этом содействует. «Этикетность» в поэме нередко приобретает гротескные формы и окрашивается авторской иронией.

Есть в поэме и целые авторские отступления, прямо посвященные теме речевого этикета. Приведу одно из них:

(4) Надобно сказать, что у нас на Руси если не узнались еще кой в чем другом за иностранцами, то далеко перегнули их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торговцем, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, – словом, хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки.

Особенно часто обращается внимание на этикетное поведение главного героя, который по этому параметру неоднократно получает высокие оценки, либо прямо от автора как в (5):

- (5) а ...он очень искусно умел польстить каждому.
б ...умел хорошо держать себя.

либо от лица персонажей, как в (6):

(6) Губернатор о нем изъяснился, что он благонамеренный человек ... полицеймейстер – что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера – что он любезнейший и обходительнейший человек. Даже сам Собакевич ... сказал ...: «Я ...познакомился ... с Чичиковым: преприятный человек!»

Учитывая ту роль, которую играет этикетное поведение Чичикова и его партнеров по общению в общей структуре событий, мы можем проанализировать его, и выявить ту концепцию этикета и его роли в социальном взаимодействии, которую Гоголь преподнес нам в имплицитной форме.

Какие же положения включает в себя эта концепция?

1. Соблюдение правил этикета есть необходимое условие манипулятивного воздействия на адресата

Цель, с которой Чичиков вступает в общение с помещиками, является предосудительной, этически и юридически не безупречной. Прямое речевое воздействие на адресата с целью побудить его содействовать осуществлению такой цели с большой вероятностью приведет к неудаче. Поэтому избирается манипулятивный способ воздействия, когда подлинная цель скрывается и заменяется той или иной псевдоцелью, достижение которой предполагает приобретение мертвых душ, что зависит, в конечном счете, от воли их владельцев участвовать в сделке. В такой ситуации соблюдение инициатором сделки этикетных норм, настаивая адресата в его пользу, становится фактором, повышающим вероятность положительного результата, тогда как любое отклонение от этикетных норм может привести к прерыванию контакта и вследствие этого заблокировать какое бы то ни было воздействие на адресата. Понимая эту простую истину, Чичиков во всех своих контактах с людьми, от которых зависит достижение его цели, старается соблюдать этикет². Разумеется, все эти люди – чиновники или помещики, то есть лица, принадлежащие, как и он сам, к привилегированным сословиям. По отношению к тем, чей социальный статус ниже, Чичиков правил вежливости не соблюдает, см., например, его реплики, обращенные к кучеру Селифану, в которых нередко встречается грубая брань, инвективы и угрозы:

- (7) а. *Ты, брат, **черт тебя знает**, потеешь, что ли.*
- б. *Что, **мошенник**, по какой дороге ты едешь?*
- в. ***Вот я тебя высеку**, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком.*
- г. *Молчи, **дурак**.*

О том, что такой «двойной стандарт» был в ходу у представителей высших слоев российского общества того времени, свидетельствует хотя бы следующий обмен репликами между Ноздревым и капитаном-исправником в конце четвертой главы:

² И ему это удается, за исключением тех редких случаев, когда он по тем или иным причинам теряет контроль над своими эмоциями.

(8) Н.: **Вы врете!** я в глаза не видел помещика Максимова!

К.: Милостивый государь! позвольте вам доложить, что я офицер. **Вы можете это сказать вашему слуге, а не мне!**

Отступления от этого «двойного стандарта» маркированы. Так, особо отмечается вежливость общения Манилова с кучером Чичикова:

(9) Тут Манилов **с такую же любезностью** рассказал дело кучеру и **сказал ему даже один раз «вы»**.

Причина этой «нестандартной» для России того периода вежливости господина по отношению к простолюдину, видимо, иная, чем у западного «этикетного равенства» миллионера и мелкого торговца, упоминаемого в авторском отступлении (6). Дело тут не в том, что собеседник-слуга приравнивается по статусу к собеседнику-помещику, а в том, что сфера действия требований этикета распространена с лица, в отношении которого они должны соблюдаться (Чичикова), на любого, кто, по мнению говорящего, входит в личную сферу этого лица (о понятии личной сферы см. [Апресян 1995, 644-647]).

2. Речевой этикет не един, он представлен в разных вариантах

В прагмалингвистической теории вежливости П. Брауна и С. К. Левинсона [Brown, Levinson 1987] противопоставляются негативная и позитивная вежливость. Негативная вежливость направлена на соблюдение должной дистанции между говорящим и собеседником, на охрану своего рода «неприкосновенности» личности. Позитивная вежливость, напротив, ведет к сокращению дистанции между коммуникантами, к преодолению отчужденности³. В конкретных ситуациях коммуникативного взаимодействия говорящий, стремящийся

³ В [Bepacchio 2002, с. 160 и сноска 21] для негативной вежливости приведены следующие терминологические варианты: «формальная», «дистанцированная», а для позитивной – «солидарная» и со ссылкой на [Земская 1994, с. 131] отмечается, что терминология, относящаяся к категории вежливости в русском языке, еще не достаточно разработана.

быть вежливым, балансирует между этими двумя противоположно направленными тенденциями этикетного поведения, выбирая оптимальную для данного случая дистанцию между собой и собеседником с учетом его социального статуса, степени знакомства с ним, официальности-неофициальности ситуации общения и других релевантных параметров. По сути дела, именно о такого рода вариативности этикетных норм и идет речь в авторском отступлении (4).

Легко заметить, что в диалогах с помещиками Чичиков демонстрирует разные варианты этикетного поведения. Так, в диалогах с Маниловым, Собакевичем и Плюшкиным Чичиков преимущественно придерживается правил дистанцированного «церемонного» этикета. В общении с Ноздревым он следует правилам сближающего «приятельского» этикета. А в отношениях с Коробочкой использует смешанный вариант этикета, комбинирующий элементы негативной и позитивной вежливости. Объясняются эти различия не только и не столько объективными причинами (например, различием социальных статусов крупного и мелкого помещика), сколько манипулятивным характером общения со стороны Чичикова. Характерная черта такого общения состоит в том, что манипулятор для успеха в достижении своей цели всегда готов, жертвуя принципом искренности в общении⁴, соответствовать ожиданиям собеседника во всем, что не идет вразрез с этой целью (подробнее о манипулятивном общении см. в [Добрович 1984]). В частности, он принимает ту дистанцию в общении, которую предлагает партнер. При этом следует особо отметить, что «подстройка» под партнера не может выйти за рамки этикетного поведения как такового, то есть если партнер нарушает нормы этикета (как это делает Ноздрев и в ряде случаев Собакевич), манипулятор остается вежливым (в рамках исходно принятого варианта этикета).

Выбор определенного вида этикетного поведения предполагает соответствующую настройку речи по целому ряду параметров. В данном разделе мы рассмотрим только те аспекты речи, в которых разно-

⁴ Этим этическим по своей сути принципом объясняется включение условий искренности в число условий успешности речевых актов.

видность этикета влияет на выбор языковых средств реализации определенного коммуникативного намерения⁵. Другие аспекты, связанные с выбором самого намерения в зависимости от разновидности этикета, будут рассмотрены в разделах, посвященных действию общих правил вежливости в разных вариантах этикета.

2.1. Форма обращения

Под обращением мы в данном случае имеем в виду два языковых явления: 1) форму, используемую в аппеллятивной функции; 2) форму местоимения, используемую в номинативной функции по отношению к адресату речи.

Церемонный этикет в любой его разновидности предполагает обращение к адресату на «вы» и (до революции) использование обращения *господа* по отношению к коллективному адресату. В официальной разновидности церемонного этикета во времена Гоголя в качестве обращения использовались особые обороты, отражающие социальное положение адресата (ср. официальное этикетное обращение капитана-исправника к Ноздреву – *милостивый государь*), а также сочетание *господин/госпожа* + фамилия. В неофициальной разновидности церемонного этикета принято обращение по имени-отчеству (ср. обращение Манилова к Чичикову – *Павел Иванович* или Чичикова к Собакевичу – *Михаил Семенович*). Используются и специальные этикетные аппеллятивы типа *сударыня* (обращение Чичикова к жене Манилова).

Приятельский этикет предписывает обращение на «ты» и разрешает использовать обращение *брат* по отношению к мужчине, с которым говорящий не состоит в означенном отношении родства (это обращение используются обеими сторонами в диалогах Чичикова с Ноздревым и Ноздрева с его зятем). Данное обращение, как и другие имена родства, используемые в переносном значении, выполняют чисто экспрессивную функцию, служа сигналом стремления говорящего сократить дистанцию между собой и адресатом (по другой терми-

⁵ Одна из первых лингвистических работ, в которых были прослежены языковые проявления действия разнонаправленных правил вежливости – работа [Lakoff 1973].

нологии – включить адресата в свою личную сферу). Примечательно, что в поэме в рамках приятельского этикета ни разу в качестве обращения не встретилось простое имя (без отчества) – обычное в наше время явление для случая позитивной вежливости. Такое обращение встречается в поэме или по отношению к слугам (ср. пример (10а)), или в рамках таких вариантов позитивного этикета, как супружеский и родительский:

(10) – *Порфирий, Павлушка!* – кричал Ноздрев в бешенстве, порываясь вырваться.

Как уже говорилось, в конкретной ситуации для соблюдения баланса между негативной и позитивной вежливостью может потребоваться комбинация способов обращения, свойственных церемонному и приятельскому этикету. Так, Чичиков, который, по словам автора, с Коробочкой *вовсе не церемонился*, тем не менее, обращается к ней на «вы» и по имени-отчеству (*Настасья Петровна*), соблюдая нормы негативные этикета, диктуемые соотношением половых и возрастных характеристик партнеров по общению (Коробочка, во-первых, женщина, а во вторых, пожилая). Со своей стороны, Коробочка обращается к Чичикову на «ты», учитывая свой возрастной приоритет. При этом оба используют в качестве обращения «сближающие» имена родства, соответственно *матушка* и *батюшка* или *отец*. Сближающая функция таких обращений может быть усилена добавлением постпозитивного притяжательного местоимения первого лица единственного числа *мой/моя*.⁶

Отражена в тексте поэмы и специфика обращений, принятых в «супружеском» варианте позитивного этикета. И «рафинированный» Манилов, и «медведь» Собакевич, используют в качестве обра-

⁶ Следует заметить, что негативная вежливость – явление более позднее в русском речевом этикете, постепенно распространявшееся из культурных центров в провинцию, начиная с эпохи петровских реформ (см. [Бенакьо 1999]). Вполне возможно, что преобладание признаков позитивной вежливости над негативной в речи Коробочки – свидетельство ее этикетной «отсталости», хорошо вписывающейся в общую картину ее патриархального быта и менталитета. А манипулятор Чичиков, как и в прочих случаях, просто настраивает этикетные параметры «на волну» собеседника.

ния к своим женам апеллятив *душенька* (вариант *душа моя*), а в обращениях Манилова к жене представлена также диминутивная форма имени (*Лизанька!*)⁷.

2. 2. Прямое vs косвенное выражения целей, затрагивающих адресата

Когда цель речевого акта непосредственно затрагивает адресата, как это бывает в случае разного рода побуждений, вопросов и комиссионных, негативный этикет предписывает косвенное выражение таких целей. Позитивный этикет допускает больше свободы в этом отношении. Он разрешает прямо выражать любые цели, затрагивающие адресата. (Данное правило не распространяется на акты речевой агрессии и экспрессивы, выражающие отрицательную оценку или отрицательное эмоциональное отношение к адресату. Первые недопустимы в любом варианте этикетного поведения. Вторые негативный этикет исключает даже в косвенной форме, а позитивный только в косвенной и разрешает, о чем подробнее будет сказано в разделах 2.3. и 3).

Так, в рамках полностью позитивного этикета, принимаемого Чичиковым в общении с Ноздревым, и в основном позитивного этикета, используемого в общении с Коробочкой, Чичиков реализует свои побудительные коммуникативные цели прямо, используя самую простую форму их кодирования – императив:

(11) *Переведи их на меня, на мое имя.*

(12) *Уступите-ка их мне, Настасья Петровна.*

Напротив, в разговоре с Маниловым все побудительные речевые акты совершаются в косвенной форме – это или выражение своего желания, как в (13), или вопрос о возможности для адресата совершить требуемое действие, как в (14), или условное суждение о таковой возможности, как в (15):

⁷ Заметим, что в СССР диминутивные имена собственные стали весьма распространенной формой обращения мужчины к женщине в рамках «приятельского» этикета, принятого в самых разных слоях общества, от рабочих до научных сотрудников. См. об этом [Кобозева 1986, с. 90-91].

(13) ...я хотел бы купить крестьян...

(14) *Итак, я желал бы знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить или как вам заблагорассудится лучше?*

(15) *Итак, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости.*

В (14) форма побуждения вдвойне косвенная: прямое побуждение выражается не с помощью прямого вопроса о возможности для адресата совершить требуемое действие⁸, а косвенным способом, через выражение желания узнать нечто. Заметим, что в (13)-(15) представлена еще одна языковая особенность, мотивируемая стремлением к увеличению дистанции между говорящим и адресатом, характерным для церемонного этикета. Говорящий выражает желание, которое он действительно имеет в момент речи (или делает вид, что имеет), или констатирует наличие реальной возможности, но при этом вместо изъявительного наклонения в предикациях с глаголами *хотеть*, *желать* и предикативом *можно* употребляет сослагательное. В этом случае последнее выступает уже не в своем прямом значении показателя ирреальной модальности, а как средство повышения степени вежливости высказывания (об аналогичном прагматическом переосмыслении сослагательного наклонения иллокутивного глагола в перформативном предложении см. [Апресян 1995, 209]). Этот прагматический эффект заложен в грамматическом значении сослагательного наклонения. Выражаемая им в первичной функции нейтральная модальность снимает утвердительность, свойственную реальной модальности, что сразу делает высказывание менее категоричным, и тем самым как бы увеличивает дистанцию между интенцией говорящего и адресатом, на которого она направлена⁹.

⁸ Отметим, что вопрос с точки зрения коммуникативной цели также представляет собой разновидность побуждения – побуждение сообщить некоторую информацию.

⁹ Связь сослагательной морфемы с вежливостью станет еще прозрачнее, если исходить из формулировки «правила вежливости I», предложенного в [Lakoff 1973]: «Не дави на адресата. Предоставляй ему альтернативы». (Don't impose. Give options.).

Вообще, церемонная вежливость Манилова (а, стало быть, и «подыгрывающего» ему Чичикова) подана Гоголем в гротескно преувеличенной форме (достаточно вспомнить пресловутый спор о том, кому первым пройти в дверь). Естественно поэтому, что большинство реплик партнеров оформляются как косвенные речевые акты, причем чаще всего используется техника вложения предиката, несущего действительную иллокутивную функцию высказывания, в качестве сенсационального аргумента главного предиката *позвольте*. Вот всего лишь два из более, чем десяти примеров:

(16) М.: *Позвольте мне вам представить жену мою.*

(17) Ч.: Но *позвольте прежде одну просьбу.*

Таким образом, речевой акт совершается в форме просьбы к адресату дать разрешение на его совершение. При этом говорящий «убивает двух зайцев» – камуфлирует действительное совершение речевого акта под всего лишь желаемое (эффект – снятие категоричности) и позиционирует адресата как контролера своих действий (эффект – повышение статуса адресата по отношению к говорящему). И то, и другое создает увеличение дистанции между говорящим и адресатом, повышая тем самым степень негативной этикетности речи.

2.3. Ограничения на употребление бранных и просто грубых выражений

В значении бранных слов присутствует экспрессивный компонент, отражающий резко отрицательное эмоциональное отношение говорящего к денотату. В значении просто грубых выражений, не являющихся бранными, также присутствует экспрессивный компонент, отражающий, как правило, пренебрежительное отношение говорящего к денотату. Естественно, любой вариант речевого этикета исключает употребление бранных и грубых выражений, денотатом которых является адресат или тот или иной элемент его личной сферы. Имплицированное в них отношение говорящего наносит моральный ущерб адресату: обижает его, оскорбляет его достоинство, что противоречит назначению речевого этикета – обеспечению оптимальных условий социального взаимодей-

ствия. Как бы ни было оправданно с точки зрения говорящего испытываемое им отрицательное эмоциональное отношение к адресату, он не должен давать ему выход, если он хочет гарантировать продолжение взаимодействия. Показателен в этом смысле контраст внутренней речи Чичикова, отражающей его действительное эмоциональное отношение к Собакевичу в связи с его поведением в ходе торга, и того, что он при этом говорит вслух:

(18) *«Ну уж **черт его побери**, – подумал про себя Чичиков, – по полтине ему прибавлю, **собаке, на орехи!**»*

– Извольте, по полтине прибавлю.

В (18) ясно видна одна из главных этикетных трансформаций, которой подвергается исходный замысел говорящего, и которая состоит в отбрасывании бранных или просто неучтивых выражений, относящихся к адресату. Без этой трансформации, реплика в (18) выглядела бы как (18'):

(18') *Черт тебя побери, прибавлю тебе, собака, по полтине на орехи!*

Очевидно, что (18') нарушает требования речевого этикета в любом его варианте, при любом соотношении негативного и позитивного аспектов вежливости. Но есть способ выплеснуть отрицательные эмоции, вызванные адресатом, который допустим в рамках более либеральных форм этикета. Это косвенная инвектива, то есть высказывание, в котором грубое выражение формально имеет нереферентный денотативный статус (экзистенциальный, универсальный или родовой), но по смыслу, выводимому с опорой на контекст, имеет своим референтом именно адресата¹⁰. Ср. высказывания Чичикова, обращенные к Коробочке (19), которая выводит его из себя своим нежеланием идти на сделку, и к Собакевичу (20), который раздражает его, тем, что требует слишком большую цену за мертвые души:

(19) *Право, словно какая-нибудь, **не говоря дурного слова, дворняжка**, что лежит на сене: и сама не ест сена, и другим не дает.*

¹⁰ В [Кобозева, Лауфер 1988] такой способ косвенной передачи информации назван «намеком через неопределенность».

(20) ...да я в другом месте нипочем возьму. ... **Дурак** разве станет держать их при себе и платить подати.

Выражение отрицательного отношения к адресату представляет собой частный случай коммуникативной цели, затрагивающей адресата и наносящей ему ущерб (в данном случае моральный). В пункте 2.2 мы отмечали, что негативная вежливость исключает вербализацию подобных коммуникативных целей как в прямой, так и в косвенной форме. Очевидно, что фраза, подобная (19) или (20), не могла быть употреблена Чичиковым в общении с Маниловым, в котором с обеих сторон подерживался церемонный этикет. Но с Коробочкой Чичиков с самого начала *не церемонился*, а в случае с Собакевичем требования церемонного этикета, которых первоначально старался придерживаться Чичиков, постепенно ослабляются, потому что общение вступает в стадию торга, когда дистанция между коммуникантами сокращается в силу их взаимной заинтересованности в разрешении конкретной практической цели. Отход от требований негативно ориентированного церемонного речевого этикета в сторону более позитивного этикета делового общения первым, естественно, совершает Собакевич (манипулятор Чичиков не может первым предлагать сократить дистанцию, так как при этом всегда есть риск вызвать недовольство адресата). В ответ на предложение Чичикова, сформулированное пространно, косвенно, с соблюдением всех норм церемонного этикета, Собакевич производит интерпретирующий речевой акт (см. [Кобозева, Лауфер 1994]):

(20) *Вам нужно мертвых душ?*

Все околичности негативного этикета, содержащиеся в речи Чичикова (постепенное введение в тему, изъявление уважения, косвенность в выражении собственной потребности, замену «неприятного» *мертвые* на нейтральное *несуществующие*), Собакевич отбрасывает, давая понять, что с ним можно обсуждать деловые вопросы напрямую. Перейдя на предложенный собеседником более позитивный вариант этикета, Чичиков и получает своего рода карт-бланш на косвенное употребление грубых выражений. Но грубое слово даже в косвенно-инвективной конструкции, остается грубым словом. Желая минимизировать отступление от строгой этикетной нормы, Чичиков в (19) заменяет

в известной поговорке конвенциональный элемент *собака* с его бранными коннотациями, на *дворняжка*, и маркирует эту замену специальным дискурсивным маркером *не говоря дурного слова*, подчеркивая тем самым свое стремление оставаться в рамках этикета. Единственный случай, когда Чичиков напрямую употребляет бранное выражение по отношению к адресату, и тем самым выходит за рамки даже самого либерального варианта этикетного поведения, связан с потерей контроля над собой в трудном для него диалоге с Коробочкой:

(21) *Здесь Чичиков вышел совершенно из границ всякого терпения, хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей черта.*

Представлен в поэме и тип человека, постоянно нарушающего требования этикета, и в том числе не соблюдающего этикетные ограничения на употребление бранных слов в адрес собеседника. Это Ноздрев, который даже во вполне благодушном настроении позволяет себе называть равного по статусу собеседника *фетюком, подлецом, ракалией, дрянью*, и употреблять по отношению к нему такие лексемы с грубой экспрессией, как *врать, бабиться*, или фраземы типа *Черта лысого получишь!* А уж в эмоциональном возбуждении он доходит до таких раритетов бранной лексики, как *шильник* и *печник гадкий*. О том, что это, возможно, не индивидуальная черта языковой личности, а манера общения, свойственная определенной социальной группе, говорит следующая реплика оскорбленного Чичикова:

(22) *Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы.*

Что же касается употребления бранных слов и слов с грубой экспрессией по отношению к чему бы то ни было, не входящему в личную сферу адресата, то разные виды речевого этикета относятся к нему по-разному. При церемонном этикете такие слова вообще недопустимы. Даже когда грубое слово не относится к адресату, оно нарушает требование негативной вежливости, поскольку навязывает ему определенную оценку денотата. При приятельском же этикете употребления грубых выражений в экспрессивных целях применительно к денотатам, не входящим в личную сферу адресата, возможно, так как выражение своих чувств друг другу сокращает психологическую дистанцию между партнерами. Так, Чичиков, при

всем том, что грубые выражения ему неприятны, допускает их в диалоге с Ноздревым, но только не по отношению к собеседнику, ср.:

(23) *Да что же я, дурак, что ли?*

(24) *Ох, какой любопытный! ему всякую дрянь хотелось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!*

Следует отметить, что первое и единственное употребление грубого слова Маниловым (*умершие души в некотором роде совершенная дрянь*¹¹) и повторение его Чичиковым (*Очень не дрянь*) связано с переходом их от церемонного этикета к приятельскому, последовавшим за столь успешным для Чичикова завершением «переговоров» по интересующему его вопросу. И хотя Гоголь называет Манилова и Чичикова *приятелями* с того самого момента, как эти персонажи встречаются в Маниловке, в действительности они начинают вести себя как таковые только в конце встречи, когда от взаимного словесного «расшаркивания» переходят к открытой манифестации чувств вербальными и невербальными средствами.

Возвращаясь к запрету на употребление бранных и просто грубых выражений по отношению к адресату, мы должны сказать, что он вытекает из общего правила речевого этикета, к рассмотрению которого мы и переходим.

3. Речевой этикет предписывает выразить положительную оценку адресата и по возможности избегать выражения отрицательной оценки

Данная норма вежливости регламентирует оценочные суждения об адресате (и всем том, что включается в его личную сферу). В теории вежливости Дж. Лича ему соответствует Максима Апробации, которая предписывает в этом случае сводить к минимуму выражение отрица-

¹¹ В данном контексте слово *дрянь* выступает в ином значении, нежели в примере (24), обозначая не 'вещь в высшей степени неприятную для говорящего и вызывающую у него брезгливое чувство', но 'вещь столь незначительную с точки зрения говорящего, что на нее не стоит обращать внимания'. И хотя отрицательная оценочная коннотация присутствует в обоих употреблениях, в (24) она сопряжена с более сильной отрицательной эмоцией, и поэтому данное слово воспринимается в контексте (24) как более грубое.

тельной оценки и стремиться к выражению максимально возможной положительной оценки. Лич, однако, не отмечает, что степень строгости этих требований зависит как от выбранного варианта этикета (определяемого балансом негативной и позитивной вежливости), так и от того, в какой мере говорящий верен принципу искренности в общении. Эти различия отчетливо проявляется в диалогах поэмы.

Рассмотрим сначала область отрицательных оценок.

По самой своей сути манипулятивная речь противоречит принципу искренности: манипулятор всегда готов пожертвовать соображениями искренности, если это нужно для достижения его целей. Для церемонного этикета в этом случае характерно следование Максима Апробации в ригористической форме. Если у Лича речь идет о минимизации порицания собеседника, то здесь полностью запрещается критика адресата и всего, что так или иначе с ним связано. В гипертрофированно вежливой манере общения, свойственной Манилову, запрет на критику собеседника распространяется даже на имплицитную информацию. Так, затянувшееся молчание Манилова в ответ на предложение совершить купчую крепость на мертвые души, вызывает со стороны Чичикова вопрос-предположение (25):

(25) *Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?*

В ответ на этот вопрос, имплицитный критическое отношение адресата к автору предложения, Манилов спешит снять с себя подозрение в том, что отрицательно оценивает адресата:

(26) *О! помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы имел какое-нибудь критическое предосуждение о вас.*

В отличие от этого в рамках «сближающих» вариантов этикета, обходящихся без излишних церемоний, критика адресата допускается, хотя и в «смягченной» форме. Так, если Чичиков не позволяет себе никаких критических замечаний в адрес Манилова или Плюшкина, то Ноздреву он может сказать:

(27) а. *Ну вот видишь, вот уж и нечестно с твоей стороны: слово дал, да и на попятный двор.*

б. *Помилуй, брат, что ж у тебя за жидовское побуждение.*

В диалоге с Коробочкой, с которой, как мы помним, Чичиков общается без церемоний, можно наблюдать постепенное нарастание интенсивности отрицательных оценок собеседницы по мере того, как Чичиков теряет терпение в бесплодных попытках убедить Коробочку продать ему мертвые души:

(28) а. *Послушайте, матушка, ... эх, какие вы!*

б. *Хватили немножко греха на душу, матушка. По двенадцати не продали.*

в. *Страм, страм, матушка! Просто страм!*

Подчеркнем, что свобода критики даже в этикете «без церемоний» не безгранична. Резко отрицательные оценочные квалификации собеседника выводят общение за рамки этикетного точно так же, как употребление по отношению к нему грубых и бранных выражений, о котором шла речь в разделе 2.3¹².

Обратимся теперь ко второй области действия Максимы Апробации – положительным оценкам адресата. Вообще говоря, поскольку похвала в адрес собеседника прямо направлена на сближение говорящего и адресата, то она соответствует общей тенденции позитивной вежливости и должна быть противопоставлена негативной, в рамках которой следует избегать каких бы то ни было суждений об адресате и вообще стараться не упоминать его «всуе»¹³. Однако положительные оценки занимают особое положение среди возможных суждений об адресате. Известно, что абсолютное большинство людей дорожит мнением окружающих и стремится заслужить хорошее мнение о себе. Не случайно поэтому, что даже при установке на дистанцированную, негативную вежливость, похвалы в адрес собеседника не только не исключаются, но и становятся неотъемлемой частью этикетной речи. Тем более они важны при манипулятивном общении, для которого лесть (неискренняя похвала) – один из главных инстру-

¹² Речевой этикет дает возможность назвать собеседника, например, *мошенником*, только после вынесения соответствующего решения суда.

¹³ Ср. замечание в [Lakoff 1973], что настоящий дворецкий скажет *Кушадь подано*, а не *Вы не хотите поесть?*

ментов, с помощью которого говорящий добывает расположение адресата («...и в сердце льстец всегда отыщет уголок»).

Обращаясь к материалу поэмы, мы видим, что и в рамках церемонного (в общем и целом негативного этикета), принятого Чичиковым в диалоге с Маниловым, Собакевичем и Плюшкиным, и в рамках этикета без особых церемоний, принятого им в беседе с Коробочкой, и в рамках приятельского этикета в общении с Ноздревым, он не упускает возможности похвалить либо самого адресата (см. положительную оценку интеллекта Собакевича в (30), используемую как аргумент в ходе торга), либо того, что ему принадлежит (см. реплики в адрес Манилова в (31), Коробочки в (32) и Ноздрева в (33)):

(30) *Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности.*

(31) а. *Какие миленькие дети.*

б. *Приятная комнатка.*

(32) а. *У вас, матушка, хорошая деревенька.*

б. *Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна.*

(33) а. *Да, хорошая будет собака.*

б. *Хорошее чутье.*

Вместе в том, даже при манипулятивной установке, требования искренности не должны игнорироваться в слишком явной форме. Лесть должна быть правдоподобной. То, что интенсивность положительной оценки адресата ограничивается сверху соображениями правдоподобия, иллюстрирует и приведенный выше пример (30), и следующее описание речемыслительной деятельности Чичикова в диалоге с Плюшкиным:

(34) *Он уже хотел было выразиться в таком духе, что наслышась о **добродетели и редких свойствах души его**, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком. Искоса бросив еще один взгляд на все, что было в комнате, он почувствовал, что слово «добродетель» и «редкие свойства души» можно с успехом заменить словами «экономия» и «порядок»; и потому, преобразивши таким образом речь, он сказал, что наслышась об **экономии его и редком управлении именьями**, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение.*

Следует отметить, что в тех вариантах этикета, которые основаны на презумпции близости коммуникантов, например, в приятельском этикете, тенденция к максимально возможному восхвалению адресата может скорее увеличить дистанцию между партнерами, чем еще более сократить ее. Не случайно в диалоге с Ноздревым Чичиков не слишком утруждает себя выражением положительных оценок партнера. В приятельском этикете похвалы, в отличие от церемонного, факультативны.

4. Речевой этикет предписывает говорящему избегать положительной самооценки, отвергать похвалы, обращенные в свой адрес, и критиковать себя

Данное правило близко к тому, которое Дж. Лич назвал Максимой Скромности (ср. также понятие этикетизации общения, введенное в [Почепцов 1980]). Оно, безусловно, действует в рамках «церемонного» этикета, поскольку работает на увеличение дистанции между «ценным» собеседником и «малоценным» говорящим. Не случайно примеров этикетных возражений на похвалу и отрицательных оценочных квалификаций самого себя особенно много в диалоге Чичикова и Манилова, которые наперебой хвалят друг друга. Ср. следующие диалогические единства, в которых первая реплика содержит положительную оценку адресата, а вторая – возражение против такой оценки или отрицательную оценку самого себя:

(35) а. М.: ...не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

Ч.: Почему ж образованному?...

б. М.: ...случай мне доставил счастье, можно сказать образцовое, говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором.

Ч.: Помилуйте, что ж за приятный разговор?.. Ничтожный человек, и больше ничего.

Отрицательная оценка себя в церемонном этикете может быть не только возражением на предшествующую похвалу, как в (35), но и обо-

снованием, как в следующей реплике Манилова, объясняющего свое непонимание собеседника:

(36) Я?.. нет, я не то, но я не могу постичь...извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении; не имею высокого искусства выразиться...

При установке на позитивную вежливость, то есть в рамках этикета «без церемоний» правило скромности не действует, поскольку создаваемая им «оценочная» дистанция между говорящим и адресатом противоречит тенденции к сближению между ними.

5. Этикет предписывает поддерживать максимально возможную степень согласия с партнером по общению

Это правило в теории вежливости Дж. Лича названо Максимой Согласия: минимизируй разногласия с партнером, соглашайся с ним в той мере, в которой это не противоречит твоим интересам и целям воздействия (Leech 1983). Речь при этом идет как о согласии с мнениями и оценками собеседника, так и согласии делать то, к чему он побуждает. Частным случаем действия по принципу согласия является и принятие того варианта речевого этикета, который предлагает партнер.

Действие в соответствии с правилом согласия при манипулятивном общении особенно важно. Многообразные примеры этикетного согласия можно найти в общении манипулятивно вежливого Чичикова и Манилова, в системе ценностей которого этикетное поведение занимает одну из высших позиций. Так, Чичиков легко соглашается со всеми суждениями Манилова о третьих лицах, сплошь положительными, а Манилов, в свою очередь, легко соглашается с мнением Чичикова о том, что продажа ему мертвых душ не противоречит интересам государства. В отличие от Манилова, Собакевич, в целом придерживающийся норм этикета, правила согласия не соблюдает. На высказываемые Чичиковым положительные оценки чиновников губернского города NN Собакевич неизменно возражает, давая тем же лицам самую нелестную характеристику. При этом он одновременно нарушает и правило согласия, и правило предпочтения позитивной информации перед

негативной (см. п. 6). Не желающий нарушать правило согласия Чичиков в спор по этому поводу с Собакевичем не вступает, поскольку данный вопрос не затрагивает его практических интересов.

Действует правило согласия и в негативном, и в позитивном этикете. Так, Чичиков на повторную просьбу Ноздрева *в угодность ему* соглашается пощупать уши щенка и *не желая обидеть* хозяина, соглашается взять щенка за нос.

Этикетное стремление к согласию ограничивается прежде всего со стороны основных интересов и целей говорящего в общении. Торгуясь о цене на мертвые души, Чичиков уступает Собакевичу до определенного предела, по достижении которого отказывается повышать цену (... *копейки не прибавлю*). Другим фактором, санкционирующим нарушение правила согласия с собеседником, является конфликт этого правила с более приоритетным правилом вежливости¹⁴ (примеры такого нарушения правила согласия приведены в (35)).

Выражение несогласия с партнером по существу, то есть не вызванное конкуренцией этикетных норм, – это разновидность конфликтного речевого акта. Разные виды этикета налагают на говорящего разной силы обязательства, когда он вынужден не соглашаться с партнером.

Церемонный этикет предписывает, во-первых, всячески смягчать речевой акт несогласия (отказа). Формой такого смягчения может быть выражение сожаления, что не обязательно при этикете «без церемоний». Причем сожаление может быть выражено как вербальными, так и невербальными средствами. Вот как описывается в поэме отказ Чичикова от трубки, предложенной Маниловым:

(37) Нет, не курю, – отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.

Другим способом смягчения, используемым в негативном этикете для любых типов речевых актов, угрожающих лицу адресата, является косвенная форма их осуществления (см. п. 2.2). Во-вторых, церемонный этикет требует аргументировать несогласие (отказ). При этом, чем более вежливым хочет быть говорящий, тем весомее должен быть аргумент. Так, хотя (37) уже содержит достаточный аргумент для отка-

¹⁴ В [Leech 1983] такие конфликты названы «парадоксами вежливости».

за от предложенной трубки, Чичиков на вопрос Манилова «Отчего?» считает нужным объяснить причину, по которой он расходится с адресатом в привычках:

(38) *Не сделал привычки, боюсь; говорят, трубка сушит.*

Следующая затем реплика Манилова, выражающая несогласие с мнением, высказанным собеседником, оформлена по всем правилам церемонного этикета – имеет косвенную форму и содержит развернутую аргументацию:

(39) *Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но, благодаря бога, до сих пор так здоров, как нельзя лучше.*

Иначе обстоит дело в позитивном, например, приятельском этикете. Хотя и здесь действует принцип максимально согласия с собеседником, но в случае вынужденного несогласия уже допустим неаргументированный отказ, точнее, отказ, единственным аргументом которого является отсутствие желания. Так, отказываясь от предложений Ноздрева, Чичиков говорит просто *Не хочу*. См. также следующие обмены репликами между ними:

(40) а. Н.: *Отчего ж ты не хочешь?*

Ч.: *Оттого, что просто не хочу, да и полно.*

б. Н. *Ну, купи каурую кобылу.*

Ч. *И кобылы не нужно.*

6. Речевой этикет предписывает говорящему предпочитать приятные темы для разговора неприятным

Данное правило Дж. Лич возводит в ранг Принципов, выделяя его, наряду с Принципом Сотрудничества и Принципом Вежливости, под именем Принцип Полианны [Leech 1983]¹⁵. На наш взгляд, для этого нет достаточных оснований, поскольку необходимость соблюдения дан-

¹⁵ По имени героини детской книжки «Полианна» – девочки, последовательно проводившей в жизнь принцип: «во всем надо видеть хорошее».

ного правила вытекает из Принципа Вежливости, как в ее негативной, так и в позитивной ипостаси. Действительно, когда говорящий без нужды поднимает неприятную в том или ином отношении тему или хотя бы упоминает о чем-то неприятном, он тем самым навязывает собеседнику мысленный контакт с тем, что может оказать вредное воздействие на его психологическое состояние. Это, несомненно, один из видов посягательства на «неприкосновенность» личности, от которых предохраняет негативная вежливость. И напротив, высказываясь о чем-то хорошем, приятном, говорящий не только избегает возможного нежелательного для адресата эффекта неприятной темы, но и имеет шанс доставить адресату положительные эмоции, что, несомненно, входит в определение позитивной вежливости — вежливости дружелюбия и благожелательности¹⁶. Похвалы адресату и всему, что входит в его личную сферу, – это частный случай весьма приятной для него темы, а критика адресата и «иже с ним» – разновидность темы, явно неприятной для него. Поэтому наше правило 3 можно рассматривать, как следствие из правила 6. Однако в силу специфической выделенности темы «оценка адресата» в ряду прочих тем с точки зрения силы ее воздействия на личность, оно по справедливости заслуживает статуса отдельного правила.

В аспекте приятности/неприятности можно рассматривать темы как инициативных, так и реактивных реплик, например, ответов на вопросы.

Соблюдая этикет, Чичиков начинает разговор с приятной темы. Так, у Собакевича, прерывая затянувшееся молчание, он говорит:

(41) Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича в прошедший четверг. Очень приятно провели там время.

Когда же по реакции Собакевича Чичиков понимает, что и с председателем палаты, и с губернатором, и с вице-губернатором тот «не в ладах», он принимает решение уйти от неприятной темы, предложив тему, которая, по его мнению будет приятна собеседнику:

(42) А вот заговорю я с ним о полицеймейстере: он, кажется, друг его.

¹⁶ В теории вежливости Р. Лакофф этому типу вежливости соответствует правило III «Старайся, чтобы адресату было хорошо. Будь дружелюбен». (Make the addressee feel good. Be friendly.)

В своих ответах на вопросы, задаваемые в ходе фатического по своей сути общения, он всегда сообщает информацию позитивного характера (и в этом отношении его антиподом является Собакевич). См., например, ответы Чичикова на вопросы Маниловой о том, как ему понравился город и как он провел время (43), и на вопрос Коробочки о том, как он спал (44):

(43) *Очень хороший город, прекрасный город, и время провел очень приятно: общество самое обходительное.*

(44) *Хорошо, хорошо.*

Желание соблюдать рассматриваемое здесь требование этикета может быть одним из мотивов, которые побуждают Чичикова и Манилова заменять слово *мертвые* синонимичными перифразами¹⁷. Действительно, это слово однозначно активизирует в сознании тему смерти, безусловно принадлежащую к числу самых неприятных. В соответствии со своей практической целью Чичиков вынужден затрагивать данную тяжелую тему в разговоре в помещиками. Поэтому в условиях, когда превалирует тенденция негативного этикета, и он, и его собеседники стараются использовать выражения, которые в заданном контексте передают нужный смысл не прямо, а косвенно, через умозаключение: *не живые; которые в некотором роде окончили свое существование; окончившие жизненное поприще; несуществующие*. Когда же превалирует тенденция позитивного этикета, вещи называются своими именами – *мертвые души, умершие крестьяне*.

Тип речевого акта, по сути связанный с неприятной темой – это жалоба, поскольку ее пропозициональное содержание составляет нечто плохое, что случилось или происходит с говорящим. Поэтому жалобы как таковые не приветствуются в рамках негативного этикета. Позитивный этикет более терпим к жалобам, как, впрочем, и к нарушению всех прочих правил, рассмотренных выше¹⁸. Поэтому жалобы

¹⁷ С другой точки зрения эти замены рассматриваются в [Баранов 2000].

¹⁸ Не случайно невежливые речевые действия часто сопровождаются ссылками на дружеские отношения, ср. типичную для грубияна Ноздрева реплику *Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе*.

мы встречаем и в речи Коробочки, в целом придерживающейся норм позитивного этикета, и в речи Чичикова, обращенной к Манилову, но только после того, как в их общении церемонный этикет сменяется приятельским.

7. Заключение

Задавшись целью на основе семантического анализа текста «Мертвых душ» выявить ту концепцию речевого этикета, которая лежит в основе описываемых в поэме речевых действий персонажей и их оценок, мы реконструировали систему, включающую все основные правила, сформулированные в современных теориях вежливости. Это говорит о том, что по существу своему речевой этикет за прошедшие почти два столетия мало изменился. Менялись в соответствии с изменениями структуры общества сфера его действия, охватывавшая все новые группы и слои населения, и конвенциональные средства, используемые для маркировки дистанции между собеседниками по вертикали социальной иерархии и по горизонтали личной близости [Leech 1983]. В основе же речевого этикета как тогда, так и теперь лежит все тот же принцип: веди себя по отношению к собеседнику так, как ты хотел бы, чтобы он вел себя по отношению к тебе.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Баранов А.Н. Естественная языковая аргументация: торг и высокая дипломатия // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Издат. дом Гребенникова, 2000. С. 135-146.

Бенакьо Р. Новый тип человеческих отношений: обращение на Вы в петровскую эпоху // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С.114-123.

Добрович А.Б. Ролевая модель межличностного общения // Принципиальные вопросы теории знаний / Уч. зап. ТГУ. № 688. Тарту: ТГУ, 1984. – С. 70-84.

Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 131- 136.

Кобозева И. М. Проблемы коммуникативного анализа речевых коллективов // Методологические проблемы социальной лингвистики. М. : МГУ, 1986. С.78-92.

Кобозева И. М. Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога // Исследования по искусственному интеллекту. Тарту: ТГУ, 1990.

Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования. // Известия АН СССР. Сер. лит.и яз., 1988, N5. С. 462-470.

Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 63-71.

Почепцов Г.Г.(мл.). Семантический анализ этикетизации общения // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. Вып.II. Тарту,1980. С.98-108.

Тихонов С. Е. Гоголь или Карнеги? (Н. В. Гоголь и речевое воздействие) // Культура общения и её формирование. Материалы V научно-методической конференции 20 - 21 апреля 1998. Воронеж: ВОИПКП-РО, 1998. С. 105.

Benacchio R. R. Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве // Russian linguistics 26, 2002, 149-178.

Brown P, Levinson S. C. *Politeness*. Some universals of language usage. Cambridge, 1987.

Lakoff R. The logic of politeness, or minding your p's and q's // Papers from the 9th Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. Chicago, Illinois, 1973. p. 292-305

Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.

И. А. Шаронов

Столкновение этикетных норм: церемонность и простота в общении

Под этикетом обычно понимаются определенные правила поведения человека в ситуации общения с другими людьми в обществе. Этикет часто сближают с этикой – как на основе внешней схожести слов, так и вследствие их понятийной смежности. При сопоставлении этих понятий этика может выступать как внутренняя, глубинная сущность, а этикет – как нечто внешнее, поверхностное. Соответственно, возможна либо корреляция внешнего, (то есть этикета), внутреннему, скрытому (этике), либо их рассогласование, противопоставление. Обе подхода нашли отражение в известных афоризмах, крылатых фразах и максимах.

На схожесть, близость этики и этикета указывают, например, Френсис Бэкон и Макс Фриш¹. «Правила поведения, – пишет Бэкон – это перевод добродетели на общедоступный язык». «Действительно вежливый человек всегда исполнен любви – вторит ему через века Макс Фриш. – Он любит человека, которого хочет познать, для того, чтобы спасти его». О взаимной дополнительности рассматриваемых понятий рассуждает Честерфилд: «Вежливость и хорошие манеры совершенно необходимы для того, чтобы украсить любые другие достоинства и таланты. Без них никакие знания, никакое совершенство не предстают в

¹ Ниже приводятся цитаты из сборника афоризмов «Разум сердца», раздел 5: «Культура поведения; вежливость и грубость; манеры, этикет», с. 380-390.

надлежащем свете. Без них ученый обращается в педанта, философ – в циника, военный – в грубого скота, так что и с тем, и с другим, и с третьим неприятно даже встречаться». Неучтивость же, по Лабрюйеру, есть «не особый порок, а следствие многих пороков: пустого тщеславия, отсутствия чувства долга, лености, глупости, рассеянности, высокомерия, зависти».

Однако Лабрюйер указывает также и на легкость, с которой векторы этики и этикета расходятся в противоположные стороны. «Манерность жестов, речи и поведения нередко бывает следствием праздности или равнодушия; большое чувство и серьезное дело возвращают человеку его естественный облик». На несоответствие этикета этическим нормам, неискренность, фальшь, которая прячется за этикетом, указывают не меньшее количество крылатых фраз и максим. «Когда дружба начинает слабеть и охлаждаться – писал Вильям Шекспир – она всегда прибегает к усиленной вежливости». А Лев Толстой присоединился к мнению Лао-Цзы в том, что «правила приличия – это только подобие правды и начало всякого беспорядка»².

Таким образом, область взаимообусловленности этики и этикета не столь велика, как это принято считать и как, возможно, хотелось бы. Два рассматриваемых понятия являются неоднородными и решают в социальной культуре разные задачи. В отличие от этической, этикетная оценка не самостоятельна, она достаточно сильно связана с социальной ситуацией, в которой находятся ее участники, с их половозрастными и социальными отношениями, а также типом взаимодействия участников в конкретной ситуации. Не вызывает сомнений, что этикетная оценка обусловлена и этической оценкой, но это только один из целого ряда факторов. Среди других, и не менее важных, необходимо выделить оценку манеры поведения, впитавшей в себя черты церемониальности, ритуала. «Церемонное» поведение отличается от обиходного определенной искусственностью, ему обучают с детства, воспитывая в ребенке социальные навыки обхождения со всеми членами общества, умение отдавать должное другим и преподносить себя.

² Там же, с. 380-390.

Этикет связан с так называемой «формальной вежливостью», пафос которой состоит в стремлении удерживать дистанцию между участниками коммуникации. В одной из теорий вежливости [Brown, Levinson 1987] описывается, в частности, так называемая «негативная вежливость». Ее функция – минимализация агрессии в общении, сохранение свободы в поступках, соблюдение должной дистанции между говорящим и собеседником. Для этого в культуре выработан целый ряд вербальных и невербальных стратегий. С одной стороны, косвенность при выражении просьб, эвфемизация и другие способы ухода от наименования или обсуждения неприятных тем. При просьбах и других «навязывающих» актах от просящего требуется хотя бы формальная готовность получить отказ, использование намека вместо прямого побуждения, так называемая косвенность. (Подробнее об этом см. также в [Leech 1983]). С другой стороны, в культуре социального взаимодействия выработан ряд средств, подчеркивающих как личное достоинство говорящего, так и признание достоинства собеседника. Речевой этикет включает в себя статусные правила, которые проявляются, например, в формах адресации. При обращении к не- или малознакомому, неблизкому человеку используется «вежливая» форма множественного числа личного местоимения *Вы*, дублируемая обязательно в форме множественного числа глагола, императива, краткого прилагательного, и факультативно – в замене местоимения «свой» на «ваш» в торжественных случаях. Относительно местоимения «свой», сравните, например, как может звучать одна и та же мысль, высказанная директором института своему заместителю (1) в кабинете и (2) на его юбилее:

*(1) Вы поступили неглупо, когда сохранили **свою** лабораторию в неизменном виде.*

*(2) Вы были дальновидны, когда приложили невероятные усилия и сохранили **Вашу** лабораторию неизменном виде.*

«Статусные правила, – пишет Т.В. Крылова, – это правила поведения, которые предписывают субъекту учитывать в своем поведении свой или чужой статусы. Нарушение статусных правил чаще всего приводит к тому, что тот, по отношению к кому они нарушены, чувствует

себя задетым и уязвленным» [Крылова 2000]. Русский речевой этикет разрабатывается в лингвистике достаточно активно, см., например, Формановская 1998, где раскрывается связь речевого этикета с моральными нормами поведения, с ритуалом, с демонстрацией иерархического устройства общества и т.д.

В антропологии этикет рассматривается в широком и в узком смысле³. При «широком» подходе любое поведение человека можно назвать этикетным, включающим в себя всю «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращений и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)» [СЭ 1983, с. 431].

При «узком» подходе социально значимые ситуации, требующие подчеркнуто этикетного (официального, церемонного) поведения противопоставляются бытовым, естественным, не требующим особых условностей. В данной статье мы будем придерживаться «узкого» подхода, уделяя внимание не тому, что объединяет официальное и бытовое общение, а тому, что их отличает, и где лежит между ними граница.

В этикетно значимых ситуациях от человека требуется психологическая собранность и самоконтроль при соблюдении предписаний, обязательных для исполнения. Бытовые ситуации психологически гораздо комфортнее, расслабленнее. Человек, освобождаясь от «социальных пут», ведет себя естественно, не особенно думает о том, **что** он говорит, когда он говорит, что **думает**⁴. Условная граница между двумя формами поведения в обществе располагается по координатным линиям ЧУЖОЙ / СВОЙ и ДОСТОЙНЫЙ / НЕДОСТОЙНЫЙ, которые во многом зависят от культуры и традиции народа.

³ Более подробно об этом см. в Байбурин, Топорков 1990.

⁴ Ср. английскую поговорку «Think what you say, when you say what you think» а также ее близкие русские аналоги: «Думай, что говоришь!», «Выбирайте выражения!» и т.д., используемые в ситуациях, когда собеседник неадекватно низко, с точки зрения говорящего, оценивает уровень этикетности коммуникативной ситуации.

Своеобразной лакмусовой бумажкой для нашего исследования является функционирование в современном русском языке слов, исторически связанных с церемониалом, и имеющих в своем составе корень «церемон-». Это существительные *церемониал, церемония, бесцеремонность*, прилагательные *церемонный* и *бесцеремонный*, их ближайшие дериваты – наречия *церемонно, бесцеремонно*, глагол *церемониться*, а также коллокации *без церемоний, разводить церемонии, китайские церемонии*.

Социальные действия и их носители этикетно оцениваются дихотомично: либо положительно (*вежливое обращение, вежливый человек, тактичный вопрос, тактичный юноша*), либо отрицательно (*невежливое обращение, невежливый господин, невежа, бестактный вопрос* и т.п).

На первый взгляд, группа номинаций, связанная с корнем «церемон», должна тяготеть к группе единиц с положительной оценкой. Церемонное поведение маркирует достоинство и важность персоны. Поступки, вторгающиеся в то, что в английском называется *privacy*, во «внутреннюю зону» человека, воспринимаются негативно, по крайней мере как бесцеремонность, нарушение этикета. Однако в некоторых случаях употребление слов с корнем «церемон» приобретает и неодобрительные коннотации. Толковые словари (например, [ТСРЯ 2001 и ТСРЯ 1995]), для многих единиц нашей группы предлагают толкования и синонимические замены с оттенком негативности⁵.

Наиболее общая причина этого заключается, как кажется, в следующем. Церемонность как манера общения, появившись в русской и, шире, в славянских культурах относительно поздно, имеет ограниченную область применения. Кроме того, церемонность как форма социального взаимодействия в обществе в какой-то степени теряет влия-

⁵ Ср: [ТСРЯ 1995, с. 862] – **церемониться 2** – проявлять излишнюю мягкость, стеснение; **церемония 2**. *перен., обычно мн.* – принужденность, стеснение в поступках, обращении (разг.); [СТСРЯ 2001, с. 916] – **церемониться 2** – проявлять излишнюю щепетильность, считаться с кем-, чем-л.; **церемонный 1** – чрезвычайно строгий в соблюдении принятого этикета, порядка, приличий; чопорный.

ние даже в более формализованных, чем русская, культурах. Разумеется, говорить о потере влияния можно с достаточной степенью относительности. Нельзя забывать, что церемониал – необходимый и очень важный элемент функционирования общества и государства. Учет обоих факторов необходим при выборе стратегии поведения. Преувеличение или преуменьшение их роли в определенной ситуации может привести к негативным оценкам поведения кого-либо с точки зрения этикета.

Мы начнем рассмотрение группы с «родового» слова *церемониал*. Оно происходит от латинского *saerimoniales* – священный обряд. В современном употреблении данное слово означает распорядок, установленный для какого-либо обряда, какой-либо церемонии. В русской языковой культуре *церемониал* и его производное – прилагательное *церемониальный* – ассоциируются прежде всего со значимостью, священностью государства и таких его институтов, как царь (генеральный секретарь, президент), армия и под. *Церемониал присяги президента, воинские церемониалы, церемониальные марши* передают торжественные, значимые ритуализованные акты, которые происходят время от времени и которые необходимы для нормального существования государственных институтов. В других ситуациях ритуализованные акты имеют иные названия – обряд, ритуал, традиция, правила и т.п. Структурные свойства всех этих актов очень похожи, если не идентичны. Это упорядоченность, строгость, торжественность происходящих действий. Им часто соответствует особая одежда участников, антураж, надлежащая атрибутика, без которых ритуальный акт может либо не состояться, либо не получить необходимого наименования: «*Что за свадьба без цветов? – пьянка да и все*» – поет В. Высоцкий. На участников ритуала налагаются жесткие ограничения в свободе действий. Каждому придается определенная роль, за рамки которой выходить запрещено. От участников ожидается серьезное отношение к происходящему; отвлечения, болтовня, смех недопустимы или не приветствуются. Церемониальные свойства кажется особенно интересным выявлять на материале новых, нетрадиционных обрядов, в которых отсеивается все лишнее, и сохраняются только необходимые свойства древней традиции сакрального действия. В качестве примера приведем опи-

сание неофициального обряда посвящения в капитаны Советской Армии – «обмывание звездочек» – в романе Виктора Суворова «Аквариум». Описание дается от первого лица ⁶.

*Я полковнику Кравцову рукой на почетное место указываю. Традиция такая. Он отказывается и мне на это место указывает. Это тоже традиция. Я **отказаться должен**. Дважды. А на третий раз **должен приглашение принять** и Кравцову место указать справа от себя. Все остальные сами рассаживаются по старшинству <...>. **Бутылки на стол расставлять должен самый молодой** из присутствующих. <...> Традиция запрещает ему сейчас улыбаться. Все остальные тоже серьезны. **Не положено сейчас ни улыбаться, ни разговаривать**. И вопросы не положено задавать, отчего во главе стола старший лейтенант сидит. Ясно всем, почему холодные бутылки расставляют, но неприлично о них говорить и о причине их появления - тоже. **Сиди да помалкивай степенно**. <...> – **«Где ж твой сосуд?» – так спросить положено**. – «Вот он». Подаю Кравцову большой граненый стакан. Наливает Кравцов стакан по ободок прозрачной влагой. Передо мной ставит. Аккуратно ставит. **Ни одна капля пролиться не должна**. Но и **стакан полным быть должен**. Чем полнее, тем лучше. Молчат все. Вроде бы и не интересуется их происходящее. А Кравцов достает из командирской сумки маленькую серебристую звездочку и осторожно ее в мой стакан опускает. Чуть слышно та звездочка звякнула, заиграла на дне стакана, заблестела. Беру я стакан, эх, не плеснуть бы, к губам несусь. **Губы навстречу стакану тянуть не положено**, хотя так и подсказывает природа отхлебнуть самую малость, тогда и не прольешь ни капли. Выше и выше свой стакан поднимаю. <...> Потянул я огненный напиток. <...> Звездочку чуть-чуть губами придержал, пока огненная влага из стакана в душу мою журчала. Вот и все. Звездочку я осторожно левой рукой беру и вокруг себя смотрю: **стакан-то разбить надо**. На этот случай на мягкой траве чьей-то заботливой рукой большой камень положен. Хрястнул я тот стакан о камень, звонкие осколки посыпались, а звездочку мокрую полковнику Кравцову подаю. Кравцов на моем правом погоне малень-*

⁶ Ритуально значимые ограничения и обязательства выделены мной – И.Ш.

кой командирской линейкой место вымеряет. <...> – **Где ж твой стакан? – так спросить положено.** Два плеча. Два погона. Значит, и две звездочки. Значит, и два стакана... в начале церемонии.

<...> Вот и на втором погоне мокрая да остроконечная появилась. Теперь Кравцов себе наливает. До краев. И каждый в тишине сам себе льет. Своя рука – владыка. Лей, сколько хочешь. <...> – Выпьем... – смиренно предлагает полковник. **Не положено в такую минуту говорить, за что пьем.** Выпьем и все тут. Пьют все медленно да степенно. Все до дна пьют. <...> **Теперь мне и улыбнуться можно. Не широко.** Ибо по традиции я все еще старший лейтенант, хотя приказ вчера был, хотя сегодня мне уже и звезды новые на погоны повесили. Вот и Кравцов допил. Чуть водичкой запил. Теперь **фраза должна ритуальная последовать.** – **«Нашего полку прибыло!»** Вот именно с этого момента считается, что офицер повышение получил. Вот только с этого момента – я капитан. Закричали все, зашумели. Улыбки у всех. Пожелания-поздравления. **Теперь все говорят. Теперь смеются все. Теперь церемонии кончились.** Теперь традиции побоку. Пьянка офицерская начинается.

Из этого отрывка романа можно почерпнуть достаточно много информации для анализа обряда как особого, значимого, находящегося вне рамок обычной жизни события. Четко прописана последовательность ритуальных действий, перформативность речевых и неречевых актов (см. [Остин 1986, Лекция II, с. 32-33]), которые шаг за шагом приводят к переходу главного персонажа обряда из одного социального статуса в другой, что и происходит после заключительной фразы: *Нашего полку прибыло!*

Очерчена жесткая ролевая обусловленность каждого участника действия, особо отмечается противопоставленность церемониального способа совершения действия естественному: *Губы навстречу стакану тянуть не положено, хотя так и подсказывает природа отхлебнуть самую малость, тогда и не прольешь ни капли.*

Выход за ограниченный круг особых, значимых актов, с которыми связано церемониальное действие или поведение, часто вызывает негативную оценку. Перенос ритуализованной формы на «профанный уро-

вень», на бытовые ситуации рождает ощущение фальши, пошлости, ненатуральности, вызывает ироническую улыбку. Сравните пассаж из романа «Дар» Владимира Набокова:

*Боже мой, как я ненавижу <...> **церемониал сделки**, обмен приторными любезностями, до и после! А эти опущенные ресницы скромной цены... благородство уступки... человеколюбие торговой рекламы... всё это скверное подражание добру, – странно засасывающее добрых.*

Ненависть персонажа Набокова к церемониальности в быту нельзя считать общераспространенной. К «церемониальной» пошлости естественно относиться скорее с насмешкой, чем с ненавистью. Например, ритуал перехода на «ты» – выпивание на брудершафт⁷, пришедший в русскую бытовую культуру два века назад, хотя и не исчез окончательно, не получил широкого распространения и воспринимается либо пренебрежительно, либо шутливо-иронично.

Узость употребления в русском языке лексемы *церемониал* отчасти компенсируется активностью ее варианта – лексемы *церемония*. В первом значении данное слово описывается в словарях примерно так же, как и *церемониал*, но используется скорее не для указания на порядок совершения обряда, а на сам этот обряд, торжество⁸. *Церемония приема посла, церемония принятия присяги, брачная (свадебная) церемония* воспринимаются, в отличие от *церемониала*, скорее как указание на конкретное событие. Кроме того, меньшая формальность лексемы *церемония* позволяет использовать его в шутливых контекстах. *Шуточный церемониал* звучит несколько странно, а *шуточная церемония* – вполне естественно. Ср.:

Но что занимает почетнейшее место в дневнике и особенно важно для понимания многого в судьбе Николая Гавриловича,

⁷ Брудершафт – застольный обряд, при котором оба его участника, скрепив руки с бокалами, одновременно впивают спиртное и целуются в знак взаимной дружбы и перехода в обращении на «ты» [СТСРЯ 2001].

⁸ Церемония – Установленный порядок совершения какого-л. обряда, акта, торжества. *Брачная ц.* и сам обряд, это торжество. СТСРЯ 2001, с. 916.

*это – подробное описание **шуточных церемоний**, которыми густо украшались саратовские вечера.* (В. Набоков. Дар).

Прилагательное *церемонный* и наречие *церемонно* наследуют такие свойства церемониального действия, как нарочитая замедленность и совершенство, полнота его исполнения.

*Он кончил играть и с **церемонным поклоном** вернул инструмент хозяину.* (В. Аксенов. Остров Крым); *Вдруг навстречу – еще один. Длинный, точно версту проглотил. Поравнялись. Он обнажает голову, раскланивается **самым церемонным манером**.* (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля);

Церемонный поклон – это отточенное действие, в котором выражается важность происходящего события, серьезность отношения к процессу общения с другим лицом⁹, и с этой точки зрения данное действие сохраняется в культуре, хотя в целом частотность его использования значительно сократилась. В ситуациях, не требующих ритуально-этикетного поведения, оценка действия как церемонного имеет отчетливые насмешливые и пренебрежительные коннотации, вызывает улыбку. Ср.:

*На сцене между тем опять появился господин с пилой, сел на табурет и принялся **церемонно** снимать туфлю.* (В. Пелевин. Чапаев и Пустота).

Слова с корнем «церемон» имеют негативные коннотации различной природы, так как оценивают объект действия с разных сторон. С одной стороны, говоря, что кто-либо *церемонится, разводит церемонии*, называя действия по отношению к кому-либо как *китайские церемонии*, говорящий проявляет легкое пренебрежение, считая адресата, объект действия или предмет речи недостойными заданному уровню церемониальности. С другой стороны, называя какое-либо поведение или действие *бесцеремонным*, говорящий выражает негативное отношение к нему и к его автору, так как последний пренебрегает церемониальными условностями, предписаниями и зап-

⁹ См. статью о поклоне Е. Морозовой «Поклон как этикетный жест» в настоящем сборнике.

ретами, установленными в обществе. Таким образом, и то и другое поведение оценивается с точки зрения этикета неодобрительно. В качестве противовеса обоим указанным случаям выступает одобрительная характеристика действий «без церемоний», в которой заключено, с одной стороны, умелое преодоление ненатуральности и оков церемонного поведения, а с другой стороны, грубости и невоспитанности поведения бесцеремонного. Рассмотрим все эти употребления более подробно.

Прилагательное *бесцеремонный* и его дериваты – наречие *бесцеремонно* и отадективное существительное *бесцеремонность* используются для характеристики поведения или поступка, а также самого человека, легко нарушающего границы этикетно дозволенного. Синонимы прилагательного *бесцеремонный* – *беззастенчивый* и *развязный*. *Бесцеремонный посетитель, гость* ведет себя в чужом доме или в общественном месте, как если бы он был у себя на кухне. Для таких посетителей в известной поговорке «Будьте как дома» есть продолжение: «но не забывайте, что вы в гостях». Считается бесцеремонным в упор разглядывать кого-либо, грубо встревать в чужой разговор, долго обсуждать большие или неприятные для окружающих темы, без разрешения трогать чужие вещи, толкать, хватать другого человека, и т.д. и т.п.

Можно говорить о двух типах бесцеремонности, в зависимости от которых автор оцениваемого действия может быть назван либо дикарем, невежей, либо хамом.

Бесцеремонность 1 чаще имеет своим субъектом толпу, массы людей, воспитанных в культуре, не- или недостаточно впитавшей в себя церемониальный, формальный этикет. Такие люди считаются до определенной степени дикими, не получившими хорошего воспитания, невежами. Бесцеремонность таких людей наиболее ярко проявляется в их поведении на улице, при посадке в автобус или в электричку. Таким людям свойственно *толпиться, толкаться, напирать, давить, лезть без очереди* и т.д.

А вообще-то уважение друг к другу как будто отсутствовало. Бесцеремонная толкотня на улице, неумение уступить до-

рогу или помочь споткнувшемуся путнику изумляли звездолетчиков.(И. Ефремов. Час быка).

Реже бесцеремонность¹ встречается при описании действий конкретного человека:

*Эр Во-Биа продолжала искоса наблюдать за Родис и вдруг не выдержала и **бесцеремонно** спросила ее, где и как на Земле учат искусству обольщения.* (И. Ефремов. Час быка); *Равиль со свойственной ему не то наивностью, не то **бесцеремонностью** – в узких восточных глазах друга никогда не удавалось толком что-нибудь разобрать – неудобств, причиняемых собственным в мансарде проживанием, мило не замечал, и Арсению оставалось либо мужественно бороться со сном и ждать неприятностей через соседок, либо найти Равилью бесплатное жилье, которое он сам охотно предпочтет существующему.* (Е. Козловский. Мы встретились в Раю...).

Сравните также шуточный перенос употребления бесцеремонности¹ на животное, к которому человеческий¹⁰ этикет применяться не должен.

*Я немного художник в душе. Величественные картины природы волнуют меня до чрезвычайности. Скрестив руки на груди, я застыл от изумления, созерцая ледяную громаду. И вот, откуда ни возмись, тощий тюлень высунул из воды свою глупую морду, **бесцеремонно вскарабкался** по склону, развалился на льду и давай, понимаете, чесать бока!* (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля).

Бесцеремонность 2. Стратегию «бесцеремонности» могут выбирать люди, знакомые с правилами этикетной уважительности, однако пренебрегающими ими ввиду того, что они считают собеседников ниже себя, недостойными этикетного поведения по отношению к ним. Наиболее частым и, возможно, наименее обидным (если пытаться выстраивать типы бесцеремонного обращения по шкале нанесения ущерба ближнему) является беззастенчиво прямое (в упор) разглядывание

¹⁰ У животных есть свой «этикет», обнаруживаемый в ритуалах ухаживания, в ролевом поведении в стае и т.д.

кого-либо. Вполне нормально разглядывать животных (ср. ситуацию посещения зоопарка), неживые объекты. Это также допустимо и по отношению к человеку близкому (любящие могут неотрывно смотреть друг на друга), однако неблизких, чужих, малознакомых людей с позиций этикета открыто разглядывать предосудительно. Исключения составляют, пожалуй, только художники, во время работы изучающие свои модели, а также врачи, диагностирующие ход болезни по ее внешним проявлениям, симптомам. Во всех других случаях подобный беззастенчивый интерес демонстрирует бесцеремонность, неуважение, пренебрежительное отношение к человеку.

Выявление контекстов с указанием на бесцеремонность поведения дает нам срез негласной социальной иерархии. Нам не встретились контексты, где дети бы *беззастенчиво* рассматривали взрослых, подчиненные *беззастенчиво* разглядывали начальника, если только он не совсем юный и не женщина. В статье Т. В. Крыловой [Крылова 2000] предлагается положение субъекта в трех типах иерархий: а) возрастная б) социально-административная и в) светская иерархия. Автор утверждает, что согласно светской иерархии, женщина имеет преимущество перед мужчиной. Однако, как показывает наш материал, на русской культурной почве (и не только на русской) «светская» иерархия приживается плохо. Продолжает бытовать мнение, выраженное в поговорке: «Мы не в Польше, муж жены больше». И, как следствие, в качестве субъекта бесцеремонного обращения в текстах наиболее часто выступает мужчина, а объектом – женщина.

Мы приведем примеры для двух типов нарушения этикета вышестоящим. Первый тип – светская иерархия: МУЖЧИНА – ЖЕНЩИНА, второй тип – социально-административная иерархия: НАЧАЛЬНИК – ПОДЧИНЕННЫЕ.

МУЖЧИНА – ЖЕНЩИНА

Павлик загоняет «ЗИМ» между вертолетом и автобусом, открывает форточку и бесцеремонно разглядывает беременную Снегурочку. (Борис Штерн. Записки динозавра); Спортивный «образец» смотрел на нее упорно и бесцере-

монно, как и многие другие мужчины, встречавшиеся здесь Чеди. Еще в садах Цоам привыкла она к манере жителей Ян-Ях разговаривать взглядом. (И. Ефремов. Час быка).

Противоположная ситуация, когда субъектом бесцеремонного разглядывания является женщина, а объектом – мужчина, встречается значительно реже. Ср. пример, взятый из [ССРЛЯ 1991, т. 1, с.558]:

Мальва, не переставая грызть семечки, бесцеремонно разглядывала Якова. (М. Горький. Мальва).

Вероятнее всего, в данном примере релевантными оказываются роли ХОЗЯИН – ГОСТЬ, структурно приближающиеся ко второму типу, для которого пол становится менее релевантным.

НАЧАЛЬНИК–ПОДЧИНЕННЫЕ

Ф. Честерфилд писал: «Человек воспитанный умеет говорить с нижестоящими людьми без заносчивости, а с вышестоящими – уважительно и непринужденно»¹¹. Однако это требует определенного усилия, которое может быть рассматриваемо говорящим как излишнее. О подчиненных и вообще обо всех, кто ситуационно зависит от говорящего, могут говорить, что они – «не баре», *обойдутся, (утрутся, перетопчутся)* и т.д., то есть стерпят ради достижения своей цели, которая невозможна без помощи вышестоящего. Так стоит ли утруждать себя излишней церемонностью? Данная стратегия поведения, при всей ее бестактности, увы, достаточно распространена.

Женщина подошла к Катерине и бесцеремонно ее оглядела. – «Заменить косынку, – сказала она. – Расстегнуть ворот кофточки». И сама расстегнула ей ворот. – «Ну-ка, пройдишь», – скомандовала она. <...> – «Это режиссер, – шепнул Кузьмич Катерине. – На всю страну тебя прославит». (В. Черных. Москва слезам не верит).

¹¹ «Разум сердца», раздел 5: «Культура поведения; вежливость и грубость; манеры, этикет», с. 380-390.

Имеющий более высокий статус и авторитет может позволить себе «этикетные поблажки», используя «отцовское» *ты* по отношению к подчиненным. Ю.Д. Апресян называет подобное *ты* «начальственным» и цитирует А.А. Холодовича, давшего еще более жесткое наименование: *ты* «хамское», поскольку «оно предполагает, что адресат такого обращения должен величать говорящего на *вы*» [Апресян 1995, с. 140].

Бесцеремонному *ты* может соответствовать и снятие некоторых ограничений в поведении вышестоящего по отношению к подчиненным или просто более низким по статусу. Ср.:

Однажды, когда сам Моргал <...> бесцеремонно полез без очереди за бутылкой минеральной воды, Софья Сергеевна <...> тронула его за плечо и доверительно предупредила: «Не пейте эту воду, товарищ директор. Я, например, брезгаю». (Б. Штерн. Записки динозавра); – «Сю-Те нужна комната», – обратился Вир Норин к дежурному. – «Ей? – бесцеремонно ткнул пальцем в сторону девушки молодой тормансианин. – Документы!». Сю-Те покорно и взволнованно пошарила в небольшой сумочке у пояса и достала красную бумажку. (И. Ефремов. Час быка)

Другие случаи бесцеремонности еще более грубы. Человека без его позволения могут *трогать, щупать, толкать, таскать*, то есть обращаться с ним как с вещью.

Вернулся он, неся зеленый флакон, снабженный резиновой грушей, и с мощным шумом стал выдувать сосновое благовоние, довольно бесцеремонно оттолкнув Цинцинната, когда тот попался ему под ноги. (В. Набоков. Приглашение на казнь).

Такое агрессивное поведение несмотря на различие в статусе может обернуться конфликтом, столкновением.

... Красная жрица подошла к финикиянке, прощупала ее плечи и руки. Таис негодующе оттолкнула бесцеремонную женщину, красноречивым жестом приказывая убираться. (И. Ефремов. Таис Афинская).

Поэтому такое поведение проявляется чаще по отношению к людям, лишенным определенных социальных прав – к арестованным, осужденным, подвергаемым социальному ostracismu и т.д., то есть тем, кто заведомо уже сломлен и лишен возможности оказывать сопротивление.

*Этапы всегда формировались в бане, где за столом сидела комиссия из наших теперешних и будущих хозяев и врачей, тех и наших. **Обращение** с нами при этом **было бесцеремоннее**, чем с неодушевленным инвентарем: нас раздевали почти догола, тыкали пальцами в ребра, заглядывали в рот и в задний проход, решая, брать или не брать. (Е. Я. Судакова. Рассказы); – «Долой!» Двое коротышек снова бросились на трибуну, один схватил Звездочкина за шиворот, другой за ноги, и поволокли его прямо на улицу. <...> От такого **бесцеремонного обращения** Звездочкин ошалел настолько, что не мог произнести ни слова. (Н. Носов. Незнайка на Луне).*

Именно от такого обращения с человеком страшит «отрицательная» вежливость, которая не позволяет забывать, что при любых самых неприятных обстоятельствах человек заслуживает достойного отношения и обращения.

*Бакстер <...> подошел к вытянувшейся на стуле молодой стройной даме и взял ее за локоть. **Вполне бесцеремонно**, черт возьми. Всегда все-таки были хамами эти американцы нашего поколения. Подходит к утонченной, изящной даме и берет ее за локоть, словно **девку**. (В. Аксенов. Остров Крым).*

Здесь для нас особенно интересна авторская оговорка. Утонченную, изящную даму за локоть брать нельзя, а «девку» – сколько угодно. Согласно некоторым явно неэксплицированным, однако устойчивым представлениям существует негласная черта, разделяющая в обществе людей, достойных этикетного обращения и недостойных его. Этот скрытый «аристократизм» проявляет себя, в частности, в употреблении глагола *церемониться* и идиоме *разводить с кем-либо церемонии*, которые имеют в языке пренебрежительные коннотации. Они обозначают стандартную вежливость как излишнюю,

необоснованную, такую, которой адресат в силу каких-либо причин не достоин: *С таким хулиганом (негодяем, паразитом, предателем) нечего церемониться!*

«Тебе что, Онучина жалко? Учти, он и на тебя капал. В смысле, что ты контингенту потакаешь». – «Не в Онучине дело. Надо по закону». – «Ты вообще излишне с зеками церемонишься». (С. Довлатов. Зона); «Ну, голубушка, – картинно развел руками Ольшанский, – тогда я перестая вас понимать. Я-то развожу тут с вами церемонии, стараюсь щадить вашу молодость, деликатничаю, выслушиваю вашу неумелую ложь, вместо того чтобы заниматься делом». (А.Б.Маринина. Реквием).

Пренебрежительные коннотации основаны на наивном, но достаточно живом представлении о том, что этикет – это удел подчиненных, слабых, тех, кем можно манипулировать. И наоборот, отбрасывание «ложных условностей» отражает силу, высокий статус и тем самым оказывается более действенным. В последнем примере это наглядно демонстрируется противопоставлением коллокаций *разводить церемонии* и *заняться делом*. Такое представление – частный случай «традиционного, бытового этикета», основанного на отношениях внутри семьи и общины.

Как уже было сказано, этикет в узком смысле противопоставляет этикетно значимое поведение как формализованное, обеспечивающее защиту личной сферы человека, поведению неформальному. Неформальное поведение широко используется в бытовых ситуациях, где общение происходит по конвенции «здесь все свои», и этикетный принцип строится не на размежевании, а наоборот, на эмпатии, на единении. В работе [Brown, Levinson 1987] такой этикетный принцип называется «положительной» вежливостью. Соответственно, если меняются приоритеты, то меняется и поведение. С бытовой точки зрения *церемониться* значит вести себя не только неестественно, но и в ряде ситуаций неискренно. К таким ситуациям относится, например, церемония отказа от предложения при внутренней готовности согласиться. Ср.:

*Отказ Михаила был выставлен, как **простая любезность – церемонится**, а народ будет снова просить и тогда коронуют Михаила. Откажется снова по своей осторожности, – тогда коронуют Николая, великого князя. (М. Шагинян. Перемена).*

Соответственно, не церемониться, перестать церемониться означает переход к искренним, естественным действиям, часто, правда, неприятным для адресата, однако с точки зрения бытового этикета, совершенно правильным.

*Англичане, господа, с большевиками, кажется, больше **церемониться не будут**. Это нам первый признак. Все переменится, господа, и очень быстро. Уверю вас. (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев); ... Вижу: действительно, полна палуба крокодилов. Крокодильчики мелкие, новорожденные и безопасные по существу, но все-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уже **не стал церемониться**, взял швабру и давай прямо за борт, в родную стихию. (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля).*

Относительная безболезненность нецеремонного общения принята по отношению к детям, которые не получили еще статуса законных членов социума: их *без церемоний* выпроваживают из комнаты (**бесцеремонно*), *без лишних церемоний* заставляют их что-либо делать (**бесцеремонно заставлять*). Ср.:

*Свентицкие страшно обрадовались Юре и Тоне. Они их помнили маленькими, **не церемонились** с ними и без дальних слов усадили за эту работу. (Б. Пастернак. Доктор Живаго).*

В русской идиоматике есть единица с шутливой или с пренебрежительной окраской: *китайские церемонии*, подвергающая иронической насмешке устаревшую, громоздкую, замедленную церемониальность формального этикета. В бытовом общении излишняя косвенность, просьбы говорящего о разрешении спросить или сделать вместо прямого речевого действия могут вызвать недоумение или осуждение собеседника.

– «Простите... Можно вопрос? Только честно, а? Нет, правда, для меня это слишком важно...». <...> – Конечно же, **что за китайские церемонии!**» (Е. Козловский. Мы встретились в Раю...)

Изменение вектора поведения от отчужденно-формального к доверительно-неформальному особенно наглядно в ситуациях переходных. Для описания таких ситуаций используется форма множественного числа родительного падежа с предлогом **без**: *без церемоний*. Отметим два варианта таких ситуаций.

Первый вариант касается мотивации собственного поведения. Человек настраивает себя на то, что вокруг все свои, и нужно вести себя соответственно, то есть естественно, непринужденно, не боясь ущемить чьи-либо интересы, задеть эстетические вкусы и т.д. У «своих» правила игры одинаковы, известны всем, и если что, любые недоразумения решаются на месте, без задней мысли и подозрений. Ср. пример из романа Мариенгофа «Циники».

*Только что я собирался нажать горошинку звонка, когда заметил, что дверь не заперта. Тронул и вошел. В передней пошаркал калошами, пооткашлялся, шумно разделся. Ни гугу. В чем, собственно, дело? Друг мне Докучаев или не друг? И я **без церемоний** (читай: без стеснения, без боязни быть неправильно понятым – ИШ) переступаю порог.*

К освобождению от ритуализованности официальной обстановки может привести также необычайное происшествие, касающееся в равной мере всех участников ситуации, например, случай, описанный в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

*Всюду гудело слово «червонцы, червонцы», слышались восклицанья, «ах, ах!» и веселый смех. Кое-кто уже ползал в проходе, шаря под креслами. Многие стояли на сиденьях, ловя вертикальные, капризные бумажки. На лицах милиции помаленьку стало выражаться недоумение, а артисты **без церемонии** начали высовываться из кулис.*

Конвенциональным к переходу от официальных к неофициальным отношениям служит приглашающий речевой акт, который

(по Остину) может быть зачислен в перформативные. Этот речевой акт производится «хозяином» положения и инициатором такого перехода в отношениях из ЧУЖИЕ в СВОИ. Для совершения акта используется та же форма множественного числа родительного падежа с предлогом **без**, но уже в качестве самостоятельной реплики, а также некоторые ее вариации: *Без церемоний! Прошу без церемоний! Будем без церемоний!* и др. Данный акт используется при приеме гостей, угощении, раздаче подарков и в других приятных для адресата ситуациях. Ср.:

*Да не хотите ли закусить, Никанор Иванович? **Без церемоний!** А? (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Сергей Леонтьевич, милости просим! Присаживайтесь, покорнейше прошу! – И Иван Васильевич крепко пожал мне руку. – Не прикажете ли закусить чего-нибудь? Может быть, угодно пообедать или позавтракать? **Прошу без церемоний!** (М. Булгаков. Театральный роман).*

Еще одна сцена из романа Булгакова «Мастер и Маргарита» – в театре Варьете, где публику пригласили на сцену для бесплатной раздачи французских нарядов и духов.

*«Герлэн, Шанель номер пять, Мицуко, Нарсис Нуар, вечерние платья, платья коктейль...». Фагот извивался, кот кланялся, девушка открывала стеклянные витрины. – Прошу! – орал Фагот, – **без всякого стеснения и церемоний!***

Приглашение людей неблизких быстро стать «своими» проходит безболезненно при условии очевидного расположения, гостеприимства. Обе стороны принимают условия и ведут себя естественно и свободно. Однако под такую стратегию могут маскироваться и рассмотренные выше отношения МУЖЧИНА – ЖЕНЩИНА и НАЧАЛЬНИК – ПОДЧИНЕННЫЙ. Адресат в таких случаях самостоятельно решает, принимать ли правила игры или попробовать отстоять свое равноправие в этикете. В одних случаях «объект» приглашения принимает право обладающего более высоким статусом на большую свободу действий, отраженное в пословице «Что положено попу, то не положено дьяку». В других случаях, особенно при отсутствии вербального приглашения перейти на от-

ношения СВОИ, это право не признается, поведение вышестоящего объявляется бесцеремонным, что может привести к конфликту. Ср:

*Воланд положил свою тяжелую, как будто каменную, и в то же время горячую, как огонь, руку на плечо Маргариты, дернул ее к себе и посадил на кровать рядом с собою. – Ну, уж если вы так очаровательно любезны, – проговорил он, – а я другого ничего и не ожидал, так будем **без церемоний**. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Бакстер, почти его ровесник, подошел к вытянувшейся на стуле молодой стройной даме и взял ее за локоть. **Вполне бесцеремонно**, черт возьми. <...> Вот сейчас он получит достойный афронт, вот посмеюсь над дубиной. (В. Аксенов. Остров Крым).*

В европейской культуре и в России церемонные формы светского поведения приобрели наибольшую популярность в 18 веке, а затем начали постепенно терять ее. Одно из первых описаний проявления пренебрежения к церемонному этикету встречается в «Евгении Онегине». Поместные дворяне так оценивают главного героя романа, приехавшего в провинцию из столичного Петербурга и являющегося собой носителя новых этикетных норм:

*Сосед наш неуч, сумасбродит <...>
Он дамам к ручке не подходит,
Все «да», да «нет»,
Не скажет: «нет-с», или «да-с»,
Таков был общий глас¹².*

Постепенная «децеремонизация» общения создала условия для сосуществования двух этикетных норм – старой и новой, и как следствие – к неоднозначности интерпретации церемонного поведения. Ср. пример из рассказа И. Бунина «Клаша»

*Он вошел во двор, поднялся на крыльцо, всем пожал руки, обернулся к Клаше. – «А это, позвольте вам представить, моя племянница», – сказала Раиса Матвеевна **не то насмешливо, не то цере-***

¹² О церемонном этикете на примере речи гоголевских персонажей см. статью И.М. Кобозевой «Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н. В. Гоголя» в настоящем сборнике.

монно, и он особенно вежливо наклонил перед Клашей свой напомаженный пробор и слабо коснулся ее прохладной от воды руки.

Ср. также пример авторской насмешки над освящением праздничного стола, «церемониалом» трапезы, и над хранителями такой традиции в романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Один из второстепенных персонажей Иван Осипович, очевидным образом «старорежимный» специалист, поставлен распорядителем торжественного обеда в честь окончания строительства Турксиба и к своему делу отнесся как к крайне важному и церемониальному. Однако:

*На минуту он убежал в кухню, светски пританцовывая, а когда вернулся назад, неся на блюде какую-то парадную рыбу, то увидел страшную сцену разграбления стола. Это до такой степени не походило на разработанный Иваном Осиповичем **церемониал принятия пищи**, что он остановился.*

Сначала уменьшение дистанции между сословиями, а потом и фактическое их изживание, демократизация общества и смена поколений привели во второй половине двадцатого века к значительному уменьшению церемониальных элементов в социальном поведении. Современное общество имеет «границу фронта», весьма сильно продвинутую в пользу естественной формы общения, которая все больше становится этикетной нормой даже в социально значимых ситуациях.

Ср. пример из романа В. Аксенова «Апельсины из Марокко»:

*Пошли, – говорит он, – наши уже в «Маячке» заседают. Представлю тебя экипажу. – Только знаешь, Васильич, спокойно давай, **без церемоний**. Вот, мол, товарищ Костюковский имеет честь влиться в наш славный трудовой экипаж, и все, тихонько так, без речей.*

Несоответствие современным нормам рождает ощущение старомодности, манерности, может вызывать неодобрение, осуждение.

Конечно, мы были приглашены на новоселье. <...>. Одну я сделал ошибку: пришел в пиджаке и в галстуке. Сергей мне прямо об

этом сказал: **чего, мол, ты так церемонно**, мог бы и в свитере прийти. Действительно, надо было мне прийти в моем толстом свитере. (В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

Итак, торжественность, присущая церемонному поведению, должна быть обоснована серьезностью, значимостью, неординарностью события. В противном случае манерное поведение менее предпочтительно, чуждо, может вызывать насмешку и неодобрение своей усложненностью, неестественностью, замедленностью и т.д. С другой стороны, указание на бесцеремонность в поведении маркирует либо незнание, либо намеренное несоблюдение кем-либо определенных этикетных норм и запретов, которые наносят урон окружающим. Такое поведение вызывает неодобрение, раздражение, приводит к конфликту. Идеальным является общение по принципам «положительной» вежливости – без церемоний, по-простому; общение, при котором искренность, свобода и естественность не приводят к ущемлению прав и интересов окружающих.

Литература

Словари

ССРЛЯ 1991 – Словарь современного русского литературного языка, изд. 2, в 20 томах (незаконченное). М., 1991.

СТСРЯ 2001 – Современный толковый словарь русского языка под ред С.А. Кузнецова. СПб 2001.

СЭ 1983 – Словарь по этике. М., 1983.

ТСРЯ 1995 – С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1995.

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря. // Избр. труды, т. II., Интегральное описание языка и системная лексикография.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1990.

Кобозева. И. М. Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н.В.Гоголя // Наст. сборник.

Крылова Т. В. Статусные правила в наивной этике // Слово в тексте и в словаре. М., 2000.

Морозова Е.Б. Поклон как этикетный жест // Наст. сборник.

Остин. Дж. Л. Слово как действие // НЗЛ. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

Разум сердца. Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. М., 1990.

Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.

Leech J. N. Principles of Pragmatics. L., NY. 1983.

Brown P, Levinson S.C. Politeness. Some universals of language usage. Cambridge, 1987.

Т. В. Крылова

**Немотивированное выражение недовольства:
модели поведения, этические и этикетные
аспекты оценки***

В русском языке существует значительный слой лексики, указывающий на немотивированное выражение недовольства¹. Среди них – глаголы *капризничать, привередничать; ворчать, брюзжать; придирааться, цепляться* (о семантике указанных глаголов см. также в [НОСС 2000]), прилагательное *сварливый*. Все эти слова указывают на нарушение этических норм или этикетных правил и получают отрицательную оценку.

Описываемые слова связываются с четырьмя основными моделями поведения.

Модели немотивированного выражения недовольства

Капризничать, привередничать, а также *ворчать, брюзжать* реализуют модель «пассивного», «безобъектного» недовольства: эта модель не предполагает конкретного объекта словесного воздействия, который бы совпадал с причиной недовольства. Та-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 00-15-98866 и Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-04-00306а.

¹ Под выражением недовольства в данной статье понимается следующий смысл: 'X говорит Y-у, что Z плохое'.

кое поведение типично прежде всего для «социально неполноценных» субъектов – детей, женщин, стариков.

Капризничать, привередничать чаще всего описывает поведение детей (а также женщин). Они указывают на то, что субъект, придавая слишком большое значение своим желаниям, демонстрирует недовольство по незначительным поводам в форме отказов от предлагаемого или чрезмерных требований, которые говорящий считает немотивированными. Такая модель поведения типична для людей с л а б ы х и несамостоятельных и одновременно избалованных и прототипически выражается доминантой ряда – глаголом **капризничать**. С точки зрения говорящего, поведение субъекта в случае **капризничать** имеет следующий механизм: субъект, понимая свою зависимость от других людей в том, что касается исполнения его желаний, и одновременно рассчитывая на их готовность выполнять его желания, сам того не осознавая, стремится показать свою власть над ними, без серьезного повода отказываясь от того, что ему предлагают эти люди и демонстрируя им свое недовольство по незначительным поводам. Иногда в случае **капризничать** к желанию субъекта самоутвердиться и компенсировать свою социальную неполноценность добавляется желание выместить на окружающих свое плохое настроение. Ср.:

Покупательница капризничала <привередничала>, ей не нравился то цвет, то рисунок; Не капризничай <не привередничай>, пей кефир; – И все-таки в консерваторию я поеду... Поеду! Поеду! – сказала Екатерина Петровна, – капризничая, и топнула ножкой (А.Чехов. Ионыч); Сталин потерял шарф, – пошел с Литвиновым покупать новый, но не мог подобрать нужный, жесткая шерсть резала шею. Купили самый мягкий, дорогой, все равно Сталин капризничал, вертел головой и ругал англичан (А. Рыбаков. Дети Арбата); Больная капризничала, не давала выключать свет, требовала, чтобы с ней всю ночь кто-нибудь сидел; Сотни раз уже эти люди – мазались краской, перевоплощались, волновались, истощались... Они устали за сезон, нервничали, капризничали (М. Булгаков. Театр).

Глаголы **Ворчать, брюзжать** описывают поведение пожилых людей (а **брюзжать** также мужчин, отсюда – существительное **брюзга**, применимое только к лицам мужского пола). Они указывают на то, что субъект на протяжении длительного времени выражает недовольство чем-л. или кем-л. по незначительным поводам, говоря негромко и монотонно и ни к кому конкретно не обращаясь (о семантике слова **ворчание** и речевой манере, свойственной для этого речевого акта, см. также в работе [Крейдлин 2000]). Данная модель поведения, как ее осмысляет говорящий, предполагает склонность субъекта видеть во всем недостатки (что особенно характерно для **брюзжать**) и одновременно его неспособность повлиять на ситуацию. В результате субъект **ворчать, брюзжать** дает выход своим чувствам с речевом акте, который часто не имеет адресата и направлен, так сказать, «в пространство»:

Марфа Тимофеевна, игравшая в уголке в карты со своей приятельницей, ворчала себе что-то под нос (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо); *А няня старая оглохла, / Ворчит, не помнит ничего* (А. Блок. Сусальный ангел); *Пишет чепуху, брюзжит и ревет, больше ничего* (А. Чехов. Дядя Ваня).

Придираться, цепляться и **сварливый** реализуют «активную», «объектную» модель недовольства, предполагающую наличие конкретного объекта словесного воздействия, который совпадает с причиной недовольства. Эта модель типична для социально полноценных субъектов и часто предполагает, что статус субъекта выше статуса адресата.

Придираться, цепляться обозначают несправедливую и мелочную критику, как правило, направленную «сверху вниз». Они указывают на то, что субъект выражает другому человеку свое недовольство им, используя в качестве повода незначительный факт, к которому этот человек имеет отношение. Данная модель предполагает, что субъектом, по мнению говорящего, движет предвзятое отношение к адресату, имеющему, как правило, более низкий статус, вследствие чего он ищет любой повод, чтобы сделать ему замечание. Ср. характерное *искать <найти>*, к чему *придраться <прицепиться>*; ср. также:

Она [графиня Ростова] упрекала себя, но не могла не ворчать, не **придираться** к Соне, часто без причины останавливая ее (Л.Н.Толстой. Война и мир); Ты к характеру человека не **цепляйся**, если он исправно работает! – сердито закричал юноша (Паустовский. БАС).

Сварливый, в отличие от **придираться**, **цепляться**, делает акцент не на несправедливости критики, а на ее частой повторяемости. Это прилагательное используется применительно к немолодым женщинам (реже – пожилым мужчинам) и обозначает свойство субъекта, который постоянно по разным поводам критикует людей, с которыми он вместе живет (при этом, как правило, тех, кто имеет более низкий социально-возрастной статус), причем делает это в достаточно грубой форме. Ср.:

Еще пуще старуха бранится, / Не дает старику мне покою: / Избу просит **сварливая** баба (А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке); Она терпеливо сносила ругань и оскорбления, которыми осыпала ее злая и **сварливая** мачеха; Все это время она тихо разговаривала с одной пожилой дамой, злой и **сварливой** старухой (Ф. М. Достоевский. Маленький герой).

Ср. также типичное выражение **сварливая баба**.

Со словами **капризничать**, **привередничать**; **ворчать**, **брюзжать**; **придираться**, **цепляться**, **сварливый** сближаются глаголы **скромничать** и **прибедняться**. Они указывают на то, что субъект, говоря о том хорошем, что он сам сделал или имеет, преуменьшает его ценность, причем говорящий считает, что он делает это сознательно. Пример:

Хватит **скромничать** <**прибедняться**>, все знают, как тебя ценят на работе; Я - прекрасный, чего уж **скромничать**, кулинар (Ю. Алешковский. Кенгуру); – Ты переоцениваешь мои способности. – Не **скромничай** (М. Львова. Саня или двойная свадьба); – Мне нечего надеть! – Пожалуйста, не **прибедняйся**, у тебя целый шкаф одежды; – Ты получаешь на своем ЛОМО под двести рублей и трапишь только на себя, не **прибедняйся** (М. Веллер. Приключения майора Звягина).

В каком-то смысле **скромничать, прибедняться**, подобно словам **капризничать, провередничать; ворчать, брюзжать; придираться, цепляться, сварливый**, тоже обозначают немотивированное выражение недовольства³. При этом **скромничать, прибедняться** имеют несколько важных отличий от **капризничать** и прочих рассмотренных слов. Во-первых, **скромничать** и **прибедняться** в отличие от **капризничать** и пр. предполагают, что субъект выражает недовольство самим собой, своими качествами и достижениями. Во-вторых, в случае **скромничать, прибедняться** субъект только лишь имитирует недовольство, тогда как в случае **капризничать** и пр. субъект действительно его испытывает. Во-третьих, **скромничать, прибедняться**, по сравнению с остальными перечисленными словами, предполагают большую осознанность действий субъекта, цель которого чаще всего состоит в том, чтобы понравиться адресату своей скромностью, услышать его похвалу или вызвать у него сочувствие к себе.

³ Для **прибедняться** это характерно в большей мере, чем для **скромничать**. Данное различие между синонимами **скромничать** и **прибедняться** связано с различиями в содержании речевого акта. В случае **прибедняться** субъект утверждает, что его положение характеризуется чем-то плохим: жалуеться на недостаток материальных ресурсов, на тяжелые жизненные обстоятельства: преклонный возраст, житейскую неустроенность и пр. Ср. *Артемий Богданович не кичился, наоборот, прибеднялся, жаловался: того нехватка, там неудача, кругом прорехи* (В. Тендряков. Поденка – век короткий); *Раз в неделю он встречался с мористорезовкой, для этих надобностей она выпрашивала у подруж ключи от их квартир, потому что Андрей Николаевич прибеднялся, бубил что-то о сестре, о комнате в коммуналке* (А. Азольский. Лопушок); *– Мне вот-вот сороковник... – А кому я нужна на пятом десятке? – Ладно тебе, не прибедняйся* (В. Кунин. Интердевочка). Между тем, в случае **скромничать** субъект отрицает, что он сделал или имеет что-л. хорошее, необычное, превышающее норму. Ср. *– Я польщен, что мою работу кто-то читал, а тем более – вы. Вот уж не думал, что она кого-нибудь заинтересует. – Не скромничайте, Александр Евгеньевич* (А. Маринина. Стечение обстоятельств). В связи с этим **скромничать** часто используется, когда субъект возражает в ответ на похвалу, прозвучавшую в его адрес. Ср. *– Вы – превосходный пианист. – Что вы, я совсем не умею играть. – Не скромничайте. У вас несомненный талант*.

Источники представления о немотивированности выражения недовольства

Рассмотрев основные модели немотивированного выражения недовольства, попробуем установить, с чем в наивно-языковом сознании может связываться представление об этой необоснованности. По характеру причин, вызывающих оценку говорящим поведения субъекта как необоснованного, рассмотренные слова делятся на две группы.

1) Глаголы **капризничать, привередничать, придираться, цепляться, скромничать, прибедняться**. В этом случае оценка поведения субъекта как необоснованного вытекает из анализа говорящим повода для выражения недовольства: говорящий считает его недостаточно серьезным, или же считает, что повод для недовольства вообще отсутствует. Такое мнение говорящего может основываться на следующих соображениях:

а) Говорящий расценивает запросы субъекта как превышающие норму и вследствие этого необоснованные. На это указывает глагол **привередничать**. Ср. *Этот, видите ли, для нее слишком молод, тот слишком стар – если и дальше будешь так же привередничать, останешься старой девой!; Он еще будет мне здесь привередничать, подумаешь, барин!* Особенно часто **привередничать** применяется, когда речь идет об излишней разборчивости в еде. Ср. *Хватит привередничать, ешь, что дают*.

б) Говорящий считает, что внешний повод для недовольства случаен и незначителен, тогда как истинная причина поведения субъекта коренится во внутренних свойствах и состоянии субъекта. На это указывают глаголы **капризничать, придираться, цепляться**. **Капризничать** предполагает, что поведение субъекта обусловлено его внутренним состоянием (раздражением, плохим настроением) или свойствами характера (избалованностью или деспотизмом). Несколько иную ситуацию описывают глаголы **придираться** и **цепляться**. Они тоже предполагают, что истинная причина поведения субъекта имеет внутренний характер, однако в данном случае эта причина коренится в предвзятости субъекта, его негативном отношении к адресату (**придираться**) или

же в желании субъекта инициировать конфликт с адресатом или же разбирательство, неприятное для него (**цепляться**). Пример:

*В отделе кадров документы смотрит комиссия, проверяет серьезно и особенно **придирается** к тем, кто уволился конфликтно, или по пьянству (А. Приставкин. Городок); Ну, а что, если бы кто из властей предрержащих тут был и эти девкины слова услышал? Он сразу бы **прицепился**: «Как ты говоришь? Этот? – А ну подойди-ка сюда, уважаемый» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).*

в) Говорящий считает, что в реальности повод для недовольства вообще отсутствует, более того, он не верит в то, что субъект испытывает недовольство, и расценивает его слова как неискренние. На это указывают глаголы **скромничать**, **прибедняться**. Ср.:

*– У меня денег нет, да я и плохая хозяйка. – Вы **скромничаете**. У вас все так хорошо, все в таком цветущем виде, везде порядок, чистота (А. Островский. Волки и овцы); Усаживая за стол мужиков, стала причитать обычное при гостях, заменившее молитву: – Ничего такого нету – прямо стыд! Если бы знала, что вы придете, что-нибудь бы и приготовила, а то все на скорую руку. – Ты, Степанида, не **прибедняйся**. С такой закуской можно неделю гулять, – успокоил ее Василий (В. Распутин. Деньги для Марии).*

2) Вторую группу слов образуют глагол **ворчать** и прилагательное **сварливый**. В этом случае оценка поведения субъекта как недостаточно обоснованного вытекает из сопоставления масштаба повода и количественных характеристик действия: все эти слова указывают на «избыточность» действия – излишнюю продолжительность речевого акта (**ворчать**) или чрезмерную частоту повторения речевых актов (**сварливый**), не соответствующую масштабам повода для недовольства.

Глагол **брюзжать** одновременно принадлежит к первой и второй группам. Подобно глаголам второй группы, он указывает на количественную избыточность действия – прежде всего, на его длительность, что сближает **брюзжать** с **ворчать**; ср. типичное **брюз-**

жать без конца. Между тем, по характеру причин и поводов, вызывающих недовольство субъекта, **брюзжать** отличается от **ворчать** и обнаруживает сходство с глаголами первой группы, подчеркивающими отсутствие серьезного повода для недовольства, в частности, с **капризничать**. **Брюзжать**, также как **капризничать**, указывает на то, что причина поведения субъекта коренится в его внутреннем состоянии и свойствах характера.

Сравним глаголы **брюзжать** и **ворчать**. В случае **ворчать** поводом для недовольства является конкретный поступок, поведение или свойство какого-л. человека, реже – какая-л. конкретная ситуация. Например:

Сергей спустился и, проворчав: – «Всегда ты оставляешь все под открытым небом», – вышел в сад (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду); Тетка Нуца, дядина жена, иногда ворчала, что он только и занят своей лошадейю целыми днями (Ф. Искандер. Лошадь дяди Кязыма); – Дружбист, – ворчала тетка, – с винищем дружишь (С. Довлатов. Заповедник); – Ну кого еще на ночь глядя Господь посылает! – проворчала Ниловна и пошла в переднюю (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

В случае **брюзжать** недовольство субъекта вызывается не конкретным поводом, а тем, что из-за плохого настроения или в силу особенностей внутреннего склада субъекта он во всем склонен видеть одни недостатки. Таким образом, **брюзжать** перемещает причину недовольства с конкретных фактов окружающей действительности во внутреннюю сферу субъекта, и одновременно указывает на универсальный характер этого недовольства. Ср.:

Все время он [прокурор] раздражался, – капризничал, брюзжал (А.П. Чехов. Ночь перед судом); Перси Диксон помалкивал бы, – а Макс бы брюзжал, что старо, скучно и везде одинаково (А. и Б. Стругацкие. Далекая радуга); Он приехал сюда, в рай то есть, а в рай ему тошно. Вот он и принялся брюзжать (И. С. Тургенев. Накануне).

С универсальностью недовольства в случае **брюзжать** связана нетипичность его использования, когда присутствует указание на конкретный повод для недовольства, и особенно на конкретный объект словесного воздействия, совпадающий с причиной недовольства; ср. нетипичное **брюзжать** *из-за чего-л.* <по поводу чего-л.> а также невозможное ***брюзжать** *на кого-л.* при нормальном **ворчать** *из-за чего-л.* <по поводу чего-л.> ; **ворчать** *на кого-л.*

«Двусторонняя» необоснованность выражения недовольства в случае **брюзжать**, которая проявляется как в избыточности действия, так и в отсутствии конкретного повода для недовольства, приводит к тому, что он по сравнению со своим синонимом **ворчать** выражает более резкую отрицательную оценку; ср. нежелательность замены **ворчать** на **брюзжать**, когда речь идет о себе, или когда говорящий положительно оценивает субъекта:

– *Небось у Островского не вписывал бы дуэлей, – ворчал я, – не давал бы Людмиле Сильвестровне орать про сундуки!* (М. Булгаков. Театральный роман); *Милая няня, не ворчи!*

Следует заметить, что отрицательная оценка **брюзжать** усугубляется еще двумя факторами.

Во-первых, **брюзжать** по сравнению с **ворчать** предполагает большую количественную избыточность действия: он указывает не только на длительность действия, но и на его многократность. В связи с этим **брюзжать** не используется, когда прозвучало одно высказывание, что вполне допустимо для **ворчать**; ср. нежелательность подстановки **брюзжать** вместо **ворчать** в следующие фразы: – *Вечно одно и то же. – Опять ворчишь?* (А. Вампилов. Прощание в июне). По этой же причине у **брюзжать** отсутствует форма *пробрюзжать*, аналогичная *проворчать*.

Во-вторых, **брюзжать**, в отличие от **ворчать**, хотя и не допускает наличия конкретного объекта словесного воздействия, всегда предполагает ориентацию субъекта на аудиторию.

Поясним это различие. Когда человек **ворчит**, для него не обязательно, чтобы его слова кто-нибудь слышал: **ворчать** можно, находясь в одиночестве, или же совсем тихо и неразборчиво. Ср.:

Он слышал, как она **ворчит** в ванной; Трубка вдруг резко оборвала разговор, Персигов отошел, **ворча** сквозь зубы какие-то бранные слова (М. Булгаков. Роковые яйца); Марфа Тимофеевна, играющая в уголке в карты со своей приятельницей, **ворчала** себе что-то под нос (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Между тем, **брюзжат** обычно громче и всегда в присутствии других людей, хотя и не обращаясь ни к кому из них конкретно, потому что субъектом движет неосознанное желание излить на окружающих свое плохое настроение; ср. невозможное ***брюзжать** себе под нос. Тем самым, **брюзжать**, в отличие от **ворчать**, предполагает нарушение правил поведения в обществе, с чем связана его более резкая оценка, по сравнению с глаголом **ворчать**, который не обязательно предполагает, что поведение субъекта затрагивает других людей.

Слова со значением немотивированного выражения недовольства и этикет

Большинство слов, обозначающих «объектное» недовольство (а именно – **придираться, цепляться**), чаще описывают нарушение этических норм (прежде всего – нарушение принципа справедливости). Слова **капризничать, привередничать, ворчать, брюзжать**, обозначающие «безобъектное» выражение недовольства, как правило, указывают на нарушение правил поведения в обществе (а **ворчать, брюзжать**, помимо этого, выражают общую отрицательную оценку действий субъекта, основанную на нарушении принципа конструктивности критики). При этом непосредственно на нарушение правил поведения указывают глаголы **брюзжать, капризничать**, поскольку они, в отличие от своих синонимов **привередничать** и **ворчать**, всегда предполагают наличие аудитории.

Соответствующее свойство **брюзжать** и его отличие от **ворчать** уже было проиллюстрировано ранее. Аналогичным образом различаются **капризничать** и **привередничать**. В случае **привередничать** действия субъекта не рассчитаны на присутствие рядом другого человека и его непосредственную реакцию. В частно-

сти, этот глагол может использоваться при описании поведения субъекта в условиях, когда его никто не наблюдает. Например, фраза *Смотри, он снова не ест, **привередничает*** может быть произнесена, когда говорящий увидел нетронутую тарелку с едой. Глагол **капризничать** в этой ситуации было бы менее естественен, поскольку он, как и **брюзжать**, всегда предполагает ориентацию субъекта на аудиторию: его поведение в данном случае является своеобразным способом самоутверждения и демонстрации своей власти над другими людьми, или же, как и в случае **брюзжать**, способом излить на окружающих свое плохое настроение.

В случае **капризничать** субъект нарушает нормы вежливости: его немотивированные отказы от предлагаемого и требования того, на что другие не согласны, противоречат одной из максим вежливости, которая предписывает каждому члену общества идти навстречу желаниям других людей. **Ворчать** и особенно **брюзжать** предполагают нарушение правил «психологического комфорта в ходе коммуникации», указывая на утомительность поведения субъекта для окружающих (ср. также слова *ныть, хныкать*, указывающие на нарушение этого правила).

Рассмотрим теперь пару **скромничать, приbedняться**. Оба этих синонима указывают на нарушение этических норм – а именно, нормы искренности: субъект сознательно преуменьшает свои достоинства, чтобы достичь тех или иных целей. В случае **приbedняться** речевой акт мотивирован желанием субъекта вызвать у адресата жалость или снисхождение. Пример:

– *И тебе не стыдно посылать на дерево бедного старика?*
– *Не **приbedняйся**, пожалуйста!* (Н. Думбадзе. Я, бабушка, Илико и Илларион); – *Пожалуйста к столу, дорогие гости!* – *Не обессудьте, чем богаты, тем и рады!* – *Не **приbedняйся**, Терентий Степанович!* – *не поднимая головы, сказал Красноперов.* – *Разве не богато живешь?* (Мальцев. МАС).

В случае **скромничать** речевой акт мотивирован желанием понравиться адресату своей скромностью или услышать его похвалу (в том числе, повторно, после того, как одна похвала в адрес субъек-

та уже прозвучала); ср. – *Я совсем не умею готовить. – Вы скромничаете. Ваши пироги просто великолепны.*

Однако при внешнем сходстве **скромничать** и **прибедняться** обнаруживают принципиальное различие речевых стратегий.

В случае **прибедняться** субъект «всерьез» пытается создать у адресата искаженное представление о своем положении и ждет, что адресат поверит его словам, поскольку это соответствует его истинным целям, состоящим в том, чтобы вызвать жалость у адресата или дезинформировать его (в том числе, для того, чтобы извлечь из этого практическую пользу). Такое поведение предполагает достаточно резкую отрицательную оценку: говорящий усматривает в нем не только неискренность, но часто – хитрость и расчет (в случае, когда говорящий предполагает наличие у субъекта каких-л. практических целей). Ср.:

*И все наперебой – стали превозносить возможности Бабанова: людей невпроворот, связи с поставщиками налажены, живет себе мужик и в ус не дует, хитер, ох как хитер, и все **прибедняется**, и сейчас, когда скрыл резервы и таит их, совсем разленился, пролезать в передовики не хочет (А. Азольский. Лопушок); Я эту политику Саганского насквозь вижу! **Прибедняется**, плачет, дает заниженный план, а потом – перевыполнение! (Неглинская. МАС).*

В случае **скромничать** субъект тоже говорит не то, что думает: он критикует себя, хотя на самом деле испытывает скорее самодовольство. Однако субъект **скромничать** делает это не «всерьез»: он не только не ждет, что субъект поверит ему, но ждет как раз обратного, поскольку его цель, как правило, состоит в том, чтобы спровоцировать адресата на похвалу или же понравиться ему своей скромностью (последнее опять-таки предполагает, что говорящий не должен воспринимать всерьез самокритику субъекта). Ср.:

*– Знаешь, Марина, я человек, в принципе, темный, необразованный. – Ну, не **скромничай** (В. Сорокин. Тридцатая любовь Марины).*

По сравнению с **прибедняться**, такое поведение получает значительно более мягкую оценку со стороны говорящего: последний настроен по отношению к субъекту снисходительно и видит в его по-

ведении не столько хитрость, сколько своеобразную игру, кокетство, легкий элемент актерства.

Вообще **скромничать** в отличие от **прибедняться** предполагает, если так можно выразиться, символический, знаковый характер речевого акта: слова субъекта не рассчитаны на то, чтобы адресат воспринимал их значение напрямую, а служат тем или иным знаком для адресата: в частности, знаком того, что он ждет от адресата похвал или высокой оценки его скромности. Однако ярче всего знаковый характер **скромничать** проявляется в контекстах, в которых он обозначает этикетное действие.

Данный тип употреблений представляет собой парадоксальное явление и заслуживает более подробного рассмотрения. Он имеет место в тех контекстах, в которых **скромничать** используется для интерпретации слов субъекта, опровергающего похвалу. В этой ситуации **скромничать** обозначает действие, мотивированное желанием соблюсти принятый в обиходе этикет, который требует, чтобы тот, кого хвалят, опровергал похвалы, даже если он считает, что они вполне обоснованы. (Рассмотренное правило можно назвать обиходной заповедью гипертрофированной скромности). В данном случае, парадоксальным образом, наивно-языковые представления предписывают совершать действие, которое, вообще говоря, обычно получает отрицательную этическую оценку из-за указания на притворство субъекта. Ср.:

– Тебе хорошо, – говорил дяде Сандро земляк по району, – теперь ты обеспечен на всю жизнь... – Да брось ты, Махаз, – **скромничал** дядя Сандро. – Да ты что? – Подкатить к самому Сталину, да еще прикрыв лицо башлыком! (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); – Неужели вы сами шили это платье? Это просто шедевр. – Что вы, ничего особенного. – Пожалуйста, не **скромничайте**; – Как вы прекрасно играете на рояле! – Что вы, это так, пустяки. – Не **скромничайте**; – Ты переоцениваешь мои способности. – Не **скромничай** (М. Львова. Саня или двойная свадьба).

В таких контекстах происходит максимальное ослабление или даже снятие отрицательной оценки, выражаемой глаголом **скромничать**.

Т. В. Крылова

Аналогичным образом, **ворчать**, в отличие от **брюзжать**, в некоторых случаях допускает указание на следование субъекта некому этикету; ср. нормальное **ворчать для порядка**; **ворчать на показ**, **ворчать для вида**. **Ворчать** в таких контекстах чаще всего предполагает, что субъектом движет не столько желание выплеснуть свое недовольство адресатом, имеющим более низкий статус (которого он на самом деле не испытывает), сколько желание соблюсти некие правила речевого поведения, требующие от страшшего имитации строгости в ходе общения с младшими. В таких контекстах отрицательная оценка **ворчать** максимально ослабляется или даже снимается.

Литература

Крейдлины 2000 – Крейдлины Г. Е. Голос и тон в культуре и языке // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М. 2000. стр. 453-501.

НОСС 2000 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. (Словарные статьи: **капризничать, привередничать; ворчать, брюзжать; придираться, цепляться** – автор Т. В. Крылова).

Н. Ю. Лукашевич

**Непосредственность и искренность
как черты характера
(представление с помощью шаблонов поведения)**

Моя работа связана с семантикой слов, обозначающих черты характера человека типа «непосредственный», «искренний» и т.п., условно названных «именами характера» и отражающих наивную психологию носителей языка.

Особенностью слов данного семантического поля является то, что их значениям весьма сложно дать адекватное описание, используя традиционные методы семантического анализа.

Специфика семантики имен характеров заключается в том, что, во-первых, в их значение входит оценочный компонент, причем удельный вес этого компонента может быть различен, и, во-вторых, у слов такого типа помимо некоторой инвариантной части в значение входит очень большая субъективная часть, определяемая личным опытом человека. Подобные особенности имен характеров обусловлены тем, что они касаются столь сложной сферы как поведение человека.

Проанализировав применявшиеся к описанию значений имен характеров методы, а также опираясь на идеи, высказываемые еще Л. Витгенштейном в рамках его работ по аналитической философии, можно предложить следующее. Поскольку под чертой характера мы понимаем некоторый стереотип поведения, с высокой степенью реализующийся в условиях типичных для данной черты ситуаций, то наиболее удачным способом представления значения такого слова было бы

задать типовую ситуацию и стереотип поведения человека в таких условиях. Это можно сделать с помощью «шаблона поведения» (понятие введено Ю.С.Мартемьяновым) – некоторой обобщенной схемы, которая фиксирует эмоциональные состояния человека и условия перехода от одного состояния к другому.

Определенная сложность заключается в том, что для того, чтобы получить информацию о типовой ситуации, необходимо иметь не тексты, которые содержат сами рассматриваемые слова, а тексты, про которые заранее известно, что они описывают проявления данной черты характера. В связи с этим предлагается использовать тексты художественных произведений, так как они содержат некоторое конечное число ситуаций, на основе которых героям этих произведений традиционно приписываются те или иные черты характера. Чтобы исключить субъективность оценки, можно опираться на характеристики, даваемые в разных критических статьях. Проверять выдвигаемые гипотезы, а также получать информацию о прототипических примерах реализации шаблонов предлагается с помощью эксперимента, а именно специально составляемых тестов.

В качестве иллюстрации данного подхода были рассмотрены такие слова как, в частности, «искренний», «непосредственный», (проявления которых тесно связано с речевым поведением и регламентированностью поведения человека в обществе); с помощью данного подхода были получены следующие толкования для указанных слов, которые позволили выявить сходства и различия между этими понятиями.¹

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ

Непосредственный человек =

=В ситуации, когда общественные установки предписывают ограниченное выражение эмоций, человек выражает их, не ограничивая, потому, что:

¹ Материалом для толкования послужили ситуации, взятые из текста романа «Война и мир», и данные словарей.

- 1) не знает о существовании таких установок;
- 2) забывает о них под влиянием эмоций;
- 3) не имеет привычки ограничивать себя в этом.

Такой человек, например,

- не может сдерживать выражения вслух явной радости, когда ему сообщают, что некая важная и неприятная для него встреча отменяется по причине болезни ее второго участника;
- начинает громко обсуждать свои проблемы в переполненном автобусе;
- увидев, что знакомый, опоздавший на лекцию, входит в аудиторию, начинает громко звать его (через всю аудиторию), махать рукой;
- читая книгу в библиотеке, вслух комментирует прочитанную фразу.

Первая из указанных причин, по которой человек так открыто выражает свои эмоции, касается случаев, описывающие поведение ребенка, который действительно ведет себя «непосредственно», не контролируя выражение своих эмоций, потому что еще не умеет этого делать и не знает всех ситуаций, в которых поведение регламентировано какими-либо неписаными правилами. Так, например, ребенку нужно сначала объяснить, что в театре не принято громко комментировать происходящее на сцене, и, возможно, какое-то количество раз сделать ему замечание, прежде чем он привыкнет к тому, что в зале во время представления нельзя громко разговаривать и т.п. Судя по тому, что существуют такие распространенные оценки поведения, как «детская непосредственность», «непосредственный как ребенок», очевидно, что «непосредственный» должно включаться в коннотативную зону слова «ребенок».

ИСКРЕННИЙ

Искренний человек =

=В ситуации, когда открытое выражение своих переживаний, эмоционального состояния необязательно, человек сообщает что-то о своих переживаниях, эмоциональном или ментальном состоянии, что соответствует реальному положению дел, причем, поступая так, он не имеет в виду получение личной выгоды.

Такой человек, например,

- если предлагает свою помощь, то делает это бескорыстно, руководствуясь только реальным желанием помочь ближнему;
- признается в любви объекту своих чувств, даже если знает, что, скорее всего, будет отвергнут.

Близкой к искренности чертой характера является честность: и та, и другая черты характера проявляются в речевом поведении человека. Но, во-первых, для искренности это единственный способ проявления, а для честности – нет. Во-вторых, искренность предполагает информирование окружающих о феноменах внутреннего мира говорящего, а честность – о каких угодно положениях дел. И, наконец, даже когда одно и то же поведение может быть охарактеризовано как проявление и искренности, и честности, эти свойства соотносятся с разными «фреймами». В случае искренности в фокусе сам факт правильного информирования о своем внутреннем мире. В случае честности в фокусе оказывается соответствие такого поведения нормам морали.

В словарях в один синонимический ряд с *искренний* зачастую попадают прилагательные *откровенный*, *открытый* и *прямой*, поэтому для того, чтобы точнее определить значения рассматриваемых слов, будет уместным рассмотреть и эти синонимы. При этом следует заметить, что в поле зрения оказываются, как слова, значения которых связаны с регламентированностью речевого поведения человека, так и слова, значения которых не имеют непосредственной связи с речевым этикетом.

ОТКРЫТЫЙ

Открытый человек =

= В ситуации общения с людьми, когда говорящему необязательно сообщать о своих мыслях, чувствах, планах, он делится ими с окружающими.

Такой человек, например:

- может легко рассказать малознакомым людям о своих планах;
- если он чем-то расстроен, не будет скрывать этого.

ОТКРОВЕННЫЙ

Откровенный человек =

= В ситуации, когда открытое выражение своих переживаний, эмоционального состояния, неочевидных сведений о себе необязательно или может быть использовано во вред самому человеку, делает его уязвимым, но говорящий испытывает доверие к собеседнику, он сообщает о себе какой-то факт, который выставляет его в невыгодном свете.

Такой человек, например:

- скажет о себе, что он легкомысленный.

ПРЯМОЙ

Прямой человек =

= В ситуации, когда этикет предписывает не высказывать свое мнение по какому-либо поводу или отношение к чему-либо, в связи с тем что оно может затронуть чувства собеседника или может быть использовано во вред говорящему, говорящий явно выражает свое мнение, причем, поступая так, он не имеет в виду получение личной выгоды и сознает, что этим он нарушает этикет.

Такой человек, например:

- не будет чувствовать себя неловко, если нужно напомнить знакомому о старом долге, который тот еще не вернул;
- на общем собрании на работе раскритикует предложение начальства, если считает его неудачным.

Как видно из получившихся шаблонов, характеристика *непосредственный* касается любого проявления эмоций, необязательно именно в речи.

Открытый характеризует человека с точки зрения его желания/склонности сообщать окружающим что-либо о себе, о своем внутреннем мире, эмоциях, мыслях и т.п.

Искренний и *откровенный* очень близки между собой, но *искренний* – более общая характеристика, в то время как *откровенный* может относиться к состоянию человека в данный момент по отношению к

Н. Ю. Лукашевич

данному собеседнику (*Вы заметили, что вы в первый раз со мною так откровенны?*). Различия, видимо, существуют и в том, о чем говорит *искренний* и *откровенный* человек (Ср.: *скажу вам откровенно/ *искренне: я легкомысленный человек*).

Характеристика *прямой* касается выражения своего мнения о чем-либо, которое может быть по какой-либо причине неприятно для окружающих, но, по мнению говорящего, отражает реальную действительность.

В заключение можно сказать, что изучение данной ЛСГ имеет большое значение не только потому, что это одна из ЛСГ, связанных с отражением в языке образа человека, но и потому, что оно позволяет сопоставить критерии оценки поведения человека, зафиксированные разными культурами в разных языках.

Литература

Мартемьянов Ю.С. Метаязыки описания предложения и текста // Обработка текста и когнитивные технологии. М., 1999, №3, стр. 124-129.

Словарь современного русского литературного языка. М., 1961-1962 (БАС).

Словарь русского языка. М., 1983 (МАС).

Словарь русского языка / Сост. С.И.Ожегов. М., 1989.

Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П.Евгеньевой. Л., 1971.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1935.

Феофраст. Характеры. Л., 1974.

Резюме

Н.И. Формановская **Социально-культурная сущность речевого этикета**

В статье определены сущностные признаки речевого этикета (РЭ) как регулирующих правил речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения. Выделены: языковое обеспечение РЭ как лексико-фразеологический массив (словарь) и как системно организованные ситуативно-тематические группы выражений и речевые проявления РЭ. Отмечены: социальная заданность ритуализованного речевого поведения, связь с категорией вежливости, речеактивная природа единиц РЭ, принадлежность национальной культуре.

Л.Л. Федорова **Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии**

В основе этикета как ценностной семиотической системы лежит уважение достоинства. Знаки вежливости могут быть упорядочены по ценности – по шкале социальной дистанции в соответствии с ситуацией общения. Регулирование величины социальной дистанции производится выражением отношений присвоения, отчуждения, возвеличивания, унижения. В статье рассматриваются некоторые примеры изменения дистанции в речевом взаимодействии.

Е.Н. Басовская **Обращения, которые они выбирают (штрихи к речевому портрету молодого поколения)**

В статье рассматриваются виды обращений, которые русские школьники и студенты используют в различных коммуникативных ситуациях. Работа базируется на исследовании, проведенном в 2002 г. Автор выясняет, что молодые носители русского языка чувствуют себя уверенно и легко, когда обращаются к своим ровесникам в устной форме, но испытывают затруднения при обращении в полуофициальных и официальных ситуациях (например, при написании объявления, состав-

лении письма в организацию и т.п.). Автор приходит к заключению, что необходимо радикально изменить систему обучения русскому языку в школах и университетах с тем, чтобы подготовить молодых людей для социальной коммуникации.

Г.Е. Крейдлин **Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания**

Речь в работе идет о некоторых аспектах невербального семиотического коммуникативного поведения в его соотношении с вербальным поведением. Невербальные приветствия и прощания рассматриваются как комплексные семиотические акты, которые (1) включают в себя невербальные (в большинстве случаев вместе с вербальными) единицы – жесты разных типов, (2) по большей части представляют собой жестовые комплексы, состоящие из невербальных знаков разных типов (нередко в сочетании со знаками вербальными) и которые (3) люди используют с определенной целью, а именно чтобы, вступая в контакт с другим человеком и выходя из такого контакта, почувствовать партнера и дать понять ему, кто они друг другу. Анализируются типы ситуаций невербальных коммуникативных неудач, возможных в актах приветствия и прощания.

Е.Б. Морозова **Поклон как этикетный жест**

Статья исследует один из этикетных жестов – поклон, его роль, историю, функции и значение в коммуникации. В работе предлагаются возможные пути классификации этого жеста соответственно типу используемого контекста и приводятся некоторые интересные факты использования поклонов в разных культурах и эпохах.

Н.М. Михайлюк **Диалог взрослого с ребенком: способы позиционирования слушающего**

Статья описывает стратегию позиционирования слушающего в диалоге взрослого с ребенком. Использование такого рода стратегии обеспечивает возможность диалога как совместной деятельности обоих участников. Она позволяет взрослому обозначать себя как слушающего в диалоге, что особенно важно в разговоре с детьми, для которых роль слушающего не является такой очевидной как роль говорящего.

Исследование проводилось на материале двух языков: русского и немецкого. Качественный анализ диалогов между взрослыми (родителями и воспитателями) и детьми (возраст от 1 года 8 месяцев до 4 лет 7 месяцев) в каждодневных ситуациях показал, что позиционирование слушающего реализовывалось одинаковыми языковыми средствами и выполняло одинаковые дополнительные функции в речи. Можно заключить, что позиционирование слушающего в диалоге взрослого с ребенком это стратегия, которая не столько зависит от выбора языка, сколько обусловлена культурными и общечеловеческими факторами.

***К. Такахаси* К поэтике сталинизма 1930-х годов: опыт дискурсивного анализа одной речи Сталина**

В настоящей работе с помощью различных методов дискурсивного анализа анализируется речь И.В. Сталина (4 мая 1935 года). Прежде всего строится сюжетная схема, которая представляется характерной для соцреалистических романов об «обряде посвящения». На основе этой текстовой модели с учетом данной речевой ситуации выявляются языковые приемы, используемые для оправдания партийной «чистки» и «культы личности». Также показывается, что дальнейшие мифотворческие советские тексты послужили «откликами» на данную речь и завершили сюжет в масштабе государственного дискурсивного пространства.

***И. М. Кобозева* Тема речевого этикета в бессмертной поэме Н. В. Гоголя**

В данной статье объектом подробного рассмотрения является речевой этикет, представленный в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Тема этикета занимает важное место в поэме. Особенности вербального и невербального поведения основных персонажей вместе с авторскими комментариями снабжают читателя разнообразными данными, которые позволяют восстановить замысел вежливого поведения, лежащего в их основе. Лингвистический анализ этих данных показывает, что этот замысел включает большинство принципов и правил, которые были эксплицитно сформулированы только 150 лет спустя в современной прагматической теории вежливости. Очевидно, что по существу этикет оставался неизменным почти 200 лет, и в его основе лежит глав-

ный принцип вежливости: веди себя по отношению к собеседнику так, как ты хотел бы, чтобы он вел себя по отношению к тебе.

И.А. Шаронов **Столкновение этикетных норм: церемонность и простота в общении**

В статье рассматривается употребление группы слов с корнем «церемон-» в русском языке. Дается характеристика основных свойств церемонного поведения и их отражение в этикете. Анализ материала демонстрирует, что церемонное поведение используется только в особых, социально значимых ситуациях и кажется странным, неестественным в быту. С другой стороны, элементы ритуального поведения вошли в этикет для поддержания достоинства и статуса членов социума. Несоблюдение их может привести к конфликту.

Т.В. Крылова **Немотивированное выражение недовольства: модели поведения, этические и этикетные аспекты оценки**

В статье проанализирован значительный слой русской лексики, служащий для выражения немотивированного недовольства. В исследовании рассматриваются модели поведения, связанные с немотивированным недовольством, определяются различные ситуации, вызывающие такого рода эмоцию. Среди лексики, указывающей на немотивированное недовольство, выделяются слова, выражающие нарушение этикетных норм, рассматривается характер этого нарушения в каждом отдельном случае. Подробно анализируются семантические особенности слов «скромничать» и «прибедняться».

Н.Ю. Лукашевич **Непосредственность и искренность как черты характера (представление с помощью шаблонов поведения)**

Данная работа связана с семантикой слов, обозначающих черты характера человека типа непосредственный, искренний и т.п. Особенностью слов данного семантического поля является то, что их значениям сложно дать адекватное описание, используя традиционные методы семантического анализа. Для получения таких толкований предлагается, опираясь на понимание термина *характер* в психологии, использовать схему, включающую описание ситуации, типичной для проявлений данной черты характера, и описание типичной реакции челове-

ка с такой чертой характера в данных условиях. Для иллюстрации предлагаемого подхода в статье рассматриваются значения таких слов, как *непосредственный*, *искренний*, которые называют черты характера человека, тесно связанные с речевым поведением и регламентированностью поведения в обществе в целом.

Summary

N.I. Formanovskaya **Social and cultural essence of speech etiquette**

It is stated in the article that Speech etiquette is rooted in national traditions, customs and rituals. Fundamental function of Speech etiquette are 1) to distinguish relatives and close friends from strangers; 2) to decrease aggression. It is argued that Speech etiquette and Politeness are very close but not the same. The special linguistic and lexicographic problem is classification and compilation of the language units, used to express Speech etiquette.

L.L. Fedorova **Mechanisms of changing the distance in verbal interaction**

Etiquette is the value semiotic system basing on the concept of Respect. The signs of Respect can be ranged according to their value – in the scale of social distance with regard to the situations of their use. The regulation of distance is produced with signs of expression of appropriation, alienation, extol, disparaging... The article gives the examples of changing the distance in verbal interaction.

E.N. Basovskaya **Forms of appeal we use. Speech portrait characteristics of different ages**

The article deals with the way Russian school children and students use different forms of addressing people. It is based on the results of the survey carried out in 2002. The author finds out that young users of the Russian language feel sure and free, when addressing people of their age in oral form, but they have a lot of difficulties in different semi-official and official situations (e.g. preparing a written announcement, composing a letter to an

Summary

organization, etc.) The author comes to the conclusion that it is necessary to radically change the system of teaching Russian at schools and universities so as to prepare young people for social communication.

G.E. Krejdlin **Nonverbal etiquette: nonverbal greetings and leave-takings**

The paper investigates some aspects of nonverbal semiotic communicative etiquette behavior in coordination with the verbal one. Nonverbal greeting and leave-taking are regarded as complex semiotic acts which (1) consist of nonverbal (and in most cases, also of verbal) units - gestures of different types, (2) aim in starting the communication and in finishing it to make the partner feel who he is for the gesture performer and (3) assist in the actual dialog or in future relationships with the addressee. Types of situations of communicative nonverbal failures, which take place in greeting and leave-taking are discussed.

E.B. Morozova **An etiquette bow as an indicator of social relations**

This paper explores one of the etiquette gestures - a bow, its role, history, functions and meaning in communication. The work introduces some new ideas in understanding of the gesture, gives possible ways of classification according to the type of the context in which it is used, and provides some interesting facts of bow usage in different cultures and epochs.

N.M. Mikhailiuk **Adult-child communication: ways of listener positioning**

The article describes the strategy of listener positioning in adult-child communication. The use of this strategy ensures dialogue as a common activity of both participants. It allows the adult to define for the child the listener role in dialogue which doesn't seem to be as clear as that of the speaker.

K. Takahashi **On the poetics of Stalinism in the 1930s: a discourse Analysis of a speech by Stalin**

This paper analyses a speech by I.V. Stalin (May 4, 1935), using various analytical tools of discourse analysis. First of all, we give a plot scheme of the speech which is typical of novels of socialist realism with the motifs of «a rite of passage». On the basis of this text model in view of the speech situation

we reveal the language uses exploited to justify the «purge» and the «personality cult». The study also shows that the subsequent myth-creating Soviet texts served as «responses» to this speech and completed the plot on the scale of the Soviet discourse space.

I.M. Kobozeva **The topic of speech etiquette in N. V. Gogol's immortal poem («Dead souls»)**

In the paper the object of close scrutiny is speech etiquette as it is presented in Gogol's «Dead souls». The topic of etiquette occupies an important place in the «poem». The features of verbal and non verbal behavior of the main characters together with author's comments supply a large amount of diverse data for reconstructing the conception of polite behavior underlying them. Linguistic analyses of this data shows that this conception includes most of the principles and rules that have been explicitly formulated only 150 years later in modern pragmatic theories of politeness and this is an evidence that essentially etiquette remained the same for almost 200 years and at the basis of it there is the main principle of politeness: do to the interlocutors only what you would like them to do to you.

I.A. Sharonov **Collision of etiquette norms. Sincerity and ceremoniousness**

The paper explores usage of words with the stem «ceremony» in Russian. The author describes main characteristics of ceremony (ritual, tradition) and examines their influence to the etiquette. It is stressed, that ceremonial behavior is used conventionally in special social events. When used in the other situations, it looks ridiculous. But at the same time some ritual characteristics are used in etiquette to serve «negative» politeness – that is to express respect and self-respect in communication. If one does not observe maxims of «negative» politeness, it may cause conflicts between communicants.

T.V. Krylova **Unmotivated criticizing: models of behaviour, ethic and etiquette aspects of estimation**

In this paper, I analyze Russian words denoting unmotivated criticizing. My goal was to describe naive ideas of unmotivated criticizing projected into the lexicon, to consider models of behaviour connected with unmotivated criticizing and, at last, to define different circumstances causing such estimation.

Summary

Further, among words denoting unmotivated criticizing I distinguish the words denoting infringement of etiquette and consider the character of infringements in each case. Along with it I analyze semantic peculiarities of words *скромничать* and *прибедняться*.

***N.Ju. Lukashevich* Spontaneous and sincerity as characteristics of humans personality and it's presentation through models of behavior**

The article concentrates on the semantics of Russian words denoting traits of human character such as *iskrenniy* ('sincere'), *neposredstvenniy* ('spontaneous'), etc. Due to specific features of words belonging to this semantic field, traditional methods of semantic analysis do not provide for appropriate descriptions of such words' meaning. In order to obtain adequate descriptions of meaning, it is suggested to use a scheme, which is based on a psychological understanding of human character and which includes a description of a situation, typical for a certain trait of character, and a description of typical behavior in such circumstances. To illustrate the suggested approach, meanings of several words like *iskrenniy* ('sincere'), *neposredstvenniy* ('spontaneous'), which denote traits of character closely connected with speech behavior and speech etiquette, are considered in the present article.

Московский лингвистический журнал / Гл. ред. С. И. Гиндин.–
М.: Издательский центр РГГУ. 2002. Том 7. № 2. 204 с.

Очередной тематический выпуск Московского лингвистического журнала составляют материалы конференции «Речевой этикет: семантика и прагматика», прошедшей в октябре 2002 года в Российском Государственном гуманитарном университете, а также несколько близких по проблематике статей. Исследуется социально-культурная сущность речевого этикета, этикет в речевом взаимодействии различных социальных и возрастных групп.

Отдельный блок составляют статьи, посвященные описанию этикета в языке, как на материале художественных текстов, так и с использованием данных устной речи.

Две статьи номера посвящены этикетным жестам.

Выпуски «Московского лингвистического журнала» можно приобрести в магазине «У кентавра» (ул. Чаянова, д. 15), а также непосредственно в Институте лингвистики РГГУ (Миусская пл. 6, корпус 2, к. 309, 303, 314).

Иногородние читатели могут заказать журнал через отдел платных услуг Научной библиотеки РГГУ (095-250-65-79 Т. П. Самойленко).

Зарубежные библиотеки и университеты могут получать журнал в порядке книгообмена с Научной библиотекой РГГУ.

Оператор компьютерной верстки М.М.Ровинская

Издательский центр Российского государственного гуманитарного
университета, 125267 Москва, Миусская пл., 6

Отпечатано в типографии РГГУ

Лицензия Серия ИД № 05992, вид. 05.10.2001

Подписано в печать 28.07.2003 Формат 60x90/16 Усл. печ.л. 12,7

Гарнитура Arial Тираж 500 экз. Заказ №